

**Российская Ассоциация
Политической Науки**
Russian Political Science Association

X ЮБИЛЕЙНЫЙ ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНВЕНТ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

**СБОРНИК ТЕЗИСОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
(27-31 ОКТЯБРЯ 2020 ГОДА
Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ)**

Южный федеральный университет
Институт философии и социально-политических наук
Кафедра теоретической и прикладной политологии

Ростовское региональное отделение
Российской ассоциации политической науки

**X ЮБИЛЕЙНЫЙ ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНВЕНТ**
**«Политическая власть в условиях
социальной турбулентности:
региональные и глобальные аспекты»**

Материалы Всероссийской онлайн-конференции
с международным участием

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2020

УДК 323.2(470+571)(063)

ББК 66.0+66.3(2Рос)3я43

Д37

Ответственные редакторы:

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой
теоретической и прикладной политологии Института философии
и социально-политических наук ЮФУ *Р. А. Пупыкин*;
магистрант направления подготовки «Философия» Института философии
и социально-политических наук ЮФУ *К. П. Пилюгина*

Д37 X Юбилейный Южно-российский политологический конвент
«Политическая власть в условиях социальной турбулентности:
региональные и глобальные аспекты» : материалы Всероссийской
онлайн-конференции с международным участием /отв. ред.
Р. А. Пупыкин, К. П. Пилюгина ; Южный федеральный университет. –
Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального
университета, 2020. – 220 с.
ISBN 978-5-9275-3661-0

В сборнике публикуются тезисы докладчиков X Юбилейного Южно-российского политологического конвента «Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты», а также материалы, подготовленные сотрудниками кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ и Ростовского регионального отделения РАПН.

Материалы будут полезны политологам, философам, культурологам, социологам, конфликтологам, историкам, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными политическими процессами.

Публикуется в авторской редакции.

УДК 323.2(470+571)(063)

ББК 66.0+66.3(2Рос)3я43

ISBN 978-5-9275-3661-0

© Южный федеральный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Марков С.М. ТУРБУЛЕНТНОСТЬ ВЛАСТИ: КОНВЕНТ-МАРАФОН В РОСТОВЕ. ЭССЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УЧАСТНИКА КОНВЕНТА-10	7
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	27
Макаренко В.П., Халед Рефаат К.Б. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ ..27	
Глухова А.В. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ 2020 Г.	40
Денисов С.А. НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА СТЫКЕ ПОЛИТОЛОГИИ И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА (КОНСТИТУЦИОННАЯ ДЕВИАНТОЛОГИЯ, ПРАВОВАЯ ИМИДЖЕЛОГИЯ, КОНСТИТУЦИОННАЯ ИННОВАТИКА)	44
Неклесса А.И. ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ КАК ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ: МЕТАМОРФОЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА	48
КРУГЛЫЙ СТОЛ «МИРОВОЕ КОМПЛЕКСНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ РЕШЕНИЯ СЛОЖНЫХ ПРОБЛЕМ»	54
Воскресенский А.Д. ОСОБЕННОСТИ МИРОВОГО КОМПЛЕКСНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ (МКР) КАК НАПРАВЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ	54
Колдунова Е.В. ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	58
Ефремова К.А. ПОНЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ	61
Киреева А.А. КЛЮЧЕВЫЕ ИГРОКИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЕЛИКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕРЖАВЫ И ДЕРЖАВЫ СРЕДНЕГО УРОВНЯ	64
Кузнецов Д.А. ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ МИРОВОГО КОМПЛЕКСНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ	67
ЭКСПЕРТНЫЕ ДОКЛАДЫ	70
Кононов И.Ф. ДОНБАССКИЙ КОНФЛИКТ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА И ПЕРСПЕКТИВЫ УКРАИНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ	70
Коргунок Ю.Г. ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА РОССИИ НАКАНУНЕ ДУМСКИХ ВЫБОРОВ 2021 ГОДА	78

Отроков О.Ю. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ)	82
Пупыкин Р.А. ОНЛАЙН-МИТИНГИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КАК НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ	87
Подшибякина Т.А. КОГНИТИВНАЯ ПОЛИТИКА: СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРОС НА ИССЛЕДОВАНИЕ	90
Карпенко А.А. ЭТНОПЕДАГОГИКА В РОССИИ. КОНЦЕПТ «ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА»	93
МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИЙ КОНФЕРЕНЦИИ	102
Секция № 1. «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТИ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»	102
Попова А.К. ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ	102
Акимова М.С. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛАСТИ И ПОЛИТИКИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ	104
Марков С.М. ФИЛОСОФСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ЛЮКА ФЕРРИ VS СЕРВИЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ: О ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ	108
Неверов К.А. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ АКТОРАМИ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	113
Новикова М.О. ЛЕГИТИМНОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ «ЦЕНТР- РЕГИОНЫ» В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ	116
Саратова А.А. ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	120
Туланов Достон Б.У. КОНЦЕПТ «НУКУМАТ» (ВЛАСТЬ) В УЗБЕКИСТАНЕ	124
Французов Р.И. ЭТИЧЕСКИЙ БАЗИС В МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЛАТОНА	126
Секция № 2. «ОСМЫСЛЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ»	130
Баладина Д.М. ФЕНОМЕН ГРЕТЫ ТУНБЕРГ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ И ПЕРЕДЕЛА РЫНКА РЕСУРСОВ	130
Гливенко В.О. СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА	133
Долгих У.О. ГЛОБАЛЬНЫЕ ИСПЫТАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В 2020 ГОДУ	138

Матяшова Д.О. МНОГОСТОРОННИЙ КОНФЛИКТ ПО ВОПРОСУ СЕВЕРНОГО ПОТОКА-2 В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	141
Трегубов К.А. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ТУРЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ.....	145
Четвериков А.А. СТОЛКНОВЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ФОНЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА	148
Шкор О.А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ПО ПОДДЕРЖКЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	151
Тупаев А.В. ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕПРЕССИИ – ДИАГНОЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	154
Секция № 3. «ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ».....	157
Арутюнов А.Г. ТЕХНОЛОГИИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ В МОСКВЕ.....	157
Печёнкин С.А. ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	160
Поживотько А.Ю. ЗАЩИТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ В РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ 2020 Г.....	163
Кузнечников М.Е. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	165
Нарежнев А.Е. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ – СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ПОРЯДКА	167
Пучков В.М. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛОББИЗМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	169
Реута А.Ф. «УМНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ» КАК ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА, НЕДОСТАТКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА 2021 ГОД.....	171
Старков К.Д. СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИФРОВУЮ СРЕДУ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	174
Тумуров Ж.Т. МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ.....	179
Бартепов С.В. РОЛЬ АМЕРИКАНСКИХ СМИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА США 2020.....	183
Секция № 4. «КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ».....	187
Венцель С.В. СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК КАНАЛЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ	187

Золотова О.В. МЕДИАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ: РОЛЬ ТЕЛЕГРАММ-КАНАЛОВ	190
Кандауров Б.И. САКРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТИ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ	193
Курбатов А.В. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: ФОРМЫ И СТРАТЕГИИ	197
Летуновский А.А., Федосов М.В. МЕМЫ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ИДЕОЛОГИЙ	199
Маник А.С. СОЦИАЛЬНАЯ АМНЕЗИЯ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ	203
Милонова К.И. ПОДНЯТИЕ ЗАБЫТЫХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ТЕМАТИК В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ФОРМА ПРОТЕСТА МОЛОДЕЖИ ПРОТИВ КОГНИТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНзуРЫ	206
Мосоровчук А.А. ЗАПРОС НА АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ИНФОРМАЦИЮ В СМИ: ДАННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА СТУДЕНТОВ ЮГА РОССИИ	210
Пилюгина К.П. ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО: ОПЫТ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	215

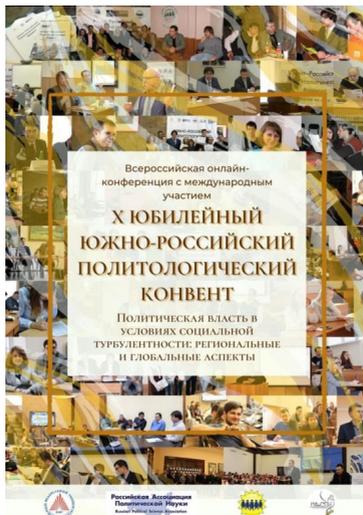
Марков Сергей Михайлович
к. филос. н., доцент кафедры Историко-правовых и социально-экономических дисциплин, Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ ВЛАСТИ: КОНВЕНТ-МАРАФОН В РОСТОВЕ. ЭССЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УЧАСТНИКА КОНВЕНТА-10

Всероссийская онлайн-конференция с международным участием «X Юбилейный Южно-российский политологический конвент: Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты».

27 – 31 октября 2020 г. Ростов-на-Дону.

ОРГАНИЗАТОРЫ ПРОЕКТА: Южный федеральный университет: Институт философии и социально-политических наук ЮФУ; Кафедра теоретической и прикладной политологии ИФиСПН ЮФУ; Центр политической концептологии ЮФУ; Студенческое научное общество политологов ЮФУ; Ростовское отделение Российской ассоциации политической науки (РАПН). В качестве партнеров Конвента выступили ведущие образовательные и научно-исследовательские университеты России, среди которых можно выделить ИФ РАН, МГУ, МГИМО МИД РФ, ВШЭ, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет и др.

Политологический Конвент Ростовского ЮФУ проходил в режиме онлайн с использованием современных цифровых технологий. Председатель Конвента – профессор, доктор политических и философских наук Виктор Павлович Макаренко. Организатор и главный модератор всех заседаний Конвента – к.полит.н., доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ Роман Александрович Пупыкин.

В первый день Конвента выступили ректор ЮФУ И.К. Шевченко и её первые проректора с поздравительными докладами. Директор Института философии и социально-политических наук ЮФУ Елена Сердюкова отметила значимость и актуальность ростовского конвента: «Политологический конвент за десять лет не утратил своей свежести, остроты, яркости, актуальности и новизны, поскольку каждый раз организаторы находят интересные форматы и задают высокий тон для научных дискуссий».

Заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ Роман Пупыкин рассказал о проекте Южного федерального университета и его десятилетней истории: «Сегодня важное событие, которое происходит десятый раз, но каждый раз как первый. В этом году, работая в онлайн-формате, мы расширяем географию конвента. Мы делаем ставку на междисциплинарный подход. В течение эволюции конвента мы научились получать новые знаки на стыке наук, чтобы выходить на новый уровень осознания и развития политологии». Действительно, в работе юбилейного Конвента-10 приняли участие ученые и практики (эксперты) ведущих вузов, академий и институтов России: от Ростова до Москвы и Санкт-Петербурга и далее до высоких берегов Амура, точнее Приамурья. Как мне представляется, именно междисциплинарный подход, усиленный философской методологией и правоведением, открывает границы онтического понимания (Хайдеггер) сущности власти и её атрибутов.

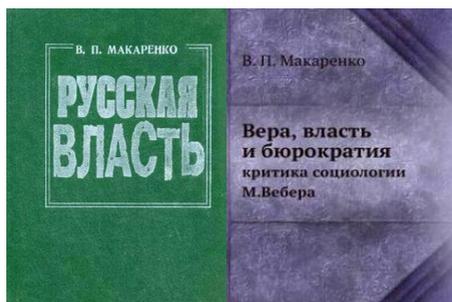
Я полностью соглашаюсь с резюме организаторов ростовского конгресса, конвент уже по праву можно считать доброй традицией ростовских политологов Южного федерального университета, способной сплотить и создать междисциплинарное и коммуникативное пространство социогуманитарного сообщества ведущих специалистов и экспертов всей России. Я лишь добавлю, что моё восприятие конвента примерно соответствует древнему концепту «стратагема», что означает в вольной трактовке многоходовую шахматную партию с использованием философско-политических концептов и теорий в языковых реалиях политической жизни. Как писал Жак Бодрийяр, «Язык лишь невольный соучастник коммуникации: по самой своей форме он обращается к нематериальному и материальному, рассеивая смысл в самом событии языка». Правда, если для Бодрийяра на первом месте стоит «зашифровка», то для меня – «расшифровка»

стратагеми конвента, исходя из субъектной позиции философа с берегов Амура (Хабаровска). Разумеется, все тонкости «конвента» (в классической трактовке), особенно неявные, для меня остались тайной. Ita est, как говорили древние римляне. С другой стороны, издавека – это совсем не значит «извне», просто эта иная точка зрения, или Другая. В своем эссе я попытался не делать загадочным то, что очевидно и не усиливать концептуальную транспарентность как политических идеологов его участников, так и теорий политической турбулентности, представленных на суд экспертов.

Сайт Южного федерального университета: <https://www.sfedu.ru>

***История и современный анализ бюрократии в России.
Идеологические матрицы [неявные] молодёжи***

В рамках первого дня работы конвента состоялись презентация и обсуждение собрания сочинений в 3-х томах профессора ЮФУ **Виктора Павловича Макаренко** под общим названием «История и современный анализ бюрократии в России» [1], круглый стол на тему: «Кризис как проекция когнитивно-идеологических матриц: по материалам социологических и политологических исследований», а также презентация политологических образовательных программ уровней бакалавриата («Политология») и магистратуры («Национальная политика и политические идеологии») ЮФУ (зав. кафедрой теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ **Роман Александрович Пупыкин**).

В качестве рецензентов сочинений В.П. Макаренко выступили ведущие специалисты Санкт-Петербурга, Москвы, Ростова. Краткое резюме сочинений В.П. Макаренко: власть (бюрократия) – идеологический институт насилия или убеждения всех акторов социума [2]. Хотелось бы особо отметить развернутую характеристику трудов профессора ЮФУ, представленную уважаемым профессором из Санкт-Петербурга, признанного во всем мире специалистом по средневековой философии и современной российской демократии Светланы Сергеевны Неретиной. Сейчас С.С.

Неретина работает в ИФ РАН Центре методологии и этики науки, а когда-то работала под руководством Льва Карпинского в издательстве журнала «XX век и мир».

«Русская власть и бюрократическое государство» (2013) – монография, в которой наиболее ярко проявился онтический метод В.П. Макаренко в аналитике сущности (essential) и существования (existential) русской власти[3]. Монография была переиздана в 2016 году. Рецензенты, как правило, отмечают «критический метод» ростовского политолога; я бы выделил «деконструкцию» в контенте Ж. Даррида (*«реконструкция» – В. М.*), то есть «перепрочтение» классических, в том числе марксистских, и современных текстов о турбулентности власти и её атрибутов. Деконструкция – это не голая критика и уничтожение (хотя вводимые автором в свои тексты метафоры и мифологемы как бы нацеливают на это читателя), деконструкция – есть созидание через апофатический метод новой теории русской власти (quidditas, или «чтойности»).

Для иллюстрации приведу лишь малую их часть из авторского текста: «бюрократия как организм-паразит», «власть-собственник», «эпигонская природа политической бюрократии», «автохтонный политический порядок», «большевистская клика», «повседневный макиавеллизм», «красный капиталист», «двойное сознание как система», «закон Жданова» и др. Хотелось бы напомнить мифологему «красного бюрократа» из монографии В.П. Макаренко – это Фома Фомич Опискин из повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково» (см.: третий том собрания сочинений). Мифологемы и крылатые мысли В.П. Макаренко заставляют (нацеливают) на восприятие essential и existential русской власти в исторической ретроспективе. Теория бюрократии излагается во второй главе «Бюрократия и власть», где бюрократия, если кратко, определяется как социальный организм-паразит и материализация властно-политического отчуждения (Указ. соч.: с. 142), к сожалению, как мне представляется в недостаточном объёме (с. 142 – 152) для столь важной для политологии и юриспруденции концепции. Исходный принцип – диалектика социального интереса (с. 143). Методы – Гегель, Маркс, Ленин, Вебер, Крозье, Бурдьё, плюс понятийный аппарат теории. Таким образом, автор делает акцент на социологический анализ бюрократии. В связи с чем хотелось бы увидеть в дальнейших авторских трудах больше дискриптивных исследований, а не только, аксиологических оценок феномена бюрократии.

В философско-политических исследованиях бюрократии, в разрабатываемом проекте ростовского учёного с мировым именем в течение более чем полувековой научной работы, недостаёт, как считает питерский эксперт профессор С.С. Наретина, комментариев, примечаний и пояснений к ранее опубликованным текстам. В этом случае они бы приобрели современную форму и новый язык изложения, тем более подобный опыт (удачный, как мне кажется) апробировал А.В. Марков при издании сочинений Л. Фейербаха. С точки зрения дальневосточного участника

конвента, недостаёт для Scheidung (разделения бытия и сущего, существования) современной бюрократии: а) дискриптивного её анализа, б) юридических исследований (философско-правовых), в) философско-правовой и политической (онтической) теории феномена бюрократии (системного подхода). Скажем, возможно, следует добавить исследования бюрократии, проведенные доктором юридических наук, профессором, член.-корр. АН РАН Г.В. Мальцевым [4] или его же монографию [5] либо д.ю.н., профессором А.А. Воротниковым [6] и др. Новые работы из смежных областей говорят лишь о том, что парадигма В.П. Макаренко сегодня является востребованной. Впрочем, это всего мнение (доха) дальневосточного участника конвента с берегов Амура.

В рамках круглого стола интересные доклады сделали проф. ЮФУ Сергей Петрович Поцелуев на тему культурно-антропологический и символический дискурс власти и доцент ИФиСПН ЮФУ Татьяна Александровна Подшибякина на тему нарративный анализ молодёжных идеологий, основанный на проведенных социологических исследованиях [7]. Т.А. Подшибякина представила авторский анализ когнитивно-идеологических матриц с использованием имплицитной когнитивистики. Особое внимание уделила когнитивным неявным процессам, прежде всего в области идеологической идентичности молодёжи и её политической [субъективной] ориентации.

Другими словами, в сфере её интересов оказалась спонтанность (турбулентность) политического сознания молодёжи. В качестве исследовательских методов были использованы: IAT-метод, аттитюд-тест, NPF (Narrative Policy Framework). Хочется отметить презентацию Т.А. Подшибякиной, её контент, визуализацию и качественно выполненные схемы-таблицы, при этом без лишних мелких деталей. Такие презентации запоминаются надолго.

Аналитика турбулентности власти в современной России и мире

Второй день конвента был посвящен аналитике политической турбулентности в современной России и мире. Самый интересный доклад, пожалуй, вызвавший резонанс среди участников Конвента, был представлен профессором-космонавтом, доктором юридических наук Юрием Михайловичем Батуриным «Историческая турбулентность или хронология в исторических исследованиях». Автор, основываясь на В.О. Ключевского, рассказал нам о логосе и законе истории, при этом неоднократно ссылаясь на естественнонаучные представления об истории. Сочетание естественнонаучного и гуманитарного в методологии профессора-космонавта отнюдь не случайно, ведь проф. Ю.М. Батурин является директором Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (в прошлом Институт науки и техники, созданный Н. Бухариным), а также автором замечательных работ: «Повседневная жизнь российских

космонавтов» (М., 2011), «История науки и техники: импровизации в стиле jazz (М., 2016), коллективной монографии «Космонавтика XXI века» (М., 2010) и др.

Профессор-космонавт проиллюстрировал свою точку зрения понимания исторической турбулентности оригинальным анализом японского искусства (на примере, «Большой волны в Канагаве» Хокусая). В целом, можно согласиться с профессором, в турбулентности и хаосе есть и должны быть свои законы и закономерности – точно такие же, как в восприятии большой волны, рыбацкой лодки внутри её и символа Фудзи. Другими словами, джаз-анализ исторической турбулентности в зеркале континуума Клио-мышления.

Теоретические аспекты власти и методология политических исследований

Особо хотелось бы отметить основательные доклады докторов и профессоров из разных научных школ России по различным аспектам политической турбулентности современной эпохи постмодерна: д.ф.н. проф. ВШЭ Валерия Георгиевича Ледяева о концептуальном анализе власти (Москва), д. полит. н., проф. ВГУ Александры Викторовны Глухой о внутриполитической обстановке в России (Воронеж), д.полит.н., проф. ВШЭ Эмиля Абрамовича Паина о кризисе власти, д. ист. н., профессора, гл. научного сотрудника института этнологии и антропологии РАН Виктора Александровича Шнирельмана (Москва) о роли «катехонов» от апостола Павла в политической культуре и власти (мы обсудили роль «катехонов» в современной науке и вузовской практике при поддержке проф. В.П. Макаренко), проф. ЮФУ Виктора Павловича Макаренко о политической турбулентности в контексте государственной бюрократии (Ростов), председателя Комиссии по социокультурным проблемам глобализации РАН при Президенте РФ Александра Ивановича Неклессы (Москва) о метаморфозах цивилизационного транзита, к.ю.н., доцента кафедры прав человека Гуманитарного университета (Екатеринбург) Сергея Алексеевича

Денисова по Альтернативному Конституционному праву, или конституционной девиантологии, с которым мы вступили в активную дискуссию по вопросам девиации правовой культуры и о статусе его учебников в ФГОС, а также обсудили термин «ложная конституция».

В этот же день после обеда, а по амурскому времени уже ночью, прошли заседания секций, в одной из которых я принял участие «Теоретические аспекты власти и методология политических исследований». Модератор: к. полит. н., доцент кафедры теоретической и прикладной политологии ИФиСПН ЮФУ Михаил Сергеевич Константинов. Эксперты: к.полит.н., доцент ЮФУ Татьяна Александровна Подшибякина и преподаватель ЮФУ Михаил Александрович Петров. Хотелось бы отметить, на секции с докладами выступили как ведущие ученые из разных университет России, так и молодые, в том числе студенты старших курсов, магистранты, аспиранты. На этой секции выступил с докладом я – доцент кафедры Историко-правовых и социально-экономических дисциплин Дальневосточного института Всероссийского государственного университета юстиции РФ (Хабаровск), к.ф.н. С.М. Марков. Мой доклад: **«Мир духовно-нравственных ценностей Люка Ферри (для подростков и их родителей) VS политического экстремизма и турбулентности».**

Хотелось бы особо отметить доклад-презентацию аспирантки факультета политологии СПГУ Марии Сергеевны Акимочкиной «Идеологический анализ власти и политики: вопросы теории и методологии», в котором автор скрупулёзно проанализировала политический дискурс Кембриджской школы политики.

Россия и Япония: турбулентность дипломатических отношений

В третий день Конвента, во второй половине дня по ростовскому времени заседание Конвента под председательством проф. В.П. Макаренко

открыл д.с.н., профессор кафедры социологии МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования» (г. Москва). Сергей Владиславович Чугров, специалист по Японии. Профессор МГИМО выступил с открытой лекцией и презентацией о современной властной элите страны восходящего Солнца и осветил современные проблемы дипломатических отношений между Россией и Японией. Презентация профессора МГИМО вызвала интерес и дискуссию среди участников Конвента. Обсудили его самые последние статьи и работы: Япония в поисках новой идентичности. М.: Вост. лит-ра, 2010; Политическая культура Японии // Политическая культура современной Японии / под. ред. Д.В. Стрельцова. М., 2013 и др. В том числе проанализировали книгу Бенедикта Рута «Хризантема и меч: модели Японской культуры» (М., 2004). Профессор С.В. Чугров также презентовал планы журнала «Полис».

Мы вспомнили Симодский трактат 1855 год (день северных территорий в современной Японии), а также представили на суд участников философскую, политическую, юридическую его оценку. Напомнили, что на географической карте времен Екатерины II Хоккайдо не входил в состав Японии. Обсудили проблему айнов в Японии, миссию Е.В. Путятина и её описание И.А. Гончаровым в исторической хронике-романе «Фрегат “Паллада”», Курильский пинг-понг Анатолия Аркадьевича Кошкина, Ялтинскую конференцию, проблему “Хабомаи”, древний миф о создании Японии и другие проблемы. Во время доклада Сергея Владиславовича Чугрова я вспомнил древний миф о сотворении Японии, и почему-то в моём сознании возникла аллегория о русском кладбище в Нагасаки.

Как известно, в старинных японских хрониках, напомнил проф. С.В. Чугров, в древней японской мифологии, существовали два божества – Идзанаги и Идзанами. Неизвестно точно, откуда они появились, по одной из версий, от небесных божеств, тем не менее, они обладали волшебным

«небесным копьём» (Аме-но-нубоко), с помощью которого они создали сначала самый большой остров Оногородзима. Затем от их брачного союза родились дети – Японские острова, затем Фудзи, горы, камни, водопады, реки, лес, ветер, Солнце и Луна и другие природные стихии. Так постепенно появилась Ямато – древнее японское государство.

Значения слова «Ямато» точно неизвестно. После того, как появились китайские иероглифы это слово записывали знаком 倭 (карлик), затем в V – VI веках обозначение изменили примерно на 大和 («великая гармония»), наконец, в 670 году династия Ямато стала официально называться «Ниппон» 日本 («источник солнца»). Термин Ямато не исчез окончательно, сохранился, например, в древней религии синто и дзэн-буддизме (особенно ощущается в поклонении природным стихиям, в первую очередь, Солнцу и Луне). Иногда это слово переводят как «Путь Богов». Отсюда следует название Ниппон (Нихон), что буквально означает: «Ни» – Солнце, «пон» – «корень», то есть Страна восходящего Солнца. Итак, Ямато – Страна восходящего Солнца, что следует из японской мифологии.

Дошедшие до нас источники свидетельствуют, что Ямато – древнее японское государство, объединение древних племён, проживавших на островах Хонсю, Сикоку, Кюсю. Другие племена они называли «варварами». Этот миф о Ямато, как мне представляется, сказывается в современном японском менталитете в качестве «географического» архетипа из далёкого прошлого, который по сей день сказывается на мировосприятии (мира) в современной Японии, в том числе в политике и дипломатии, оказывая турбулентное воздействие. Возможно, быль и миф (сказания) как в России, так и Японии о миссии фрегата «Паллада» также турбулентно воздействуют на мировоззрение японцев.

В далёкие времена японские острова были соединены сушей с Камчаткой. После завершения последнего ледникового периода примерно 11,5 тыс. лет назад уровень океана поднялся на 140 метров, образовалось Цусимское тёплое течение. Первоначально жители японских островов занимались охотой и рыболовством, в поймах рек выращивали гречиху. Примерно 3 тыс. лет назад вновь изменяется климат. Появляется рисовое земледелие, завезенное из Китая, а из материка – материалы из железа. На рубеже нового тысячелетия на японских островах уже существовали ок. 30 мелких государств, среди которых выделилось Ямато. Такова предыстория японской проблемы в российско-японских дипломатических связях, отражающаяся в политическом сознании современно японской элиты.

Особенности восприятия японскими студентами итогов 2-й мировой войны профессор С.В. Чугров представил через анализ социологического исследования, проведенного им среди студентов Университета Сока (преф. Токио), которые он провел весной и летом 2020 г. в качестве преподавателя этого «буддийского» гуманитарного университета. Кстати, именно этот частный токийский университет посетил в 1993 году Михаил Сергеевич Горбачёв вместе со своей женой Раисой Максимовна и даже получил в нем

звание почетного доктора. Девиз Университета Сока «Открой свой потенциал» (自兵力の発見).

В контексте доклада С.В. Чугрова, хотелось бы обратить внимание в тезисной форме на открытую лекцию, прочитанную в рамках Конвента к.полит.н., доцентом МГИМО Игорем Юрьевичем Окуневым «Как география влияет на внешнюю политику государства?». Кстати, И.Ю. Окунев является автором учебного пособия «Политическая география» (М., 2019), отметил ведущий В.П. Макаренко. Сам Игорь Окунев считает, что его авторский курс в МГИМО по политической географии выступает в роли пропедевтики при изучении таких дисциплин, как политология, МО, регионоведение и др. В своей лекции И. Окунев отметил, что политическая география лежит в основе МО и дипломатии, объясняющих специфику внешне- и внутривнутриполитической деятельности почти всех государств в мире посредством географического кода. Как отметил в предисловии «ПГ» д.полит.н., профессор ВШЭ и МГИМО М.В. Ильин, автор смог в своём учебнике выдать «периодическую таблицу» элементов политического пространства в геополитике и регионоведении. При этом все элементы «таблицы» ПГ растолкованы и расположены по уровням и степеням организованности, что позволило автору создать тезаурус метаязыка политической географии.

И.Ю. Окунев вспомнил и в наглядной форме разобрал своей тезис из статьи «Критическая геополитика и посткритический сдвиг...» [8] и учебника «ПГ»: «Геополитика государств формируется не под влиянием фундаментальных естественных законов и структуры пространства, а через географическое воображение и пространственные мифы...». В качестве первоисточника доцент И.Ю. Окунев привёл Джерарда О'Тоала и Джона Энью (1992) и Фила Кейли (2006). Для критической геополитики география выступает как наука о власти; в классической геополитике мощь государства и его развитие определяются географическими факторами. Классическая геополитика изучают историю и географию, особенно их связи с дипломатией и стратегией для создания теории влияния географических факторов на МО.

В этот же день выступил с открытой лекцией д.филос.н., доцент, руководитель сектора философии культуры ИФ РАН (Москва) Сергей Анатольевич Никольский «Время большевиков, или как читать философско-

художественную русскую литературу» (на примере Тургенева, Достоевского, Андрея Платонова). По моей инициативе обсудили влияние современного фэнтези на политическое сознание молодёжи.

В качестве заключения можно порекомендовать статью Бусыгиной И.М. и И.Ю. Окунева «Пространственное распределение силы и стратегии государств, или Что и как объясняет геополитика?», опубликованную в «Полисе» [9].

Турбулентность власти: конвент-марафон в Ростове

День МГИМО, или Круглый стол «Мировое комплексное регионоведение», как методологическая платформа для решения сложных проблем».

Открыл заседание профессор Виктор Павлович Макаренко, представив участникам д.полит.н., профессора-китаеведа МГИМО, директора Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, гл. редактора журнала «Сравнительная политика» Алексея Дмитриевича Воскресенского. Хотелось бы подчеркнуть, что профессор В.П. Макаренко и заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ Роман Александрович Пупыкин пригласили на юбилейный Конвент практически всех главных редакторов ведущих ваковских изданий и их замов. Презентации ваковских журналов оказались для участников Конвента полезными и востребованными.

Сфера интересов профессора МГИМО А.Д. Воскресенского весьма обширна, а именно теория и история международных отношений; политическая и социальная модернизация; современные проблемы АТР; история международных отношений в Центральной Азии и на Дальнем Востоке; внешняя политика царской и современной России; история России и Китая (XIX-XX вв.); история китайской культуры и др.

Дискуссия началась с обсуждения новой теории МО, предложенной А.Д. Воскресенским и его коллегами из МГИМО, в коллективном учебнике «Мировое комплексное регионоведение» (М., 2020). МКР – это новый подход (философия), как считает Е.В. Коркунова, к аналитике МО и дипломатии, появившейся в связи с новыми игроками-державами на мировой арене (БРИКС, АТР, Индия, Китай), то есть так называемый неевропейский миропорядок в многополярном мире. Однако «новый» подход его авторы «новой» дипломатией или «философией» не называют, ограничиваясь декларацией постмодернистских параметров для объяснения региональных (национальных) особенностей МО. МКР – это развернутый и оптимизированный курс из монографии Б. Бузана «Регионы и державы: структура мировой безопасности» (2003).

А.Д. Воскресенский отметил в докладе, что МКР – «новая» теория МО, сформировавшаяся на стыке сравнительной политологии и страноведения (регионоведения) в 90-е годы XX века. Постепенно она оформилась изданием целого ряда учебников под редакцией профессора А.Д. Воскресенского (2014; 2015) и «Практики зарубежного регионоведения мировой политики» (2014) и др. Как отметил проф. В.П. Макаренко эти учебники неоднократно переиздавались (см. две иллюстрации). Новая теория МО появилась в результате распада биполярной системы МО. Методология – системный анализ и западные теории МО, особенно регионоведения. Основные принципы и подходы к МКР были представлены на основе статьи автора «МКР и перспективы построения незападной (китаизированной) теории МО», напечатанной в журнале «Полис» (2013) [10].

Для сравнения вспомним, что Е.В. Колдунова в «Вестнике МГИМО» (2016) высказала мнение, МКР на Западе появилось в результате деколонизации и особенно после 2-й мировой войны (Япония), в СССР – в 1950-60-е годы на базе Института востоковедения РАН [11]. В целом, как я считаю, МКР – это ответ на вызовы глобализации и Иммануилу Валлерстайну (VS Валлерстайна). Е.В. Колдунова относит МКР к теории среднего уровня в рамках теории МО, включающей в себя специфику незападных реалий МО (необязательно исключительно восточных), а также анти-рефлекс против Вестфальских принципов.

В кратком тезисном формате А.Д. Воскресенский изложил теоретические основы регионализации современных международных отношений, раскрыл методы структурирования регионального пространства, характер преломления глобальных политических и экономических закономерностей в региональных сегментах мира (особенно на примере Китая и АТР). Нам были представлены различия востокоцентричного и западоцентричного видения МО и дипломатии, изложенные в переизданном учебнике по МКР. Как отметил А.Д. Воскресенский, в нём освещаются особенности функционирования мировой системы МО, особенности

политической карты современного мира, мировой тренд регионализации, соотношение глобального и локального в мировой политике, международная политическая экономия, география, экономика, критическая геополитика. Что особенно важно для бакалавров и магистрантов, это – методология анализа международных и региональных политических процессов. Вся проблематика МКР увязывается с наиболее значимыми тенденциями развития мировой политической системы и позволяет сформировать целостное представление об основах мирового комплексного регионоведения в рамках «новой» теории МО.

Как мне, дальневосточнику, представляется, суть МКР состоит в двух подходах и сравнении 1) регион, 2) регионализм (практика и теория, реальность и её интерпретация). Можно, конечно, усилить «регион» межрегионализмом и трансрегионализмом, но все равно они будут считаться видовыми добавками к основным ингредиентам теории МКР. В качестве примера можно привести ДВ-регион и Нагорный Карабах. Как их определить, исходя из теории МКР? Я – хабаровчанин 27-го региона РФ, проживающий на территории Приамурья, одновременно элементарная частица АТР, возможно, квант, выражаясь метафорой. Байкал, Якутия, Камчатка, Чукотка, другими словами, почти 40% территории России, также включены в российский ДВ, а в международных связях – это еще Япония, Вьетнам, Монголия и даже Бруней. Возможно, имеет смысл упростить «ДВ-регион» и обозначить российский Дальний Восток Восточной Украиной России (Москвы).

В конце доклада профессора А.Д. Воскресенского мы естественным образом перешли к проблемам российско-китайских отношений, как в далёком прошлом, так и в настоящее время, вспомнив фундаментальное коллективное издание учёных МГИМО, почти энциклопедическое, «Модель развития современного Китая» (М., 2019).

В дискуссии приняли участие ведущие специалисты МГИМО: Е.В. Колдунова («Эвристический потенциал анализа регионального уровня международных отношений»), К.А. Ефремова («Понятие регионального комплекса: от теории к практике»), А.А. Киреева («Ключевые игроки регионального пространства: великие и региональные державы и державы регионального уровня»), Д.А. Кузнецов («Трансрегионализм как ключевое понятие МКР»), И.Ю. Окунев («Как география влияет на внешнюю политику государства?») и др.

В своем выступлении доцент МГИМО Е.В. Колдунова рассмотрела различные вопросы, связанные с изучением проблематики МКР, соотношение региона с другими способами организации человеческого общества, появление перекрестных пространств и «серых зон» в политическом восприятии мира. С философской точки зрения раскрыла пространственное восприятие региона через призму международных отношений и иерархического деления мировых держав. Обратила внимание

на процессы деглобализации и регионализации, например, через ДВ и АТР, великих и региональных держав.

Анна Андреевна Киреева, доцент МГИМО, на суд участников онлайн-марафона представила свою теорию великих и региональных держав из своей диссертации (М., 2013), основываясь на «треугольник» Абрахама Маслоу в качестве методологического приёма. В краткой форме мы познакомились с типологией великих и региональных держав через его «пирамиду». Мне было приятно узнать, что А.Н. Киреева, специализируется на МО Восточной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе. Пожалуй, Восточная Азия, да еще через пересечение с АТР, дает нам самый яркий пример региональности, в которой, если брать за основу национальный критерий, в основном проживают хань, японцы, корейцы, монголы. Вместе с тем, языков гораздо больше.

В своем докладе Е.В. Колдунова отметила, что в последнее время приобретают актуальность концепции межрегионального и трансрегионального взаимодействия, кроссрегиональная и межрегиональная концепции. В целом хотелось бы отметить, в дискуссиях круглого стола явно преобладали концептуальные точки зрения на МО. Видимо, на содержание диспута сказалась сентябрьская защита диссертации Дениса Андреевича Кузнецова (кафедра политических процессов МГИМО) на тему «Международный трансрегионализм и его влияние на современные мирополитические процессы» (2020). Как мне представляется из Приамурья, в диспуте есть отдельное влияние, правда заочное, д.полит.н., профессора, завкафедрой Прикладного анализа международных проблем МГИМО, авторитетного специалиста в области российско-американских отношений Татьяны Алексеевны Шаклениной. Кстати, профессор ПАМП является автором магистерской программы «Великие и региональные державы».

Итак, что я получил от «феномена трансрегионализма» (Д.А. Кузнецов; 2016) из доклада Ксении Александровны Ефремовой?

Участник конвента-марафона в своем вступлении напомнила, что сегодня в теории МО мы являемся свидетелями спора между реалистами и номиналистами. Реалисты – те, кто рассматривает регион в качестве географического пространства, включая социально-экономические, военно-политические, религиозные, демографические его особенности. Номиналисты – это те, кто оценивает «регион» как аналитический конструкт (конструктивисты, постмодернисты), во втором подходе – деление мира на регионы конвенциональное (договорное). Ключевыми терминами здесь являются идентификация и самоидентификация. Как считает Е.В. Колдунова, отчасти правы те, и другие, так как для современной теории МО необходимо комплексное изучение регионов.

В качестве аргумента она приводит ссылку на Джона Энюю: «Регионы отражают и [объективное] различие в мире, и представления об этих различиях» (Regions on the Mind; 1999. Vol. 23. № 1. P. 93). Рик Фон как бы уточняет: «Регион существует там, где акторы определяют и провозглашают свою особую [региональную] идентичность» (2009). Е.В. Колдунова считает,

что сегодня необходимо противоположные точки зрения синтезировать, например, через 10 критериев «региона» Мартина Льюиса и Карена Уиджена (1997). Однако, как мне кажется, мнение, высказанное в условиях однополярного миропорядка, сегодня требует новой формулировки.

Возможно, имеет смысл подключить к МКР структурализм Татьяны Алексеевны Шаклениной, разработанной в соавторстве с коллективом кафедры ПАМП МГИМО. Этот подход был представлен как в коллективных трудах под её редакцией, так и самостоятельно. Например: Россия и США в XXI веке (М., 2020), Россия и США в мировой политике (М., 2012), Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке (М., 2014), на английском языке: Nadkarni V., Noonan N. C. (eds.). (2013). *Emerging Powers in a Comparative Perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries*. N. Y.: Bloomsbury; Noonan N. C., Nadkarni V. (eds.) (2016). *Challenge and Change. Global Threats and the State in Twenty-First Century International Politics*. N. Y.: Macmillan). Философия профессора Т.А. Шаклениной – продолжение структурного анализа МО, в своё время разработанного мэтрами советской дипломатии М.А. Хрусталёвым и А.Д. Богатуровым. Примечательно, что свою теорию Татьяна Алексеевна Шакленина апробировала в лекциях в дипломатических вузах США (Джорджтаунский университет, Школа перспективных международных исследований Университета Джонса Гопкинса, Мэрилендский университет, Аугсбургский университет, Университет штата Нью-Мексико (Альбукерке), университет Сан-Диего, Мичиганский университет. Теоретический анализ «феномена трансрегионализма», наверное, только выиграет от данного творческого союза.

Далее в своем докладе Е.В. Колдунова сравнила термины «регионализм» и «регионализация», которые в отечественной науке вполне справедливо различаются (прим. – С.М.), в то время как в американской, например, автор монографии «Мировой порядок» и специалист по Латинской Америке Эндрю Харрелл (прим. – С.М.), второй термин рассматривается как разновидность первого. С целью разрешения возникшей апории Е.В. Колдунова предлагает ввести понятие, введенное А.Д. Воскресенским, «макрорегионализация». Как считают, ученые МГИМО – это «стяжение» регионального пространства в межрегиональные комплексы (ЕС, АСЕАН), в том числе их институционализация между двумя региональными группировками или «гибридными» образованиями (АСЕАН-3). Вместе с тем есть исключения. Скажем, АТЕС не может считаться полноценным межрегиональным объединением.

«Трансрегионализм» – интегрированные региональные кластеры, не привязанные к географическим границам (БРИКС, ТТП), но имеют тесные ассоциативные связи друг с другом. Трансрегиональные группы – это неформальные объединения без договоров и соглашений (G7, G 20, БРИКС), но имеются исключения типа ОПЕК. Далее делается странное заключение, «Трансрегионализм» – зарубежная теория. В её содержание входит

институционализация различных межгосударственных соглашений (ТТИП). При всем этом, трансрегиональное сотрудничество – политическое и неформальное взаимодействие.

В заключение Е.В. Колдунова сделала вывод: все эти процессы не являются взаимоисключающими, они органически друг друга дополняют. Итак, ответ на вызовы современной политики следует искать в «Мировом комплексном регионоведении». В этот день я особенно прочувствовал на себе мир политического языка и культуры.

В качестве практикума МКР, пожалуй, можно кратко представить анализ диспута Конвента по «Украинско-российским отношениям в контексте поиска урегулирования донбасского конфликта». Теория МКР была проанализирована на примере регионального конфликта. В дискуссии приняли участие: д.полит. и философ.н, профессор ЮФУ В.П. Макаренко, д.с.н., профессор, завкафедрой философии и социологии ЛНУ им. Т. Шевченко (Украина) И.Ф. Кононов, к.ф.н., доцент кафедры Историко-правовых и социально-экономических дисциплин Дальневосточного института Всероссийского государственного университета юстиции РФ (Хабаровск) С.М. Марков, д.ф.н., профессор ВШЭ В.Н. Порус, д.полит.н., профессор ЮФУ С.П. Поцелуев, к.полит.н., доцент кафедры ТИПП ЮФУ М.С. Константинов и др.

Эксперты отметили, что кризис, точнее «гибридный» военный конфликт, на территории Донбасса, оценивается противоположными сторонами неоднозначно. Профессор И.Ф. Кононов привел в качестве аргументов результаты социологических исследований, проведенных группой украинских социологов на границе противостояния осенью этого года. Украина оценивает конфликт как «агрессию» и «оккупацию», Россия – внутренний (региональный) конфликт донбасского (украинского) региона. В этой связи, основные положения, принципы, методы МКР, считают эксперты, вполне применимы для его урегулирования на мирной основе в Минском формате. В качестве примера может служить урегулирование военного конфликта между Арменией и Азербайджаном в Нагорном Карабахе при посредничестве России. Участники дискуссии отметили, что изначально региональный конфликт, сегодня трансформировался в «гибридный» (гражданский) конфликт между двумя братскими народами. Я, в частности, обратил внимание, что у нас на Дальнем Востоке между украинцами и русскими отсутствуют неприязненные отношения, работаем и учимся в одном коллективе без разделения на национальности. Я считаю, что донбасский конфликт следует рассмотреть в контексте мировоззренческого конфликта, образовавшегося в результате революционных европейских событий 60-х годов прошлого века, постепенно утвердивших в современном сознании «буржуазные» ценности и идеалы. Я считаю, что ключ к дипломатическому разрешению донбасского конфликта находится в Брюсселе или Вашингтоне, а не Кремле. Иллюстрацией этой версии, её верификацией, может служить разрешение военного спора между Арменией

и Азербайджаном и миротворческая позиция России в этом споре в качестве медиатора.

День молодежи

Третий и четвертый дни Конвента были посвящены (в день комсомола по традиции) молодежи. Молодые ученые и студенты представляли свои политические проекты на злобу дня, так сказать. День молодежных инициатив студенческого общества политологов ЮФУ «Оратор», «Язык политики», «Политическая идеология», «Практическая политология», «Ags Longa», «Испанский политический клуб», модель ООН студентов политологического факультета ЮФУ.

Кстати, модель ООН студентов из Ростова – это увлекательное сочетание ролевой игры и конференции, которая воспроизводит деятельность различных органов Организации Объединенных Наций. Участниками могут быть студенты, учащиеся старших классов и все интересующиеся вопросами деятельности ООН. Более подробно о модели и правилах игры можно посмотреть по ссылке: <https://vk.com/public186952409>. Именно эта игра состоялась 30-31 октября 2020 года в Ростове-на-Дону на базе Южного федерального университета в рамках Южно-Российского политологического конвента.

Рекомендуем сыграть в виртуальную игру «Ростовская модель ООН» всем желающими и креативным. Вдруг повезёт!

МЕТАфизика будущего достойно реализована в Конvente-10

Благодарим организаторов, инициаторов и реализаторов площадки ИФСПН ЮФУ «МЕТАФизика будущего» в рамках 11 Фестиваля Науки Юга России 17-18 октября 2020

Доктор философских наук, доктор политических наук, профессор Виктор Павлович Мамаронео – руководитель научной школы конференции «Политика мысли: проект В.А. Подороги и постсоветская реальность»

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной и отечественной философии ИФСПН ЮФУ Екатерина Игоревна Шалалова – первая научная лекция на тему: «Как написать свою первую научную статью» в осенней серии проекта «Научные Нубы ИФСПН ЮФУ»

Кандидат философских наук, заведующая кабинетом культуры Ю.А.Жданова СВНЦ ВШЭ Елена Владимировна Чачны – ведущая виртуальной экскурсии по музею им. Ю.А. Жданова

Заведующие кафедрами, руководители образовательных программ Института, заместитель директора ИФСПН ЮФУ по профессионационной работе Роман Александрович Путькин – организаторы для открытых дверей ИФСПН ЮФУ

Лидеры профориентационного десанта «МЕТАФИЗИКА БУДУЩЕГО»

Алена Дудник
Ольга Сидоренко
Виктория Дюба
Дарья Голубева
Валерия Коломоец
Филипп Утратенко
Ян Соболевский
Пилотина Катарина

In hunc modum (заключение)

Ростовский X юбилейный conventus полностью оправдал своё предназначение и замысел его организаторов, как мне представляется, целью которого явилась создание на базе политологического факультета ЮФУ интеллектуальной лаборатории (сегодня – виртуальной) для обсуждения, главное – внедрения в жизнь, передовых философско-политических и правовых идей (программ) российской интеллектуальной элиты. Для себя я Конвент, то есть собрание интеллектуальной элиты российских ученых и экспертов назвал марафоном, имея в виду его продолжительность во времени и виртуальном евразийском пространстве. Пожалуй, континуум всероссийского собрания у ростовчан получился, благодаря кафедре теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ, выступившей в лице Р.А. Пупыкина, точкой пересечения всех дискуссий, выражаясь формальным текстом, модератором.

Подводя итог, следует сказать, что на конгрессе были рассмотрены множество актуальных проблем философско-политической теории и международных отношений с акцентом на нарастание социальной турбулентности. В том числе такие актуальные темы, как концептуальный анализ власти, история и современный анализ бюрократии, историческая память в политической действительности, современные тенденции в политической действительности, комплексное регионоведение как методологическая платформа для решения конфликтных проблем XXI века, в том числе при урегулировании региональных конфликтов, когнитивно-идеологические матрицы и их модели в молодёжном сознании, сервильность современного гуманитарного знания (философии и политологии), молодёжные инициативы в политике, в том числе ростовская модель ООН.

Ещё раз хочу поблагодарить всех организаторов (+модераторов) столь представительного собрания профессионалов России за оказанную мне честь принять участие и выступить с докладами на конференции. Я благодарю организаторов за приглашение на Конвент-10 ЮФУ. Отдельное спасибо Роману Александровичу, ибо вместе с председателем профессором Виктором Павловичем Макаренко он взял на себя тяжёлую миссию модератора и умело с нею справился. Конечно, это говорит Школа ЮФУ. Теперь мне, дальневосточнику с берегов Амура, понятно, почему профессионализм В.П. Макаренко сравнивают именно с пятигорским Машуком.

Отдельные слова благодарности хочу выразить профессору Илье Федоровичу Кононову за прочтение, редакцию и рекомендации данного текста эссе. А также профессору кафедры теории государства Казанского инновационного университета им. В.Г.Тимирязева (ИЭУП), д.истор.н. Андрею Валерьевичу Скоробогатову за методологические рекомендации и оценку моей рукописи с точки зрения современной правовой реальности, первичной и вторичной.

Другими словами, я в восторге от Конвента и его участников.

Литература:

1. Макаренко В.П. Сочинения в трёх томах. Ростов: Изд-во ЮФУ, 2019.
2. Тимофеева Л.Н. Русская власть и бюрократическое государство по В.П. Макаренко // Полис. 2015. № 3. С. 178-184.
3. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Ростов-на-Дону: Изд-во МарТ, 2013. – 649 с.
4. Мальцев Г.В. Бюрократия как проблема права // Социология власти. 2004. № 1. С. 5-21.
5. Мальцев Г.В. Бюрократия как правовая и моральная проблема: монография. М.: Изд-во РАНХиГС, 2011. – 100 с.
6. Воротников А.А. Бюрократия и государство: история взаимоотношений // Вестник саратовской гос. юр. Академии. 2014. № 4(99). С. 103-113.
7. Подшибякина Т.А. Идеологические установки в молодёжном сознании: нарративный анализ когнитивных процессов // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 2(54). С. 486-495.
8. Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 4. С. 6-14.
9. Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или Что и как объясняет геополитика? // Полис. 2014. № 2. С. 106-123.
10. Воскресенский А.Д. МКР и перспективы построения незападной (китаизированной) теории МО // Полис. 2013. № 6. С. 82-96.

11. Колдунова Е.В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина // Вестник МГИМО. 2016. № 5(50). С. 63-69.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Макаренко Виктор Павлович,

*доктор политических наук, доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, Институт философии и социально-
политических наук, Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)*

Халед Рефаат Кемалэльдин Бадави,

*аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ

Макс Вебер поставил проблему анализа русской бюрократии в контексте политического абсолютизма и русских революций XX века [1]. В.П.Макаренко описал общие и специфические составные элементы бюрократических тенденций русских революций и поставил проблему взаимосвязи русской власти с бюрократическим государством [2; 9]. Цель данной статьи – развить этот подход на основе анализа государствообразования в XX веке и сопоставить его со спецификой египетской бюрократии.

Процессы государствообразования в XX веке

На протяжении XX века в мире произошли гигантские преобразования. Они затронули сферу государства и политики. Невозможно утверждать, что государство и политика в начале XXI века радикально отличаются от государства и политики начала XX века. Но в настоящее время они приобрели новые формы и содержание.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на изменения политической карты мира за сто лет. В начале XX века в мире было 65 государств, в настоящее время их 195 в рамках 252 стран. Понятие страны шире понятия государства. Стало быть, институт государства за сто лет увеличился более чем в три раза. В соответствии с этим трендом возросло число государственной бюрократии и вероятность властноориентированных индивидов попасть в ее состав. Высшие учебные заведения различных стран по подготовке государственных служащих превращают эту возможность в действительность [3]. Поэтому политическая турбулентность есть прежде всего рост государственной бюрократии в абсолютных и относительных величинах. Для их определения требуется международный проект по

исследованию основных глобальных и локальных тенденций роста бюрократии.

При этом надо учесть, что политическая карта мира никогда не была тождественной и до сих пор не покрывается картами существующих стран, наций и этносов. Поэтому возникает вопрос: следует ли считать такой рост государств нормой цивилизационного и политического развития? Не надо сбрасывать со счета и тот факт, что идеология национализма появилась в XIX веке, а в начале XX века возникло и реализуется до сих пор стремление многих наций обрести собственное государство. Значит, XX век можно считать столетием, в котором в полную силу проявилось различие между государством, страной и нацией. Государствообразование и связанный с ним рост бюрократии можно считать практической реализацией данного различия. Все это происходит на фоне потери национальным государством былой исключительности и сужения его властных возможностей.

Покажем это на примере Европы. В начале XX в. не было политического суверенитета у нынешних Польши, Ирландии, Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии, Чехии, Словакии, Македонии, Черногории, Боснии, Герцеговины, Албании, Кипра, Мальты, Ватикана, Украины, Беларуси, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана. Исландия оставалась в унии с Данией, Норвегия со Швецией. На европейском континенте доминировали Великобритания, Германия, Россия, Австро-Венгрия и Франция. Первые четыре были империями, Франция была республикой. Именно они играли первые партии в европейском «концерте государств», как тогда выражались политики и публицисты. Испания, Италия и Турция играли второстепенные роли. За исключением Франции и Италии остальные европейские государства были многонациональными империями. Согласно официальным представлениям того времени, главным фактором связи наций между собой была принадлежность подданных определенным конфессиям и царствующим династиям.

Если иметь в виду общую историю XX века, то можно сказать, что в начале века Европа находилась в начальной фазе процесса, который связал войны и революции XIX века с исторической, социальной и политической турбулентностью XX века. Для анализа данного процесса можно использовать первые результаты возникающей теории турбулентности. Ее основным предположением является гипотеза об определяющей роли крупномасштабных структур в развитии исторической и социальной турбулентности [4; 5]. Государства были и остаются одной из таких структур.

В результате политической турбулентности на протяжении первых десятилетий XX века возникли новые или возродились старые национальные государства. Три многонациональные континентальные империи (Османская, Австро-Венгерская, Российская) проиграли первую мировую войну и распались. Это значительно ускорило процесс формирования национальных государств.

Если ситуацию после первой мировой войны считать мерилom, а национальное государство нормой, то результаты второй мировой войны отрицательно повлияли на стремления наций Восточной Европы к независимости. Главной причиной такого торможения была победа СССР во второй мировой войне и доктрина ограниченного суверенитета государств Восточной Европы, которой руководствовался Советский Союз вплоть до распада [5].

Но в течение первых двадцати лет после войны (с 1945 г. до середины 1960-х гг.) шел процесс создания новых государств в Азии и Африке. В большинстве случаев этот процесс сопровождался межобщинными и межконфессиональными беспорядками. В настоящее время эти государства находятся на фазе преобразования племенных и клановых сообществ и вожеств в национальные государства [6].

В Восточной Европе очередная фаза национальных движений приходится на вторую половину 1980-х гг. Она была реакцией на множество возникших в советскую эпоху напряженностей и конфликтов, а также следствием распада Советского Союза и Социалистической Федеративной Республики Югославии. В результате на территории Восточной и Южной Европы возникло 21 самостоятельное и одно частично признанное международным сообществом национальных государств. Этот процесс сопровождался серией войн, которые еще не закончились. Проблема определения специфики постсоветских войн требует специального исследования.

Намного менее драматические процессы в это же время имели место в Западной Европе. Хотя здесь тоже наблюдалась межнациональная напряженность, она пока не привела к распаду какого-либо государства на данной территории. Правда, в некоторых из них (Бельгия, Великобритания, Испания) происходят существенные изменения в направлении федерализации.

На основе проведенного краткого обзора ситуации можно поставить вопрос: если считать XX век столетием национализма (как гласит расхожий шаблон), то следует ли считать произошедшие изменения полезными и для кого? Является ли национальное государство (особенно его унитарная форма) лучшим решением с этической и политической точек зрения?

Многие мыслители из правого фланга политической мысли именно так думают. Но нередко встречаются противоположные констатации: создание национальных государств способствует росту обоюдной ненависти, насилия и преступлений; сам факт существования таких государств духовно обедняет народы; граждане национальных государств подвергаются нравственной примитивизации и лишаются возможности контактов с другими культурами; национальное государство не требует от каждого индивида выработки таких гражданских доблестей, как положительное (или хотя бы толерантное) отношение к различиям между людьми и нациями, а также навыка не просто

сосуществования, а солидарности с людьми иного происхождения, религии, языка и обычаев.

Однако на протяжении последних 50 лет в Европе происходит процесс экономического и политического объединения континента, который переплетен с процессом сосуществования национальных государств и привел к образованию Евросоюза. Хотя этот процесс не угрожает существующим государствам, он ставит под вопрос любые националистические эксцессы, поскольку они подрывают его функционирование и само существование.

В этом смысле опыт СССР как государства, которое стремилось всюду сунуть свой нос с помощью бюрократического аппарата, является поучительным в отрицательном смысле слова. Государства-члены Евросоюза вынуждены прекращать свое бытие в качестве вездесущей действующей силы в обществе, как было в прошлом. Сфера их действий и компетенции ограничена не только в пользу Евросоюза. Благодаря децентрализации и регионализации задачи и компетенции государств по принципу субсидиарности передвигаются в направлении локальных сообществ и сети неправительственных организаций.

Одновременно подлежит критике прежняя модель Паневропы, которая предполагала переплавку европейских наций в некоем единообразном (с культурной точки зрения) паневропейском тигле с преобладанием Франции. В настоящее время окончательно стало ясно, что культурная идентичность европейских наций подвергается угрозе со стороны американизированной массовой культуры, которая все более становится глобальной. Противоядие этому процессу пока не изобретено.

В 1901 г. в Европе существовало лишь три республики – Франция, Швейцария, Сан Марино. Остальные европейские государства были конституционными или парламентскими монархиями, за исключением абсолютных монархий в Османской и Российской империи. В конце XX века монархия в некоторых странах сохранялась скорее в виде реликта, чем действующего политического института. В остальном эти страны почти ничем не отличаются от демократических республик.

На протяжении последних десятилетий во многих государствах Европы были внедрены политические инновации конституционного суда и института омбудсмена. Главное политическое изменение, которое принципиально различает государства начала XX века и начала XXI века – это сфера и качество свободы и прав человека и гражданина.

В 1901 г. Европа находилась на рубеже аристократической и демократической эпох. В ней сохранялись значительные сословные различия, выраженные в частном и публичном праве. Перелом состоялся уже после первой мировой войны. В итоге произошло ослабление и даже полное разрушение прежних классовых структур и глубокое преобразование обществ.

За исключением СССР Европа двигалась в направлении либеральной демократии. Вновь возникшие или возрожденные государства почти все

ввели парламентскую систему правления. Но уже спустя несколько лет наступил глубокий кризис демократии, который привел к появлению тоталитарных и авторитарных систем. Эта тенденция вначале охватила Советский Союз, затем сопредельные с ним страны Восточной Европы - от Финляндии до Греции. Но наиболее жесткие формы она обрела в странах Западной Европы – Германии, Италии, Испании и Португалии.

Таким образом, после первой мировой войны через европейский континент прокатилась волна либеральной демократии. После второй мировой войны этого не произошло. Значительная часть Европы оказалась в орбите СССР - одной из наиболее жестоких государственных систем современности. В 1970-е годы автократические тенденции затронули и другие страны (например, в Греции). Противоборство либерально-демократических и тоталитарно-авторитарных тенденций в каждой стране продолжается.

После разрушения португальской и греческой диктатур, а также естественной смерти франкистской системы в Испании либеральная демократия овладела всей западной частью Европы. По определению С.Хантингтона, третья волна демократизации вначале охватила многие страны Латинской Америки, республики Южной Африки и некоторые страны Азии, затем она дошла до Восточной Европы в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Но в настоящее время можно утверждать, что эта волна в большей степени затронула Польшу, Чехию и Венгрию, в меньшей – Белоруссию, Молдавию, Украину, Россию и страны бывшей Югославии [7].

В начале XX века в Европе доминировали страны с низкой степенью развития демократии. В конце XX века демократическое единообразие Европы стало значительно большим. То же самое можно сказать об институциональном единообразии. В европейских государствах в настоящее время функционируют сравнимые между собой конституционные установления, а виды государственного строя различаются лишь частностями. Сравнение конституций различных демократических стран фиксирует степень содержания в них конституционных предпосылок для установления и функционирования персоналистского политического режима [8].

В начале XX века в большинстве европейских стран преобладал экономический либерализм. Участие государственного капитала в экономике было небольшим, а регулятивные функции государственной бюрократии по отношению к капиталу были ограниченными.

С этой точки зрения первая мировая война, период послевоенного восстановления, большой кризис 1930-х годов и угрозы очередной войны способствовали радикальным изменениям. Перечисленные события вынудили европейские государства увеличить вмешательство в сферу экономики, которая раньше находилась в руках частной инициативы. Они пошли по стопам России-СССР, в которой троевластие возникло уже в период Октябрьской революции и гражданской войны, а после 1944 г. оно

было силой навязано другим странам Восточной Европы [9]. В период между первой и второй мировыми войнами возросло вмешательство государства в экономику.

Перед второй мировой войной этот процесс привел к формированию в значительном числе европейских стран этатизированной экономической системы. Одновременно строились механизмы социальной защиты на основе различных идейных обоснований, но с постепенным охватом почти всех категорий граждан.

Эти тенденции значительно укрепились в период второй мировой войны и на протяжении сорока лет послевоенной эпохи. Либерально-демократические государства Западной Европы (Франция, Австрия, Великобритания) стали государствами с национализированной экономикой, прежде всего в сырьевой и обрабатывающей сферах, энергетике, банковом секторе и сфере социальных услуг. Они стали государствами благосостояния. С этим связан небывалый рост бюрократии и расходование на ее содержание средств налогоплательщиков.

Но в 1990-е годы начался процесс ухода государства из некоторых сфер экономики и управления и ограничение крупных социальных программ. Почти во всей Европе произошла приватизация публичного имущества, а также передача части задач социальной защиты в руки самоуправления или неправительственных организаций. Но отсюда не вытекает, что возвращается ситуация кануна первой мировой войны, когда практически не существовал институт социальной защиты. Сегодня социальное обеспечение считается обязательным признаком государства – вместе с ростом и злоупотреблениями бюрократии в данной сфере общественной жизни. С этой точки зрения интересен случай Египта.

Обзор дискуссии в Египте

Феномен бюрократии интересует граждан и образует важную тему политического дискурса в Египте. Египетские ученые тоже вовлечены в дискуссию по проблеме бюрократии. Среди них следует отметить Омара Мохаммеда, Эль Селми Али, Абдель Азима Хамди, Ашура Ахмеда Сакера, Маркеса Самира, Эль Саида Ахмеда Лотфи, Атию Хуссейна, Бадрульдина Икрама и Аль-Наджара Фариды.

Омар Мохаммед еще в 1902 г. опубликовал книгу «Современный Египет и причина его отставания», в которой поставлена проблема специфики современной египетской бюрократии. Он полагал, что основной причиной бедности и экономической отсталости Египта является стремление образованной молодежи занять должность в государственном аппарате управления и нежелание работать в сельском хозяйстве, промышленности и торговле. Молодежь не желает зарабатывать на жизнь собственным трудом. Исполнение должности не требует особых затрат труда и энергии, порождает

бедность страны, отрицательно влияет на мораль и ценности народа. Такова общая болезнь Египта.

Такой диагноз поставлен более сотни лет тому назад и подтверждается до сих пор. На протяжении XX века бюрократия отрицательно влияла на египетское общество. Хотя несколько лет тому назад правительство Египта попыталось изменить ситуацию, но этика и ценность государственной должности по-прежнему доминирует в египетском обществе. Система высшего образования в стране направлена на подготовку государственных чиновников, а не специалистов в таких сферах производства, в которых нуждается Египет. Поэтому реформа администрации наталкивается на ожесточенное сопротивление, а ученые отмечают, что путь к ней лишь начинается [10].

Бывший вице-премьер Эль Селми Али утверждает, что кризис управления в Египте является главным политическим кризисом. По его мнению, если египетскую бюрократию освободить от давления политики, то она будет ориентироваться на нормальное управление, сможет добиваться успеха и давать неплохие результаты даже на международном уровне. Но на египетскую бюрократию влияют политические факторы, которые нарушают административную логику. Речь идет о формировании министерств, выборах руководителей администрации государственных учреждений и органов управления. На все эти процессы политика оказывает решающее влияние. Если его исключить, то бюрократия будет действовать в соответствии с административной логикой и мастерством. Реальные изменения в административной системе страны возможны только в том случае, если государство прекратит действия, влияющие на судьбу чиновников. С этой точки зрения любые попытки административной реформы являются пустой тратой времени и ресурсов.

Преподаватель экономики и административных наук д-р Хамди Абдель Азим говорит, что Египет страдает от постоянного кризиса управления и неправильной реакции на него. Главной причиной этого статус-кво является такое управление государством, которое целиком противоречит современной науке управления. Вся система управления Египтом устарела, она давно не развивается. Ее члены до сих пор живут по пословице «То, что мы знаем, лучше того, чего мы не знаем». Поэтому чиновники заинтересованы в стабилизации системы управления, когда все ее сотрудники получают одинаковую зарплату, а всякие наказания исключены.

Для устранения инфляции должностей надо обратить внимание на то, что в настоящее время в Египте насчитывается 6500000 чиновников в государственных органах. Один чиновник приходится на 15 человек населения. Число чиновников превышает потребность в них и резко понижает производительность управленческого труда. Например, традиция государственного управления Китая тоже сложилась давно, но там один чиновник приходится на 50-60 человек населения. Тогда как занятые в государственных органах Египта люди фактически ничего не делают. А

руководители государственных учреждений не могут их штрафовать, поскольку каждому чиновнику не назначается конкретный участок или тип работы. Одну и ту же задачу обычно выполняют 5-6 человек. Это стимулирует бездействие государственного управления и влечет за собой низкую зарплату. Зарплата одного работника в частном или кооперативном секторе примерно равна зарплате шести государственных чиновников. Все это отрицательно влияет на производительность труда и сокращает производство.

Следующей проблемой египетской бюрократии является дублирование и перекрещивание компетенции административных органов государства. Египту предстоит реформа 36 министерств в целях их сокращения и объединения – по образцу развитых европейских стран и США, в которых обычно существует по 15 министерств. Роль министров в этих странах заключается в определении (а не в реализации) политики, проведении ежедневных консультаций и контроле исполнения решений. При такой организации государственного управления один министр может контролировать более одной области компетенции и сферы управления¹. Объединение нескольких министерств со схожими и взаимозависимыми сферами деятельности позволяет сократить бюджет, число учреждений, обеспечивает общую сферу контроля, подотчетности и сокращения числа сотрудников, координацию, сотрудничество и интеграцию нескольких областей, включая децентрализацию местных уровней управления, ради проведения определенной политики.

Доктор Ахмед Сакр Ашур, советник бывшего министра высшего образования по стратегическому планированию, профессор менеджмента и заведующий кафедрой «Менеджмент» Александрийского университета, в книге «Проблемы институциональной реформы и реконструкции Египта до 25 января и после 30 июня» пишет, что коррупция, низкая эффективность и слабость правительства на протяжении десятилетий вели к провалу многих направлений политики, программ развития, ухудшению качества услуг, образующих основу развития. Гегемония государства и правительства на ресурсы всего общества, стимулирование участия и инициативы местных сообществ, сбалансированное развитие регионов, сельских районов, пустынь и отдаленных районов столицы должны рассматриваться как возможность улучшения своего образа и уровня жизни.

Доктор Самир Абдель Вахаб, профессор и заведующий кафедрой менеджмента на факультете экономики и политологии Каирского университета, утверждает, что реформа администрации является насущной необходимостью данного момента, без чего страна не достигнет политических целей. Если управление страной эффективно, то государственная политика тоже будет эффективна и наоборот [11].

---

¹ Например, задачи министерств развития областей, городов и охраны окружающей среды, планирования и административного развития, просвещения и воспитания, высшего образования и культуры могут совпадать.

Все правительства, существовавшие в Египте после июля 1952 года по 2011 год, а затем люди, занимавшие руководящие должности на ключевых постах в Египте с 2011 до конца 2017 года, влияли на формирование государственной политики. Но все они заключали альянс с бюрократией. Хотя такая сделка никогда не была эффективной, она оставалась единственной ставкой для всех, кто пришел к власти даже после январской революции. Эта революция резко понизила общий уровень государственной элиты, что частично объясняет причины отсутствия изменений в государственной политике, которые позволили бы решить хронические проблемы общества и найти альтернативные политические пути [11, 2].

«Если общий дух египетской администрации изменится, а народ будет заинтересован в правительстве и его составе, тогда можно будет осуществить реформы в стране». Приведенная цитата была опубликована в статье «Наши чиновники» в 1912 году. Значит, египетский разум был озабочен проблемой реформирования, развития и модернизации бюрократии более ста лет тому назад. За прошедшее столетие Египет перешел от монархии к республиканскому строю, затем от государственного капитализма к экономике открытого рынка в контексте общего развития систем и методов управления. Однако бюрократия оставалась невосприимчивой к идее и практике всеохватывающего обновления институтов.

Этот вывод подтверждает писатель Яхья Хаки: «Начиная в 1992 года я тоже читал в прессе статьи о попытках реформировать систему управления. Мы пригласили иностранных экспертов и создали государственные комиссии, которые представили нам опломбированные отчеты о проделанной работе, но никаких действий отсюда не вытекало» [12]. По словам политика Самира Маркеса, главной причиной такого положения вещей был подход, который использовался для решения проблемы бюрократии.

Для диагноза ситуации в египетской бюрократии были приглашены иностранные эксперты из стран Запада. В современной западной теории и практике организации и управления сложились поведенческий и организационный подходы. Первый из них направлен на совершенствование элементов управления в целях более эффективного управления; второй предлагает изменить структуру администрации путем разделения ее на подразделения, отделы, секции или реинтеграции их в особые сектора. Эксперты предложили их объединить для анализа и решения проблемы бюрократии в Египте.

Однако если ограничить решение проблемы бюрократии лишь организационной структурой и навыками, то это ни к чему не приведет. За скобками анализа и практического действия останутся социальная структура и характер интересов бюрократии, которые определяют движение ее составных частей при блокировке любых попыток изменить ее природу и принципы функционирования в процессе экономических и политических преобразований египетского общества. Отсюда вытекает ошибочность

убеждения Макса Вебера в том, что бюрократическая организация является нейтральной и руководствуется абсолютной лояльностью к функции и закону. Это положение надо пересмотреть.

Вторая причина воспроизводства бюрократии вытекает из первой. Суть поведенческого и организационного подходов сводится к анализу административных органов как некоего физического и механического устройства, которое можно менять с помощью ряда процедур, развивающих производительность элементов и компонентов административной системы (отчеты, оценки, точность, объективность, стимулирование производительности путем связи элементов административного органа для достижения целей в одних случаях, развития в других, устойчивого развития в третьих и т.д.). Но рано или поздно возникает вопрос: даже если мы будем поддерживать персонал, обладающий всеми необходимыми навыками и процедурами, и внесли изменения в организационную структуру, то состоится ли административная реформа в Египте? поменяются ли предрассудки бюрократии? перейдет ли она от обслуживания сетей интересов к обслуживанию граждан?

Третья причина состоит в том, что со времен Мухаммеда Али до настоящего времени любые административные реформы превращаются в то, что называется «бюрократической рационализацией». Таков единственный способ выполнения этой задачи. Концепция Вебера, согласно которой «бюрократическая система административной организации способна достичь наивысшей степени эффективности», ничего не говорит о том, как ее применить к обслуживанию граждан [12].

Доктор Хуссейн Аттия Эффенди, профессор государственного управления факультета экономики и политологии Каирского университета, систематизировал наиболее распространенные недостатки бюрократии: неопределенность задач управленческого труда; отсутствие критериев оценки его эффективности; инфляция управленческого труда; плохое разделение труда; сложность бюрократических процедур; отсутствие эффективных методов и критериев отбора управленцев; предоставление в их распоряжение зданий, оборудования и механизмов; создание множества органов для предоставления одной и той же услуги.

Доктор Икрам Бадреддин полагает, что наиболее важным недостатком бюрократии является административная коррупция, связанная с выборочным применением закона или предоставлением льгот тем, кто их не заслуживает. Этот недостаток содержится в самом законодательстве, которое оставляет коррумпированному чиновнику возможность манипуляции гражданами [13].

Доктор Фарид Аль-Наджар, профессор делового администрирования на коммерческом факультете университета Бенха и заместитель председателя совета директоров Высшего университета менеджмента, утверждает, что проблема государственной бюрократии в Египте крайне запутана, включает множество аспектов, для ее решения требуются четкие и конкретные шаги и длительное время. Обычно чиновники назначаются по родству или

знакомству, а не в соответствии с их специализацией, они не привлекаются к ответственности за низкую производительность труда. Вследствие такого отбора чиновников правительство не в состоянии управлять человеческими ресурсами и контролировать государственных служащих.

Огромное количество документов в государственных органах – еще один типично бюрократический феномен. Это происходит из-за отсутствия координации действий между различными правительственными ведомствами и министерствами, что вызывает перерывы в работе и усугубляет проблему.

Аль-Наджар подчеркивает, что прогресс государств основан на специализации и разделении труда. В Египте оба фактора отсутствуют. Здесь невозможно найти человека, работающего по специальности. Разделение труда осуществляется в целях привязки человека к государственной должности ради извлечения из нее выгоды [14].

При таких условиях для изменения государственной политики недостаточно смены политических лидеров, которые желают и способны выдвигать альтернативные стратегии и использовать сложившиеся политические условия для реализации своих программ. Конечно, без появления политического лидера политические изменения невозможны. Политические пионеры существуют в ожидании возможностей реализовать свою политику и связанную с ней программу, используя собственные преимущества или пытаясь создать определенные политические обстоятельства. Недостаточно обладать новыми политическими программами и одновременно утверждать, что сложившиеся обстоятельства изменить невозможно. Широкие круги общества тоже способны инициировать альтернативные программы решения проблем. Наличие политических лидеров без новых и практически значимых идей исключит возможность их реализации, если даже она появится.

Короче говоря, роль лидера не начинается в момент открытия нового метода политических изменений. Он должен создавать такой метод незаметно для правительства и широких кругов общества. И упорно работать над созданием необходимых обстоятельств и условий для его реализации. Эта роль объединяет процесс выработки государственной политики с учетом наличной политической ситуации и изменениями, которые в ней происходят [15].

Выводы

Таким образом, различие между государством, страной и нацией - важная цивилизационная и политическая характеристика XX века. Ее можно изучать на основе применения теории турбулентности к политической истории всех регионов и стран мира. При этом надо учитывать следующие факторы политического контекста: доктрину и практику ограниченного суверенитета, которые бывшие империи стремятся навязать новым государствам; влияние племенных и клановых сообществ и вожеств на

формирование национальных государств; потстимперские войны и другие конфликты между государственным аппаратом и населением страны; процессы унитаризации или федерализации новых государств; меру толерантности граждан к различиям индивидов и групп и навык солидарности с людьми иного происхождения, религии, языка и обычаев; процессы континентального субсидиарного объединения государств, направленные против старых и новых бюрократических аппаратов; меру противодействия новых государств глобальной массовой культуре; степень эффективности политических инноваций с точки зрения их противодействия процессам воспроизводства тоталитарных и авторитарных систем; формы противоборства либерально-демократических и тоталитарно-авторитарных тенденций в каждой стране; рост вмешательства государства в экономическую жизнь и страновые формы этатизированной экономической системы; разрастание государственной бюрократии на протяжении всего XX века.

Проведенный обзор египетской прессы по проблеме бюрократии свидетельствует, что египетские публицисты, политики и ученые накопили значительный интеллектуальный ресурс, который позволяет обсуждать множество практических и теоретических проблем, связанных с ростом вмешательства государственной бюрократии в социальную жизнь. К ним относятся: связь системы образования с подготовкой государственной бюрократии; определение социальной болезни как меры влияния бюрократии на общество; феномен сопротивления бюрократии политическим и административным реформам; квалификация бюрократического управления государством как постоянного политического кризиса; анализ отношения между уровнями управления (правительством и бюрократией); квалификация политических реформ как бесплодных при господстве бюрократии; анализ отношения между реальным государственным управлением в каждой стране и современной теорией управления; учет феномена бюрократического равенства (который включает равенство зарплаты и исключение наказаний для всех государственных служащих); выявление пропорции между количеством бюрократии и числом населения каждой конкретной страны; определение необходимого и оптимального числа центральных и местных государственных учреждений; квалификация всех недостатков бюрократии как следствия меры централизации управления страной (отношения между центром и периферией); отрицательная связь между бюрократией и достижением политических целей; анализ революций с точки зрения отношения между политиками и бюрократией; изучение поведения бюрократии в революционных ситуациях; определение бюрократии как противника любых институциональных изменений; установление меры эффективности привлечения иностранных экспертов для решения проблемы бюрократии в данной стране; учет состояния современной западной теории бюрократии; критика основных положений теории рациональной бюрократии М.Вебера; квалификация причин воспроизводства бюрократии

как следствия применения к ним веберовского подхода; установление общих, особенных и единичных свойств бюрократии в каждой стране; учет отношения между законами, должностными инструкциями и реальным поведением чиновников; определение сути бюрократической манипуляции поведением граждан; квалификация проблемы отбора чиновников на государственные посты как меры политического противодействия любым кровнородственным, земляческим и клановым отношениям; установление меры и критериев документооборота в каждой стране; анализ отношения между генезисом политических лидеров, выработкой ими программ политических изменений и их реальной деятельностью по созданию условий для политических преобразований.

Литература:

1. Белоцерковский О.М., Опарин А.М., Чечеткин В.М. Турбулентность: новые подходы. – М.: Наука, 2002.
2. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. – Ростов-на-Дону, изд. Ростовского университета, 1989.
3. Порус В.Н. Имитация рациональности: симулякры бюрократии // Проблемы политической философии: переводы, комментарии, полемика: коллективная монография. Под ред. В.П.Макаренко. – Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2012.
4. Вихревая динамика развития науки и техники. Россия/СССР. Первая половина XX века: в 2 т. Том 1: Турбулентная история науки и техники. Отв.ред. чл.-корр. РАН Ю.М.Батулин; Ин-т истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова. – М.: ИИЕТ РАН; Саратов, ООО «Амирит», 2018
5. Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005, выпуск 1.
6. Кальвокоресси П. Мировая политика. 1945-2000: в 2-х кн. Кн.2. Пер. с англ. – М.: Междунар. отношения, 2003.
7. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003.
8. Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.
9. Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. – Ростов-на-Дону, изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1998.
10. Gamal Abdelgawad, Egypt is a stronghold of the bureaucracy, Newspaper Al-Ahram, 22 November 2018, Issue 1448198, p. 9.
11. Newspaper Al-Ahram, 26 November 2016, year 141, Issue 47472.
12. Newspaper Al-Ahram, 23 May 2015, year 139, Issue 546919.
13. Safaa Ashour. Bureaucracy is a headache at the head of state. Newspaper Allum Alsabi. 21 February 2016

14. Who makes public policy in Egypt. Ahmed Mohsen. 12 December 2017, Egyptian Research Institute.

15. In Egypt. Management crisis or crisis management?, Manal Elghamry.

16. Вебер М. О России: избранное. Пер. А.Кустарева. – М.: РОССПЭН, 2007

17. Доброчеев О.В. Гипотеза турбулентности. Технические и гуманитарные приложения. – М.: Курчатовский институт, 2007

18. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1. Изд. 2-е, испр. и дополн. – Ростов-на-Дону, Изд. Южного федерального университета, 2016

Глухова Александра Викторовна,

д.полит.н., профессор,

заведующая кафедрой социологии и политологии ВГУ (г. Воронеж)

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ 2020 Г.¹

Условием стабильности современного государства, подвергающегося воздействию многочисленных внутренних и внешних вызовов, становится его внутреннее единство, обусловленное солидарно понимаемыми целями его граждан. Важнейшее значение, наряду с территориальным единством, приобретает единство социального и смыслового поля, обеспечиваемого осознанием общих задач и целей; ценностных ориентиров, разделяемых гражданами; согласием (хотя бы относительным) по поводу приоритетов и уверенностью в существовании элементов солидарности.

В общественно-политическом сообществе сложилось солидарное мнение о том, что у России сегодня сложная повестка с большим набором проблем. В Послании президента В.Путина Федеральному Собранию РФ 2019 г. некоторые из них были названы, однако *мобилизационного призыва*, т.е. вовлечения политических партий, организаций или движений в их решение, не прозвучало. Что касается общественных структур, то они, как правило, ограничивались критикой президентского Послания, но не предлагали серьезной альтернативы. Между тем в обществе заметно ощущается рост недовольства сложившимся положением вещей и формирование запроса на перемены. В таких условиях потеря властными структурами лидерства в определении повестки дня либо подмена актуальных проблем второстепенными была чревата ростом социально-политической напряженности.

Летом 2019 г. исследовательской группой кафедры социологии и политологии Воронежского госуниверситета был проведен экспертный

---

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-011-31097 «Риски деформации политической системы РФ в условиях конституционных изменений» (конфликтологическая экспертиза).

опрос, в котором приняли участие 54 эксперта из 19 регионов России, 7-ми федеральных округов¹. Проблематика опроса затрагивала наиболее актуальные вопросы политической жизни страны, что позволило составить «политический портрет» российского общества в интерьере экспертного мнения.

По мнению подавляющего большинства экспертов (80%), у России сегодня отсутствует привлекательный образ будущего. Лишь 20,8% полагают, что образ желаемого будущего есть, однако его содержание мало соответствует общественным ожиданиям. Преобладает мнение, что это политехнологический конструкт, отражающий интересы правящих элит [1]. Почти 77% опрошенных считают, что потенциал согласия в российском обществе слабый, ценностного консенсуса нет (противоположное мнение разделяют только 20% экспертов) [2].

В числе причин отсутствия консенсуса названы раскол общества по идеологическому основанию; отсутствие понимания необходимости заключить своеобразный общественный договор относительно общих «правил игры»; фрагментация элит, имеющих диаметрально противоположные приоритеты; безответственность и патологическая жажда сверхприбылей у правящего класса; высокий уровень социального расслоения, неравенство регионов и т.д. Показательно, что в общенациональном единстве сомневаются не только эксперты, но и более половины россиян: по данным ВЦИОМ (октябрь 2019 г.), 54% респондентов считают, что народного единства в стране, скорее всего, нет (увеличение на 14 процентных пунктов с 2017 г.). Препятствием к единству выступают поведенческая модель «каждый сам за себя» (30%); «нищета народа» (21%) и «отсутствие сплоченности, единой цели» (10%). 5% считают, что это государство «постаралось расколоть людей»².

Налицо серьезный разрыв в оценке происходящего: общество желает перемен, а политический режим – консервации своего положения при всей «реформаторской» риторике. Элиты транслируют политическую повестку, которая удобна им, но понимание вектора движения чрезвычайно важно и для гражданского общества. «Большинство людей не понимает, куда все идет, нужна стратегия, видение будущего» - таково солидарное мнение экспертов. Данные Левада-центра подтверждают их выводы: большинство

---

¹ 30 участников опроса представляли столичный и 24 - региональный уровень. Экспертами выступили преимущественно работники академической сферы, а также консалтинговых структур и органов государственной власти. 31 эксперт имеет звание доктора, 19 – кандидата наук (преимущественно политических). Старшая и средняя возрастная группа (старше 45 лет) составила 28 человек; молодежная (до 45 лет) – 26 человек.

² По данным ВЦИОМ, в народном единстве сомневается больше половины россиян. Опрос ВЦИОМ, проведенный 28 октября среди граждан старше 18 лет, показал, что больше половины россиян считают, что народного единства в стране, скорее всего, нет. Так на вопрос ВЦИОМа ответили 54% респондентов. Их количество с 2017 года увеличилось на 14 процентных пунктов. Среди тех, кто высказался за наличие единства (таковых оказалось 37%) бытует мнение, что причинами народного единения стали патриотизм (12%), сплоченность (11%), менталитет, воспитание, культура (11%). 3% назвали в качестве объединяющей основы политику президента В. Путина и правительства // По материалам издания «Коммерсантъ» ОЗ. 11. 2019.

россиян (72%) также считают, что интересы власти и общества в России не совпадают [3].

Очевидно, что «конфликт повесток» не может разрешиться сам собой: необходима конвертация трех форм повестки в единый внутривластный курс. Конвертация повесток означает превращение политического, символического, интеллектуального капитала гражданского общества, контрэлиты в ресурс влияния на выработку, принятие и реализацию политических решений. Препятствиями к этому, по мнению экспертов, стали «неэффективность политической системы, в которой дисфункционален "вход" и "выход"; разрыв содержательных форм коммуникации; слабость традиций делиберации; закрытость системы, вырабатывающей официальную повестку; высокий вес скрытых непубличных акторов, по-своему формулирующих обществу коридор возможностей; отсутствие диалога, запроса на конвертацию со стороны властных институтов» и т.д. Институциональная система не дает возможности формулировать и продвигать общественно значимые инициативы: сопряженность реального управленческого процесса с декларируемой внутренней повесткой эксперты оценили в среднем только на 4,9 балла по 10-балльной шкале. С другой стороны, конвертации гражданской и общественной повесток препятствует их низкий политический вес, неспособность гражданских активистов объединить людей привлекательными идеями и вовлечь в публичную политику. Ситуация усугубляется непубличным характером политического управления, отсутствием стремления к стратегическому планированию.

Московские протесты летом 2019 г. заметно повлияли на общественно-политическую ситуацию. Общественная повестка начала обновляться, включать новые для себя требования: справедливое судопроизводство, участие в мирных формах выражения недовольства, неограниченное распространение информации в Интернете, возможность влияния на власть посредством законных демократических процедур, политическое представительство. Россияне стали чаще говорить о важности для них прав и свобод человека, которые еще два года назад не имели для них особой ценности (58% - за свободу слова; 28% - за свободу собраний; 39% - за беспрепятственное получение информации). Тем самым наметилась тенденция к сближению гражданской и общественной повесток [4].

Есть все основания полагать, что Послание президента В.Путина ФС РФ 2020 года явилось своеобразным ответом на это новое состояние общественного сознания. Фраза о том, что «люди хотят перемен» (выступление В.Путина 15 января 2020 года), подтверждает эту гипотезу, тем более что у высшего руководства страны есть и другие каналы получения информации помимо социологических служб. Однако заявления президента о «зрелости основных партийных объединений» в России и об «авторитете гражданского общества» не дают убедительного объяснения ни отсутствию общественного запроса, ни политической потребности в кардинальной редакции Конституции.

Ответ, предложенный в Послании в виде поправок в Конституцию РФ, лишь отчасти отвечает общественному запросу (в части увеличения материнского капитала, закрепления в Конституции нормы о соответствии минимального размера оплаты труда прожиточному минимуму и других «социальных» и экологических поправок) и совсем не соответствует политическим альтернативам оппозиционных политиков и гражданских активистов. Никакой серьезной судебной реформы, реформы избирательного законодательства или корректировки закона о политических партиях в сторону отмены муниципального фильтра или возможности создания предвыборных блоков не намечается. Наоборот, еще больше увеличиваются полномочия президента в контроле над фактически всеми ветвями власти (особенно Конституционным судом); упраздняется автономия местного самоуправления как института гражданского общества: оно встраивается в единую вертикаль публичной власти; закрепляется режим самоизоляции России через избирательное отношение к выполнению международно-правовых норм и т.д. В числе 206 изменений, внесенных в Конституцию, не обнаружилось базового для демократического государства понятия «гражданское общество», отсутствующего в ней с самого момента принятия на референдуме 1993 года.

В тексте Конституции в результате внесенных политико-правовых новаций появляется масса правовых коллизий, подрывающих ее основополагающие принципы, изложенные в первой и второй неизменяемых главах. Это самым серьезным образом деформирует конституционное правосознание как правящей элиты, так и граждан. Но Конституция – не только высший правовой акт - Основной Закон страны, но и главный политический договор, обеспечивающий поддержание в обществе процедурного консенсуса. Конституция содержит единые для всех политических акторов «правила политической игры», то есть политического соперничества, главным из которых является правило разрешения конфликтов. Согласие всех участников политики с этими правилами и готовность бороться за власть в их рамках страхует общество от аккумуляции негативной протестной энергии и неизбежной в таких случаях политической дестабилизации. Попытки же исключить само явление конфликта из политической жизни, упразднив конкурентное соперничество политических сил, выражающих интересы различных общественных групп, выглядит не только нереалистичным, но и крайне опасным, не оставляя оппозиции легальных форм и способов борьбы, толкая ее на путь внеинституционального протеста. Общество нуждается в диалоге, в постоянном поиске путей согласования представляемых интересов, в широком использовании всех возможностей и механизмов публичной политики.

Литература:

1. Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современно России: монография/под ред. А.В. Глуховой. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. – С. 208 – 209.

2. Россия в поисках желаемого будущего – политическая повестка дня / Глухова А.В. [и др.] // Социологические исследования. 2020. № 2. – С. 46.

3. Левада-Центр: Большинство россиян (72%) считают, что интересы власти и общества в России не совпадают // Новая газета. 28 ноября 2019 г.

4. Левада-Центр: Россияне стали чаще говорить о важности гражданских прав// Новая газета. 2019. 20 ноября (№ 130).

*Денисов Сергей Алексеевич,
к.ю.н., доцент кафедры прав
человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)*

НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА СТЫКЕ ПОЛИТОЛОГИИ И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА (КОНСТИТУЦИОННАЯ ДЕВИАНТОЛОГИЯ, ПРАВОВАЯ ИМИДЖЕЛОГИЯ, КОНСТИТУЦИОННАЯ ИННОВАТИКА)

Целью данной статьи является ознакомление политологической общественности с теми направлениями в развитии науки, которые следовало бы развивать совместно политологам и юристам-конституционалистам.

1. Важнейшим направлением междисциплинарных исследований является конституционная девиантология [1]. Это наука об отклонениях от норм конституционного права. В рамках этой науки имеется чисто юридическое направление – конституционная деликтология. Она изучает нарушения норм писаного права. Но и здесь политологи уже вносят свой значительный вклад, изучая фальсификации, производимые в ходе избирательных кампаний. Но более интересным для политологов является аксиологический подход к конституции и конституционным девиациям. Именно философия политики должна вырабатывать представления об идеалах политической жизни и конституционного права, регулирующего эту политическую жизнь, в частности. Конституционная девиантология изучает отклонения от этих идеальных норм, имеющих место на практике. Политология и конституционное право вырабатывают свой язык (терминологию) для описания идеалов политической жизни. Как правило они сходны, но имеют и различия. Политологи говорят о сильном гражданском обществе. Конституционалисты описывают это явление с помощью конструкции суверенитета народа. Слово демократия наполняется несколько разным содержанием. В конституционном праве оно сводится к закреплению в конституции и реализации на практике ряда политических свобод: свобода слова и свобода массовой информации, свобода движения информации в обществе, свобода объединения и мирных собраний, свобода выборов, свобода петиций.

Описание конституционных девиаций требует дополнения юридического языка политологическим. Законодательство многих стран не знает таких форм правления, как олигархия или монархия. Эти формы правления несовместимы с конституционализмом, понятием в аксиологическом смысле. Юристы заимствуют из политологии такие понятия, как авторитарный и тоталитарный режим, охлократия. С другой стороны, политологи часто включают характеристику формы правления в политический режим. Юристы настаивают на раздельном анализе политического режима и формы правления.

Юристы часто придерживаются языка, который им дает законодательство. Для них нет партии, пока она не зарегистрирована. С другой стороны, они называют партиями организации, которые на деле ими не являются. Так, КПСС или «Единая Россия» не являются партиями в собственном смысле этого слова. Это партеобразные объединения бюрократии и ее клиентелы (ПОБиК). ПОБиК не является общественным объединением. Это «теневая» часть государственного механизма. Партия создается обществом для воздействия на государство (для захвата государственной власти). ПОБиК служит прямо противоположным целям. Государство использует его для давления на членов общества (воспитание, организация, мобилизация), для поддержания власти правящей группы.

Без политологии конституционная девиантология не в состоянии описать девиантную деятельность разных субъектов: захват власти отдельными субъектами, репрессии против населения, индокринацию населения. Но юриспруденция позволяет более строго подходить к описанию этих действий. Она четко выделяет субъектов, совершающих действия (не употребляет абстрактное слово «власть»), требует указания тех неконституционных действий (бездействий), которые они совершают, их последствий. Она выделяет объект посягательства (какую-то общественную ценность) и субъективную сторону поведения субъектов, т.е. каковы были их цели, мотивы и психическое отношение к своему действию или бездействию (выделяется несколько форм вины).

Используя политологические и социологические знания, мы можем говорить о социальных субъектах с отклоняющимся от конституционных идеалов поведением. Это может быть население страны, не ставшее народом. В юриспруденции есть понятие коллективного субъекта права. Он должен осознавать свои общие интересы, быть организованным (иметь своих представителей) и активным. В противном случае он превращается в объект, по поводу которого другие субъекты принимают какие-то решения. Народы некоторых стран похожи на детей, которые не могут стать дееспособными субъектами конституционных отношений. Элиты вступают в отношения между собой, по поводу управления этими массами. Если в стране нет дееспособного народа, то здесь не может появиться других субъектов, которые свойственны для конституционных отношений. Здесь не может появиться ни президент, ни парламент. Правящая группа может имитировать

наличие субъектов, типичных для республики. Самодержавного правителя выдают за президента, совет при нем (в исламском праве шура) – за парламент. Авторитарные режимы, имитирующие демократию, часто, выдают подданных государства, зависимых от него за граждан республики. При доконституционном строе главную роль в общественных отношениях играет административный класс и служилая интеллигенция. В отличие от бюрократии конституционных стран административный класс занимает в обществе господствующее положение. Он служит, в первую очередь, себе. Как любой класс он осуществляет экономическое (государственная собственность и редистрибуция) и политическое господство над обществом. Служилой называется часть интеллигенции, которая обеспечивает господство административного класса в духовной сфере.

Соединяя язык политологии и юриспруденции, необходимо выработать понятие преступного государства.

Девиантными могут быть общественные институт: монархия (вместо республики), авторитарный режим (вместо демократии), патерналистское государство (вместо социального), полицейское государство (вместо правового), институт подданства (вместо института гражданства) и т.д.

Девиантным (неконституционным) может быть сознание социальных групп и отдельных людей. Для его описания мы должны прибегать к знаниям политической идеологии и психологии (авторитарная личность).

При аксиологическом подходе, когда идеал, выработанный политической философией, не совпадает с писанным правом, мы можем выделить такие явления, как неконституционная конституция, неконституционные нормы конституции, неконституционные поправки к конституции.

С помощью политологических и социологических эмпирических методов познания мы можем определять уровень, структуру, динамику конституционной девиантности в отдельных странах мира. Политологи уже пытаются измерять уровень отклонений отдельных стран мира от идеалов демократии и свободы слова.

Другой важной частью предмета исследования конституционной девиантологии являются факторы, приводящие к появлению конституционных девиаций. Очевидно, что для их изучения нам необходимы знания экономики, социологии, политологии, культурологии и психологии.

2. Отдельной областью исследования в рамках конституционной девиантологии является конституционная имиджелогия. Это наука о средствах, методах, процедурах придания неконституционному государству конституционного вида. Эта деятельность государства сегодня довольно широко распространена во всем мире. Многие диктаторы пытаются доказать миру, что они президенты, избранные народом. Повальной стала имитация многопартийности и альтернативных выборов. Автор постарался в своей четырехтомной работе описать разнообразие имитационных практик мира со времен появления конституций [2].

Имитировать можно принятие конституционных актов (ложные, мнимые, формальные конституции), появление конституционных субъектов (дееспособного народа, президента, парламента), создание конституционных институтов (демократии, республики, правового государства), наличие конституционного сознания (служилая интеллигенция выдает себя за конституционалистов) и деятельности (имитация свободных выборов). Имитацией может быть формирования конституционного строя в стране.

Созданием конституционного имиджа государства обычно занимается административный класс, который использует для этого государственные органы, средства массовой пропаганды, учреждения образования, науки и культуры. На «передовых рубежах» имитационной деятельности стоит служилая интеллигенция.

Имитационная деятельность не ограничивается идеологическим воздействием на наблюдателя. Она осуществляется через ритуальные действия (создания видимости свободных выборов) и посредством разрешения дозированного использования конституционных прав под надзором представителей административного класса.

3. Еще одним направлением исследований в рамках конституционной девиантологии является конституционная инноватика. Это наука о способах, путях, методах, средствах процедурах внедрения конституционных норм в общественную жизнь. Здесь мы говорим об исправлении конституционных девиаций и борьбе за конституционализм. Процедуры внедрения конституционных норм в основном носят политический характер и должны изучаться политологами. Юристы только сопровождают эти процессы.

Для изучения процесса инновационной деятельности, по мнению автора, следует использовать все наработанные обществом теории развития общества: идеи просвещения, модернизации, теории кризиса и транзита, теории революций и эволюций. При этом следует использовать как исторический метод, так и метод сравнения движения разных стран к конституционализму. Конституционная инноватика должна овладеть методами прогнозирования.

В рамках конституционной инноватики должны решаться прикладные задачи. Представители этого научного направления могут принять участие в разработке программ движения общества к конституционализму.

Итак, перед политологами открываются новые просторы для изучения идеалов конституционализма, отклонений от них, выработки путей движения к этим конституционным идеалам и прогнозов их реализации в жизнь.

Литература:

1. Денисов С.А. Конституционная девиантология (общая теория): В 3 кн. Книга 1. Наука конституционной девиантологии. Конституционные девиации. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2020. 594 с.

2. Денисов С.А. Имитация конституционного строя: в 4 кн. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018-2019.

*Неклесса Александр Иванович,
руководитель Группы «Север-Юг» Центра цивилизационных и
региональных исследований Института Африки РАН, председатель
Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации,
член бюро Научного совета «История мировой культуры» при
Президиуме РАН (г. Москва)*

ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ КАК ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ: МЕТАМОРФОЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА

В универсуме нашего бытия есть две достаточно разные, но сопряженные вселенные: *физическая* и *антропологическая*, объединенные единой «большой историей». Каждую из них можно в свою очередь подразделить на парные ипостаси: природный космос необъятных размеров и микромир с собственными законами взаимодействий; так же *социальный* космос состоит из миллиардов *персональных* миров. И все эти аспекты бытия взаимосвязаны непростым образом, представляя единую комплексную систему.

Эволюционный марафон

Мир людей – вселенная с меняющимися кодами ментальности, моделями поведения, концептами политической и хозяйственной практики. В ту или иную эпоху, в том либо ином регионе нас объединяет *организация сознания* («координаты бытия» [1]) и *социальная ментальность* («то общее, что есть у Цезаря и последнего солдата его легионов, у Людовика Святого и крестьянина его домена, у Колумба и матроса на его каравеллах» [2]), играющие определяющую роль в формировании социальных норм и политического порядка.

История – это эволюционный марафон. Передача эстафеты нередко носит взрывной характер, связанный с критическими событиями, природными катаклизмами или героическими усилиями по разрешению накопленных в обществе противоречий. Модификация социума предваряется изменением ментальности – это сугубый источник трансформации прежней организации. Однако социальная ментальность весьма инертна, навязчива, она сопротивляется изменениям. Ее генезис иллюстрирует легендарная история про обливаемых водой обезьянах, пафос которой – демонстрация силы ритуальной «вирусизации».

К потолку закрытого помещения, где находятся пять обезьян, привязывается связка бананов, рядом устанавливается лестница. Однако при попытке какой-либо из обезьян подобраться к бананам их всех обливают ледяной водой. Ситуация повторяется, после чего, если кто-то из обезьян вновь пытается достать бананы, остальные удерживают ее силой. Затем одну из обезьян заменяют на новую, которая естественно устремляется к бананам, но остальные обезьяны действуют в соответствии с уже сложившейся практикой. При замене еще одной особи, сухая обезьяна, не имевшая соответствующего негативного опыта, тем не менее действует совместно с коллективом. В результате после полной замены *всех* мокрых обезьян на сухих обезьяны продолжает жить и действовать согласно стереотипу поведения, ставшего ритуалом, переходящим в традицию [3].

Социальная турбулентность естественна именно для транзита (а не просто сложного состояния системы), т.е. хаотизации прежней и генезиса новой организации. Этот гибридный процесс проявляется различным образом в разных ареалах. «Большой транзит» цивилизации можно, с определенной мерой условности, свести к трем состояниям: прошлое (*ante*), современное (*mode*), грядущее (*post*), перемежающимися специфическими периодами «гибридного средневековья».

Доминантой целеполагания в историческом прошлом является *пространственное развитие* политических субъектов, строительство империй, морских или континентальных – им свойственны геополитические ориентиры. Современность все более ориентируется на освоение и оптимизацию *времени*, колонизацию нереализованных, но реализуемых с той или иной степенью вероятности состояний – борьбу за будущее. Постсовременность представляется разновекторным молекулярным миром с *мультиплицированной суверенной субъектностью* – мозаичным и подвижным трансграничным обществом.

Цивилизационный транзит

Сегодня мы расстаемся с прежним цивилизационным статусом и связанными с ним организационными формами, т.е. живем как раз в ситуации цивилизационного транзита. XX век – это время перехода от пространственного развития (завершившейся к началу прошлого века первой глобализацией – «эффективной оккупацией» планеты) к краху имперских структур и последующему апофеозу и кризису национального государства.

На протяжении прошлого столетия распад континентальных и морских империй, этатистский *tour de force* социальных и политических инженеров (с тем или иным идеологическим компонентом) сопровождается в то же время демонтажом сословных перегородок, политической демократизацией, либерализацией общественных норм, гендерной эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией, серией «бархатных» революций, а затем

новым изданием «весны народов», обернувшись возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира.

В XXI веке политическая власть ускользает от этатистских структур. Человечество переживает социокультурный переворот, проходя своего рода *rite of passage*, реализуя новую формулу социальных и политических координат, полагая мир интерактивным сообществом людей и народов (*Pax Humanum*), а не ареалом пространственного развития империй и государств. Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это комплексное, интерактивное поле.

На пороге нового тысячелетия на планете развиваются два доминантных процесса: *глобализация* и *индивидуация*, сопровождаемые становлением новых и мутацией прежних политических и прочих институтов, производством инновационного технического, технологического, социального инструментария. Новое средневековье – гибридный мир, генезис подвижных, протееобразных неформальных субъектов, мирное и немирное сосуществование чрезвычайно различных и многообразных социокультурных организмов.

Концепту глобализации как «финалу истории» – политической и экономической связности современного мира, противопоставлен взгляд на универсальную перестройку как следствие общего кризиса институтов административных идео-партийных тотальностей, прочих унифицирующих механизмов. Внимание обращено на набирающие силу тенденции индивидуации и приватизации, замещение субординативности субсидиарностью. Реорганизация современного строя, преобразуемого с атакуемого с различных позиций, смещает и расширяет привычный исторический горизонт. Картография антропологического космоса расходится с географической его интерпретацией, генерируя все более сложные синдиакронные конструируемые.

Реестр перемен

Глобализация создает общую оболочку для хозяйственной практики и универсальной коммуникации, а индивидуация части обитателей планеты продуцирует множество анклавов транзита, служащих порталами иной цивилизационной организации, отрицающей прежнее устройство антропологического универсума, генерируя неопределенность в суммарной траектории истории.

Территориальная экспансия стран и народов постепенно замещается конкурентной колонизацией и приватизацией призрачных, многомерных пространств будущего. А цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным обладанием земными территориями, их политическим и административным контролем, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на организацию хозяйственной и финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление режимом благоприятствования,

маршрутами транспортировки и траекториями транзакций, использованием прав доступа, предпочтений и санкций. При этом интенсивность коммуникаций (деятельное «соседство») преобладает над непосредственной территориальной близостью [4].

Растет влияние геокультуры, учитывающей удельный вес социокультурного капитала, выделяя центры его гравитации, экспортирующие, транслируя на иные языки принципы и стандарты жизнедеятельности; а также геоантропологии, фиксирующей динамику и траектории антропополюсов, перераспределяющих население планеты, зоны социокультурных разломов, изменения в картографии человеческих активов, их разнообразия и потенциале.

Углубляется кризис системы международных отношений мировой бюрократии и связанных с нею институтов; формируется многоуровневая среда сетевых трансграничных связей, включая присутствие влиятельных корпораций, других комплексных субъектов и неформальных агентов перемен.

Привычные типы государственности модифицируются, поглощаясь, в конечном счете, обществом, сопрягаясь при этом с разного рода антропосоциальными структурами, преобразующими современные политические системы. А перемены в понимании трансграничной суверенности высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления. Национальная государственность, утрачивая былые основания, позиции, смыслы, испытывая кризис идентичности и ощущая собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация и финансы – глобальны), предчувствует и переживает институциональную хаотизацию, пробуждая одновременно встречный ветер национализма и сопротивление уходящих в прошлое организмы.

Сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и корпоративной деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими социальными последствиями. Сфера практики пронизывается вирулентной генерацией людей-предприятий (*menterprisers*), их инновационных, экзотичных, радикальных стартапов; экспериментальными новациями политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов, популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Постсовременность как постколониальность

Постсовременность может быть охарактеризована как своего рода вселенская постколониальность – мир транзита действенной субъектности к мультиплицированному соборному обществу, актуализирующему возможности высокоадаптивной самоорганизации комплексных динамичных конструкций и сложноорганизованных личностей [5]. Отрицая прежнее мироустройство, Постсовременность воспроизводит в планетарном масштабе

подобие постколониальной ситуации самоопределения, что позволяет в определенном смысле обратиться к проблематике суверенизации стран, осваивавших и осваивающих свой новый статус в различных версиях его становления

Моделирование динамичных сопряжений и актуального состояния ансамбля «Север – Юг» связано с определением пропорций постсовременности и постколониальности, модернизации и неоархаизации в универсальном трансформационном процессе: композиция взаимно контаминируемого мироустройства явно сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий современности.

Присутствие как колониальности, так и постколониальности в композициях Постмодерна усложняет декодирование цивилизационного транзита и картографирование гибридного мира [6], выявляя невидимые до поры препятствия. Постколониальность – устремленность к миру, в котором нет метрополии, нет доминирования ни политического, ни персонального, но есть личный героизм, терроризм и бесконтрольность вольноотпущенника. Нация мыслится как сообщество энтузиастов, патриотизм же в трансграничной вселенной воспринимается как некое подобие расизма (e.g. дискриминация эмигрантов легальных и нелегальных), т.е. как историческая близорукость, предполагая аналогию с участью трайбализма/сельской общины в эпоху Модернити.

Сложный мир Постмодерна, опровергающий Современность, это иной, мультиплицированный демиург, другая, пугающая откровенность и персонализированная форма факториала взаимоотношений. Атакуются не только локальные настроения и режимы, но весь глобальный социальный организм – репрессивная к миноритарным акционером общая система, непреодолимая обычным порядком. Потому и сокрушаются в первую очередь модели поведения (Роза Паркс, отказавшаяся уступить место в автобусе белому) либо символы угнетения (от памятников героям конфедерации и работарговцам до знаменитого восточно-европейского и постсоветского «ленинопада»).

Крах земных империй, ветхость авторитарных уродств предполагают крушение ментального империализма. Протест из сферы материальных претензий сдвигается в экзистенциальную плоскость, отрицая как супремасизм привычные практики Современности, высвобождая стихии и производя переоценку жизненных ценностей, целей и ситуаций. В оптике симпатизантов конфликт с репрессивной обыденностью преломляется в замысел вселенской деколониальности: революции антиконформизма, персонализма, достоинства – скалярную траекторию опознанных, но не осознанных в их будущей полноте метаморфоз [7].

Литература:

1. Неклесса А.И. Прыжок лягушки. – М.: ИНТЕЛПРОС. 2013. 44 с.
2. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия. 1992. 376 с.
3. Данная история изложена в Hamel G., Prahalad C. *Competing for the Future*. 1994, Boston (MA): Harvard Business School Press, 327 p., однако, не имеет соответствующей научной верификации. Тем не менее, изложенный механизм укладывается в алгоритм трансляции социальных установок и шаблонов поведения в обществе, что вероятно и предопределило ее широкое распространение.
4. Неклесса А.И. Мультиплицированный суверенитет. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности. – Африка в условиях формирования полицентричного мира. / Отв. ред. Волков С.Н., Дейч Т.Л. М.: Институт Африки РАН 2020. (в печати).
5. Неклесса А.И. Геоэкономическая формула мироустройства. – Мировой порядок - время перемен. Сборник статей. Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. / Российская ассоциация политической науки. М.: Аспект Пресс. 2019. С. 326-341.
6. Неклесса А.И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – Полис. Политические исследования. № 4. 2019. С. 149-164. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>.
7. Неклесса А.И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. – Полис. Политические исследования. № 1. 2018. С. 80-95. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МИРОВОЕ КОМПЛЕКСНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ РЕШЕНИЯ СЛОЖНЫХ ПРОБЛЕМ»

*Воскресенский Алексей Дмитриевич,
профессор, д.полит.н., PhD, к.и.н.
директор Центра комплексного
китаеведения и региональных проблем
МГИМО МИД России (г. Москва)*

ОСОБЕННОСТИ МИРОВОГО КОМПЛЕКСНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ (МКР) КАК НАПРАВЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Особенностью мирового комплексного регионоведения (МКР) [4; 5; 6; 7; 9] является возможность рассматривать глобальный мир как систему взаимосвязанных регионов разного типа, в том числе в одной из его идеализированных ипостасей как глобальный мир, сегментированных в пространстве, но особым образом взаимосвязанных глобальных регионов [1, 5-26]. Глобальность регионов может саморегулироваться или регулироваться (изнутри или извне) успешностью / неуспешностью комплексных моделей их существования в пространстве-времени мирового развития [1, 5-26].

Появление в МКР универсализированного определения региона [6, 148] имеет далеко идущие последствия, поскольку оно позволяет реформировать признаки и характеристики современного периода трансформации глобального порядка. Дело в том, что глобальное может быть фрагментировано на равноположенные или соположенные глобальные регионы или регионы других типов, границы которых относительно и изменяемы в соответствии с конкретными условиями, отраженными в универсализированном понятии региона [1. 5-26]. Сами же такие регионы, точнее региональные пространства, могут одновременно сосуществовать в непрерывно видоизменяющемся потоке пространства-времени, накладываться друг на друга и взаимно пересекаться. Т.е. определенные типы и виды сегментов мира могут гармонично вписываться в глобальный уровень и в нем сосуществовать на основе взаимопроникновения и наложения пространств их составных частей, функциональной взаимосвязанности сетевого, интегративного типа и трансрегиональных взаимодействий, отражая более сложное и комплексное понимание мироустроительных закономерностей [1, 5-26].

Своеобразие МКР как национальной научной школы и оригинальной методологической платформы заключается в том, что преобладающая в международных отношениях и мировой политике парадигма реализма

утверждает, что форматировать реальный мирополитический процесс могут только «великие» или «супер» державы в ходе униполяризации или биполярных противостояний, а все другие парадигмы, включая полицентризм, и другие типы держав, в практической внешнеполитической и международной деятельности играют вспомогательную, нормативную или идеалистическую роль. МКР доказывает, что понимание взаимосвязей национального, регионального и глобального уровней, внутренних и внешних факторов, позволяет на основе управления региональными и макрорегиональными процессами влиять, в том числе, и на мироустроительные тенденции, их форматировать, способствуя формированию не просто, и не столько геополитических центров силы, сколько многомерного полицентричного мира равноположенных и соположенных возможностей, основанных на международных компромиссах и соглашениях, а не на силовых преобразованиях разной степени жесткости [1, 5-26].

Лежащие в основе МКР оригинальная методология и теория основываются на научном «отсечении» методологических и теоретических крайностей, концентрации на практико-ориентированных инструментах анализа, на получении практических результатов синтетического и комплексного характера [2, 26-39; 3; 5; 8; 9; 10; 16; 17; 18; 19; 24 и др.]. Это диктуется, прежде всего, методологической и практической целесообразностью, принципы которой соответствуют принципам научного познания действительности.

Особенности МКР формулировались неоднократно, исходя из содержательной, теоретической и практико-ориентированной стороны [6, 129-130; 20, 4-5, 12-13, 111-113, 125-126]. Кратко они могут быть переформулированы следующим образом:

1. Теоретическая (конструктивная) часть МКР является транс- и постдисциплинарной [6, 368-375], т.е. находится на теоретически продвинутом уровне междисциплинарности.

2. Она основывается на современных достижениях естественных наук, опирается на структурообразующую категорию пространство-время, которая включает в себя категорию территории как обобщающего ресурса [6, 146-175].

3. В основе понятийного аппарата лежит универсализированное понятие региона: «под *регионом* в широком смысле подразумевается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в специфической однородности пространственно-географических, природных экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию» [6, 148].

4. На этой основе построен понятийный аппарат [6, 192-200; 7, 151-156], который постепенно входит в понятийный аппарат международных отношений и политической науки [13, 675-695; 14, 103-116] и уже давно в политико-экономическую и дипломатическую практику международных отношений [15, 59-74; 23; 24].

5. МКР объясняет и позволяет форматировать взаимосвязь внутреннего и внешнего (к примеру, внутренней и внешней политики) на основе теории многофакторного равновесия, разработанной для общественных и гуманитарных наук [11, 355-385; 12, 16-22, 104-136; 21, 55-81].

6. Применяет методики регионального и кроссрегионального анализа для получения теоретических и практико-ориентированных результатов [6, 248-270]. Предполагает решение практических вопросов, вытекающих из теоретического анализа региональной реальности, т.е. опирается на аналитико-синтетические процедуры, сочетающие расчленение исследуемого объекта на составные части и соединение этих частей на новом познавательном уровне, и основанные на обнаружении признаков генетического характера посредством нахождения сходства и выявления различий, а также объяснения путем сравнений, построения типологий и классификаций.

7. В основе этого процесса лежит концепция дифференциации мирового пространства как основы развития [6, 201-247].

8. Используются комплексные/интегральные методы, которые позволяют синтезировать новое теоретическое и практическое знание на основе теории многофакторного равновесия [11, 340-354, 12, 88-103; 21, 42-54], применяя методы сфокусированного сравнения, ориентированные на построение открытых теорий преимущественно среднего уровня (но не ограничиваясь ими), которые проверяются практическим знанием и непрерывно совершенствуются или трансформируются в новое теоретическое знание [6, 376-389; 11, 385-387, 12, 137-139; 21, 81-88].

Литература:

1. Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаяем своего места. *Сравнительная политика*. 2020. Том 11. № 4. С.5-26.

2. Воскресенский А.Д. 论世界大国的亚太新战略 (О новых стратегиях великих держав в Азиатско-тихоокеанском регионе) // *俄罗斯东欧中亚研究* (Изучение России, Восточной и Центральной Азии). 2018. № 6. С. 26-39

3. Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. / Под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО(У) МИД России. М.: РОССПЭН, 2002. 526 с.

4. Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике / Под ред. А.Д. Воскресенского. В 2-х томах. М.: МГИМО Университет, 2018. Т. 1. 597 с.; Т. 2, 478 с.

5. Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: науч.-метод. / учеб.-метод. комплекс по регионоведению. В 4 ч. Ч. 4. Т. 1-2: Магистерская программа "Исследования регионов стран Азии и Африки" / МГИМО(У) МИД России, каф. востоковедения; отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО-Университет, 2005. Т.1 356 с. Т.2. 355 с.

6. Мировое комплексное регионоведение. / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014-2020. 418 с.

7. Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015-2020. 448 с.

8. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО Университет / Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

9. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М., 2014-2020. 560 с.

10. Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В. Торкунова; науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский; МГИМО(У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007. 1040 с.

11. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний // МГИМО(У) МИД РФ; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Восток-Запад / Муравей, 2004. 603 с.

12. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений // Моск. обществ. науч. фонд; Ин-т Дальнего Востока РАН; центр "Россия-Китай". М.: 1999. 408 с.

13. Воскресенский А.Д. Глава 30. Регионализм как парадигма мироустройства // Современная политическая наука. Методология. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. 2-е издание, испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2019. – С. 675-695.

14. Воскресенский А.Д. Регионализация в международных отношениях // Современные международные отношения. / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2017. С.103-116

15. Воскресенский А.Д. Трансрегионализм и регионализм в условиях "постзападной" международной реальности и их влияние на процесс трансформации мирового порядка // Мировой порядок - время перемен. / Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Издательство Аспект Пресс, 2019. 375 с. С. 59-74.

16. Воскресенский А.Д. **后西方国际现实条件下的世界秩序转型** (Трансформация мирового порядка в условиях «постзападной» международной реальности). // *俄罗斯学刊 (Academic Journal of Russian Studies)*. 2018. №6 (48). С. 136-149.

17. Воскресенский А.Д. 强国的世界战略与金砖国家联合的逻辑Global Strategies of World Powers and the Logic of BRICS. // *俄罗斯文艺 Russian literature and art*, 2015, No. 4, P. 119-128.

18. The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / Ed. by Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 228 p.

19. Voskressenski A. D. The Role of the West in the Evolving World Order, and Russian Politics // *Russian Politics & Law*, V.54, №. 5-6, 2016, P. 421-460.

20. Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. 270 p.

21. Voskressenski, Alexei D. Russia and China: A Theory of Inter-State Relations. London & New York: RoutledgeCurzon, 2003. XXV, 278 p.

22. Voskressenski, Alexei D. The Eastern and Western Political Worlds and Classifications of World Political Systems / Alexei D. Voskressenski // Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific, 2017. P. 15-86

23. Voskressenski, Alexei D. Transregionalism and Regionalism: What Kind of the Balance Do We Need, and Its Consequences for Practical Politics // The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / Ed. by Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Boors, 2019. P. 3-20.

24. 欧亚中心跨区域发展机制研究。Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications. / Ed. by Li Xing & Alexei Voskressenski. Beijing: Jiu Zhou Chubanshe, 2016. 495 p.

Колдунова Екатерина Валерьевна,

к.полит.н., доцент кафедры

востоковедения МГИМО МИД России,

заместитель главного редактора журнала

«Сравнительная политика» (г. Москва)

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В международных исследованиях попытки создания теоретической концепции промежуточного уровня (регионального) между уровнем международной системы и национального государства предпринимались еще с 1960-х гг. В качестве примеров можно привести концепцию «политических разрывов» (*political discontinuities*) О. Янга [1, 369-92], концепцию

международных регионов Б. Рассета¹, идею о существовании региональной «подчиненной системы» (*subordinate system*) С. Кантори и Л. Шпигеля [2, 1-7], концепцию выделения региональных подсистем (*subsystems*) М. Бричера² и концептуальные построения ряда других исследователей.

Попытки аналитически выделить отдельные региональные пространства/регионы/региональные подсистемы имели несколько оснований. Во-первых, уже тогда представлялось очевидным, что анализ целого ряда международных процессов с точки зрения основной конфликтной оси биполярности не дает полного представления о них, а сами эти процессы либо генерируются отнюдь не взаимодействием супердержав, либо имеют к этому взаимодействию лишь опосредованное отношение. В связи с этим О. Янг предложил модель анализа международной политики, в рамках которой задачей исследователя было определить, какой из факторов, соответствия (*congruence*) или разрыва (*discontinuity*) глобального и регионального, доминировал в том или ином вопросе [3, 242-243]. Во-вторых, анализ взаимосвязей в рамках того или иного региона позволял расширить рамки страноведения и получить более широкие возможности для сравнительного анализа, в том числе межрегионального. В-третьих, анализ соотношения глобального, регионального и национального уровня давал новые возможности для рассмотрения той или иной проблемы в рамках международной системы [2, 4].

Завершение блокового противостояния и существенное усложнение международных отношений [4; 2] привело к тому, что появился целый ряд новых измерений международного взаимодействия, который по-новому высвечивал значимость регионального уровня для международного анализа (подробнее см. 7). Одновременно с этим, возникли также и концептуальные проблемы с его вычленением / определением в новых условиях. Наиболее распространенные концептуальные проблемы, возникающие при попытке обращения к региональному уровню анализа включают: 1) трудности в определении границ международных регионов, 2) у тех исследователей, которые привыкли в иерархическому восприятию МО (например, через призму неореализма) возникают сложности с пространственным пониманием международных отношений, 3) глобалисты требуют доказательств того, что та или иная проблема является подлинно региональной, 4) сложности с разграничением представлений о географических и функциональных

---

¹ Б. Рассет выделял пять типов регионов: 1) регионы однородные в социо-культурном плане; 2) регионы, государства в рамках которых придерживаются одинаковых политических позиций (основной критерий определения – позиции и голосование в ООН); 3) регионы политической взаимозависимости, в рамках которых существует межгосударственные или надгосударственные органы; 4) регионы экономической взаимозависимости; 5) географические регионы [5, 2-11].

² М. Бричер предложил следующие критерии для выделения региональных подсистем: 1) ограниченный масштаб пространства, лучше всего в виде географического региона, 2) наличие, по крайней мере, трех единиц подсистемы, 3) признание со стороны других субъектов, что данные участники подсистемы составляют регион или часть глобальной системы, 4) осознание самих участников, что они составляют подсистему, 5) более низкий силовой уровень единиц подсистемы по отношению к системе, 6) гораздо большее влияние изменений в глобальной системе на подсистему, чем наоборот [6, 7].

регионов, 5) появление ряда дискурсивных геополитических конструктов, которые используют понятие «регион».

Тем не менее данные трудности представляются вполне преодолимыми в случае, если пространственный фактор будет реабилитирован в теории международных отношений, а региональному фактору и всей совокупности сложных процессов, затрагивающих региональный уровень анализа будет уделено должное внимание исследователей-международников [подробнее о см.: 7; 8; 9; 10, 11].

Литература:

1. Young O.R. Political Discontinuities in the International System/O.R. Young// World Politics. 1968. Vol.XX. Pp.369-92.

2. Cantori L.J. The International Politics of Regions/L.J. Cantori, S.L. Spiegel. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1970.

3. Янг О. Политические разрывы в международной системе / О. Янг//Теория международных отношений: Хрестоматия. Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2003.

4. Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места/ А.Д. Воскресенский. Сравнительная политика. 2020. Том 11. №4. С.5-26.

5. Russett B.M. International Regions and the International System: A Study in Political Ecology/B.M. Russett. Chicago: Rand McNally, 1969.

6. Brecher M. Crisis and Change in World Politics/ M. Brecher, P. James. Boulder, L.: Westview Press, 1986.

7. Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015.

8. Мировое комплексное регионоведение. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2020.

9. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, ИНФРА-М, 2014.

10. The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects Across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglarka Koller. Lanham: Lexington Books, 2019.

11. Voskressenski A.D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Cham: Palgrave Macmillan, 2017.

12. Воскресенский А.Д. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности/ А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, А.А. Киреева// Сравнительная политика. 2017. Том 8. №2. С. 37-57.

*Ефремова Ксения Александровна,
к.полит.н., доцент кафедры Востоковедения
МГИМО МИД России (г. Москва)*

ПОНЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Что такое «региональные комплексы» и какую роль они играют в мировой политике? Чтобы дать ответ на этот вопрос, мы должны иметь глубокое теоретическое понимание современных тенденций регионального и глобального развития.

Известно, что классическая теория международных отношений оперирует в основном двумя типами объяснений: (1) национального уровня и (2) глобального уровня. Иными словами, за основу изучения берутся либо действия отдельных государств, либо глобальные мирополитические структуры. При этом теория международных отношений фактически оставляет без внимания региональный уровень мировой политики, занимающий промежуточное положение между этими двумя уровнями. Этот пробел восполняет *теория комплексного регионоведения*, предлагающая не только исторические и системные, но и пространственные объяснения происходящему на региональном уровне. Это означает, что международные отношения в различных частях света рассматриваются с учётом их региональной специфики. При этом основным предметом исследования в рамках теории комплексного регионоведения являются так называемые «региональные комплексы».

Ещё в начале 50-х годов прошлого века группа американских учёных под руководством географа Деруэнта Уитлси опубликовала доклад под названием «Региональные исследования с особой отсылкой к географии» [1], в котором говорилось о существовании «региональных комплексов», способных обладать особым региональным самосознанием. В дальнейшем этот термин практически забылся, и был вновь использован британским учёным Барри Бузаном в конце 80-х годов применительно к региональному комплексу безопасности Юго-Восточной Азии [2]. В развитие данной темы, Барри Бузан и его коллега Оле Уэвер написали коллективную монографию «Регионы и державы: структура международной безопасности», вышедшую из печати в 2003 году [3].

В отечественной науке термин «региональный комплекс» (как общее понятие, разновидностью которого является «региональный комплекс безопасности») впервые упоминается коллективом авторов трёхтомного учебника по мировому комплексному регионоведению под редакцией профессора А.Д. Воскресенского, изданного в 2014-2015 гг. В этой фундаментальной работе приводится исчерпывающее определение регионального комплекса: это «многомерный сегмент международного

пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера разного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде» [4, 196].

Ключевыми характеристиками регионального комплекса, согласно данному определению, являются:

– *многомерность*, т.е. совокупность взаимосвязанных плоскостей (физико-географической, политической, экономической, культурной и т.п.), объединённых общими пространственно-временными рамками;

– *комплексность взаимосвязей*, т.е. наличие неких паттернов (устойчивых моделей взаимодействия), повторяющихся на межгосударственном и региональном уровне;

– *разные типы и разная степень интенсивности взаимосвязей*, т.е. отношения дружелюбности/враждебности той или иной степени выраженности;

– *выделенность из внешней среды*, т.е. существование неких принципов включения/исключения государств, входящих в состав регионального комплекса.

Отсюда следует, что региональный комплекс – это *сложный аналитический конструкт, образованный в ходе осмысления исследователем совокупности взаимодействий народов, населяющих изучаемый регион, между собой и со своей естественной средой обитания*. Отличительной чертой регионального комплекса является то, что логика этих взаимодействий и пространственно-временные координаты, в которых они существуют, являются взаимообусловленными. Иными словами, природная и социальная среда накладывают определённые ограничения на деятельность людей, проживающих в данном регионе, и одновременно дают им определённые возможности, обусловленные спецификой международных отношений в той или иной части земного шара. В отличие от классической теории международных отношений, теория комплексного регионоведения в полной мере учитывает эту специфику, что позволяет строить более надёжные прогнозы и делать более обоснованные выводы.

Если говорить о типологии региональных комплексов, можно выделить две их разновидности: (1) «незрелые»; и (2) «зрелые».

«Незрелый» региональный комплекс характеризуется отсутствием внутренней интегрированности и чувства региональной общности. Это регион, где системообразующим фактором является какая-либо проблема безопасности (чаще всего, межгосударственный конфликт). Классическим примером «незрелого» регионального комплекса можно назвать Ближний Восток, где отношения государств, его образующих, являются производными от затяжного арабо-израильского противостояния.

«Зрелый» региональный комплекс, напротив, характеризуется совокупностью позитивных взаимодействий между странами региона. Если в регионе и есть какой-то конфликт, то он «выносится за скобки» межгосударственного взаимодействия, которое основывается на чувстве общей региональной идентичности. Классическим примером «зрелого» регионального комплекса можно назвать Юго-Восточную Азию, где государства региона строят Сообщество АСЕАН, несмотря на территориальный конфликт в Южно-Китайском море.

Очевидно, что страны «незрелого» регионального комплекса, в силу имеющихся между ними противоречий, не способны выступать «единым фронтом» на международной арене и часто становятся объектом соперничества «великих держав». В свою очередь, «зрелые» региональные комплексы, где создаются региональные организации, обладающие международной правосубъектностью (например, ЕС или АСЕАН), способны выступать в качестве коллективного актора мировой политики. Таким образом, «зрелые» региональные комплексы, наряду с «великими державами», становятся частью общемировой системы глобального управления.

Практическое значение данной типологии заключается в том, что государства, принадлежащие к «незрелым» региональным комплексам, какими бы мощными они ни были сами по себе, зачастую не способны дать адекватный ответ вмешательству извне без поддержки других региональных государств. Это особенно заметно на постсоветском пространстве, где в целом ряде стран к власти пришли прозападно настроенные националисты. В результате России приходится прикладывать всё больше усилий для противостояния стратегии «окружения и сдерживания», цель которой – обескровить нашу страну и добиться её последующего распада.

Соответственно, нашим главным приоритетом должна стать нормализация отношений со странами ближнего зарубежья, тщательная и кропотливая работа над построением единого Евразийского пространства. Только в сотрудничестве с лояльно настроенными к России элитами сопредельных государств мы будем способны противостоять дестабилизирующим импульсам извне. Россия должна восприниматься в регионе не как гегемон, а как естественный лидер, чья легитимность не вызывает сомнений. И над этим имиджем нам нужно усердно работать.

Литература:

1. Whittlesey D. [и др.]. Regional Study with Special Reference to Geography / D. Whittlesey, P.E. James, C.F. Jones, S.B. Jones, L.E. Klimm [и др.]. – Washington, D.C.: Division of Geology and Geography, National Research Council, National Academy of Sciences, 1952. – 74 с.
2. Buzan B. The Southeast Asian Security Complex // Contemporary Southeast Asia. – 1988. № 1 (10). – С. 1–16.

3. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 564 с.

4. Мировое комплексное регионоведение / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 414 с.

Киреева Анна Андреевна,

*к.полит.н., доцент кафедры востоковедения,
научный сотрудник Центра комплексного
китаеведения и региональных проектов
МГИМО МИД России (г. Москва)*

КЛЮЧЕВЫЕ ИГРОКИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЕЛИКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕРЖАВЫ И ДЕРЖАВЫ СРЕДНЕГО УРОВНЯ

Доклад посвящен концепциям различного типа держав, которые выступают в качестве ключевых акторов на региональном пространстве: великим державам, региональным державам и державам среднего уровня. Анализ различных центров силы является одной из важных тем для мирового комплексного регионоведения и науки о международных отношениях. Интерес к анализу данной проблематики объясняется наличием различного силового потенциала (или мощи – англ. power) у различных типов держав и необходимостью их типологизации. Например, разработанная А.Ф.К. Органски и Дж. Куглером и развитая их последователями теория распределения власти (power transition theory) дает представление о системе международных отношений как об иерархической системе с доминантной державой во главе и наличием региональных, великих, средних и малых держав, которые занимают свое подчиненное положение в этой системе [1, 6-8]. Помимо этого, наличие и характер центров силы определяет полярность, характер и структуру регионального порядка [2]. Данная проблематика тесно связана с различным пониманием мощи в различных школах теории международных отношений, с проблемами соотношения силового потенциала, лидерства и влияния как важными параметрами, по содержательному наполнению которых ведутся дискуссии [3, 99-100, 211-221].

На вершине силовой иерархии находится держава-доминант, или доминирующая великая держава, обладающая самым мощным военным потенциалом. Критерии для определения в качестве доминанта, которые выделяет А.Д. Воскресенский, включают в себя: эффективный государственный механизм, основанный на производстве инновационного типа; доминирование в мировой валютной системе; главенствующие позиции

в мировой торговле и контроль большей части крупных транснациональных компаний (ТНК); силовые возможности глобального масштаба; привлекательная в мировом масштабе идеология и модель развития общества; мощные военные союзы, контролируемые им; эффективная внешняя политика. [4, 12-31; 3, 211-221]

Концепция великой державы исторически была разработана в реалистской традиции и применялась для изучения взаимодействия главных игроков в том или ином историческом периоде. К. Уолтц выделяет пять критериев великой державы, отмечая, что все они необходимы для обретения этого статуса: размер населения и территории, обеспеченность ресурсами, экономическая мощь, военная сила, политическая стабильность и компетенция [5, 131]. Р. Гилпин отличает великие державы по способности формировать и навязывать правила игры, которым должны подчиняться они сами и все остальные государства в системе [6, 30]. Б.Бузан и О.Вевер добавляют к критериям, выделенным К. Уолтцем, также необходимость формального признания этого статуса другими участниками МО и действия державы на глобальном уровне, в частности, обладание потенциалом для становления в качестве сверхдержавы [2, 30-36]. Российский исследователь Т.А. Шаклеина указывает на важность таких критериев, как существенное (в разной степени, вплоть до решающего) влияние на мировую и региональную политику и политику отдельных стран (мирорегулирующая деятельность) [7].

Великие державы участвуют в формировании порядка на региональном уровне, структурировании макрорегиональной и трансрегиональной проблематики, действуют за пределами своего региона и влияют на другие региональные сегменты мира. При этом в современном мире отчетливо происходят процессы трансформации великодержавного потенциала, что предопределяет соответствующие различия между «классическими» великими державами и «поднимающимися» великими державами (emerging) и заставляет задаваться вопросом, как при прикладном анализе выделять подобные державы, как определить, являются ли «классические» великие державы все еще таковыми (Великобритания, Франция), можно ли считать «поднимающуюся» Индию великой державой? Каким образом учитывать фактор Китая и незападных стран с учетом «незападной»/«восточной» структурной специфики? [8; 9, 183-222; 10] Отдельный блок вопросов связан с тем, как объяснить внешнеполитическое поведение в зависимости от положения, которое государство занимает в мире и регионе и позиций в мирополитических дифференциациях [11; 3, 211-221].

Согласно определению Д. Нолте, региональная держава – это государство, входящее в данный регион; связанное с регионом тесными взаимосвязями в экономике, политике и культуре; имеющее материальные (военные, экономические, демографические), организационные (политические) и идеологические ресурсы для проецирования своего влияния на регион; обладающее претензиями на лидерство в нем, оказывающее

значительное влияние на геополитику данного региона и на его политическое конструирование; оказывающее реальное влияние на события, происходящие в регионе, в том числе путем участия в региональных институтах, определяющее региональную повестку дня; позиции которого как лидера признаются или по крайней мере уважаются государствами как внутри региона, так и вне него; участвуя в глобальных институтах, так или иначе, выражает интересы стран всего региона. [12]

Держава среднего уровня (*middle power*) определяется Р. Кеохейном как государство, лидеры которого полагают, что оно само не может действовать эффективно в одиночку, но может иметь систематическое влияние на наибольшую группу стран или путем участия в международных институтах [13, 296]. Д. Нолте отмечает, что они обладают некоторыми ресурсами и некоторым влиянием, но не способны оказывать решающее воздействие на структурирование регионального пространства и не видят себя в качестве лидера в глобальном масштабе [12]. Возникли различные подходы к определению и анализу держав среднего уровня, включая различные черты внешнеполитического поведения [11], вопросы позиционирования и признания и т.д. Помимо этого, державы среднего уровня стали подразделять на «классические» (в основном западные страны) и «поднимающиеся» (преимущественно незападные державы, многие из которых являются развивающимися).

На практике, однако, также возникает дискуссия касательно того, какие державы можно относить к категориям региональных держав и держав среднего уровня, существуют и примеры взаимоналожения данных концепций. В ряде случаев встает вопрос, в особенности в отношении держав среднего уровня, какого силового потенциала/мощи достаточно для того, чтобы отнести страну в ту или иную категорию? Что делать, если он различный в разных сферах? Каков должен быть уровень развития? Каковы общие особенности поведения: участие в институтах и международных организациях; Создание коалиций; Следование общим нормам и принципам? Насколько большим влиянием на регион они могут обладать на практике? Каким образом учитывать самопозиционирование и признание различных стран в качестве подобных держав? [12]

Несмотря на указанные вопросы, данные аналитические категории представляются полезными для теоретико-эмпирического анализа в мировом комплексном регионоведении, т.к. они позволяют рассматривать структуру регионального порядка, исходя из потенциала и характеристик ключевых региональных центров силы [3]. Вместе с тем, формирование и трансформация различных центров силы с различным потенциалом и параметрами приводит к усложнению подобных типологий и – временами – к практической сложности однозначного отнесения конкретных стран к тем или иным категориям в случае, если они находятся в стадии трансформации мощи (в большую или меньшую стороны – *emerging/declining*).

Литература:

1. Tammen R.L. Power Transition Strategies for the 21st Century / R.L. Tammen, J. Kugler, D. Lemke, C. Alsharabati, B. Efirid, A.F.K. Organski. – New York: Chatham House Publishers, 2000. – 244 p.
2. Buzan B., Weaver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 564 p.
3. Мировое комплексное регионоведение: учебник / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. - М.: Магистр: ИНФРА-М, 2020. – 416 с.
4. "Большая Восточная Азия": мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского ; МГИМО(У) МИД России. - М. : МГИМО-Университет, 2010. - 443 с.
5. Waltz K. Theory of International Politics. – Reading: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. – 251 p.
6. Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 288 p.
7. Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. - 2011. - Том 9. № 2. - С. 29-39.
8. Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика. – 2020. - 11(4). - С. 5-26. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10045>
9. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: учебник / под ред. А.Д. Воскресенского. - М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. С. – 560 с.
10. The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / ed. by Alexei D. Voskressenski, Boglarka Koller. – London: Lexington Books, 2019. – 242 p.
11. Истомина И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект пресс, 2018. – 296 с.
12. Nolte D. How to compare regional powers: analytical concepts and research topics // Review of International Studies. - 2010. - Vol. 36. - pp. 881-901.
13. Keohane O.R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. – 1969. – Vol. 23. No 2. – pp. 291-310.

*Кузнецов Денис Андреевич,
к.полит.н., старший преподаватель
кафедры мировых политических процессов,
сотрудник Центра комплексного китаеведения и
региональных проектов, МГИМО МИД России (г. Москва)*

ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ МИРОВОГО КОМПЛЕКСНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

В рамках мирового комплексного регионоведения особое место занимает концепт «функционального региона», осмысление которого стало возможным с развитием пространственного подхода и в условиях эволюционирующей к полицентричности мировой системы, которая продолжает усложняться и внутри которой формируются новые уровни взаимодействия. Одним из таких уровней, на котором формируются и развиваются проекты нового типа, основанные на поиске собственных подходов к экономическому, политическому и социетальному развитию и управлению глобализацией, а соответственно и одним из основных типов функциональных регионов становится трансрегиональный уровень [1].

Трансрегионализация представляет собой процесс формирования крупных межрегиональных международных в той или иной мере институционализированных кластеров, втягивающих в орбиту взаимодействий как отдельные государства, так и региональные объединения. Развитие таких объединений и проектов как «Пояс и путь», «Индо-Пацифика», Транстихоокеанское партнерство, БРИКС и др. свидетельствует о новом характере влияния «регионального» на мировую политику [2].

Трансрегионализм существенно связывает географические характеристики регионов с их функциональными испостасями, выводит «региональное» и «национальное» через «региональное» на глобальный уровень. Так, БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) объединяет лидеров *географических* регионов, формируя собственную глобальную повестку, способствуя продвижению национальных и коллективных интересов. МИКТА (Мексика, Индонезия, Республика Корея, Турция, Австралия) также объединяет влиятельных игроков, которые стремятся преодолеть *региональные* ограничители их роста и влияния. Проект Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства представлял собой (и вероятно, будет обсуждать и далее) проект консолидации торговых и других отношений между двумя центрами крупных *макрорегионов* – Европы и Северной Америки. Проект Транстихоокеанского партнерства (как в первоначальном варианте, так и в усеченном варианте – без США) связывает *географические* регионы через экономическое и технологическое партнерство. «Пояс и путь» предлагает связать отдельные *географические* регионы на основе китайских функциональных интересов модернизации. «Индо-Пацифика» ищет опору в формировании оси четверки демократий – США, Индии, Австралии и Японии – через подтягивание к партнерству *географически* прилегающих к ним региональных пространств [3].

Таким образом, связь географического и функционального представляет собой ключевую характеристику трансрегионализма. Открытыми для научной дискуссии остаются вопросы, связанные со взаимосвязью национальных политических моделей развития и участием в трансрегиональных объединениях, применением геоэкономического подхода к исследованию феномена, изучением конкурентного потенциала

трансрегионализма. Интенсивное развитие трансрегиональных связей свидетельствует о том, что изучение процессов трансрегионализма имеет потенциал стать одним из наиболее актуальных направлений междисциплинарных исследований в науке о международных отношениях, мировой политике и мировом комплексном регионоведении на ближайшие годы [4].

Литература:

1. Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. – 270 p.
2. Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 37-57.
3. Кузнецов Д.А. Феномен международного трансрегионализма и его влияние на современные мирополитические процессы. Дисс. канд. полит. наук. М., МГИМО МИД России, 2020. – 217 с.
4. The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia, ed. by Alexei D. Voskressenski & Boglárka Koller. Lexington Books. – 242 p.

ЭКСПЕРТНЫЕ ДОКЛАДЫ

*Кононов Илья Федорович,
д.с.н., профессор, заведующий кафедрой
философии и социологии
ЛНУ им Т. Шевченко (г. Луганск, Украина)*

ДОНБАССКИЙ КОНФЛИКТ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА И ПЕРСПЕКТИВЫ УКРАИНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Последние три десятилетия в мировой политике происходили события, которые ранее считались наименее вероятными. Значительное их число пришлось на постсоветское пространство (условно говоря, от первой до второй войны в Карабахе).

Все сказанное нуждается в рациональных объяснениях, которые, очевидно, нужно искать в динамике мировой капиталистической системы. Восстановление её целостности, разрушение мировой системы социализма, как альтернативного центра накопления капитала, победа неолиберального проекта, связанного с соответствующей моделью глобализации, стали причиной нарастания в этой системе внутренних противоречий. Противоречия между транснациональными и национальными структурами капиталистической экономики привели к кризису государственности как формы политической жизни. Транснациональная буржуазия, как высший слой буржуазного класса, создала для себя пространство, в котором государственные регуляторы значительно ослаблены или не действуют вовсе. Сами государства, сохраняя старые формы, все больше теряют функции представительства различных социальных сил, согласования их интересов. Они с разной скоростью, но эволюционируют в институциональные образования, которые служат для правящих групп средством извлечения административной ренты, реализации узкогрупповых интересов [1; 2]. Фундаментальный характер приобрели отношения «власть-собственность» [3].

Существенно изменились внутригосударственные и межгосударственные конфликты, приобретшие характер проектов. Как проекты транснациональной буржуазии формируются движения, нацеленные на политические изменения в тех или иных странах («цветные революции»), что достаточно давно было предложено называть буржуазным бланкизмом [4]. Значительное число вооруженных конфликтов утратило конвенциональный характер, а понятие войны приобрело чрезвычайную проблемность [5]. Борьба США и КНР, которую можно считать новым этапом борьбы за гегемонию в рамках мировой капиталистической системы [6, 189], является фоновым определением современной мировой ситуации. Слабеющий гегемон делает ставку на многочисленные альянсы и

множественные конфликты низкой интенсивности. Страны, попавшие под внешнее управление, становятся инструментами достижения чужих геополитических целей.

Большое распространение получил термин «проху war» (война по поручению). Страны, сдвинувшиеся на периферию мировой капиталистической системы и попавшие под внешнее управление, используются в борьбе со странами полупериферии, которые заявляют претензии на повышение своей мировой роли (примером может служить конфликт Грузии и РФ 2008 г.). Для войн по договоренности проектно создаются различные политические эфемерии (повстанческие движения, сепаратистские движения, квазиреспублики и пр.).

В этом контексте можно попытаться понять события в Донбассе, длящиеся уже седьмой год. В мировом экспертном сообществе, использующем методологию мир-системного анализа, часто оценивают этот конфликт как «...экспортированное на периферию напряжение между группами стран ядра, как экстернализацию напряжения между фракциями элит ядра, нацеленными на разные режимы контроля центрально-европейской периферии» [7, 136].

Противостояние в Донбассе очень показательно в плане выявления характеристик современных конфликтов низкой интенсивности. Этот конфликт многослоен по составу его участников и концессионеров. Его характер менялся от открытых военных действий до затяжного вооруженного позиционного противостояния. РФ, чье участие в этом конфликте подпадает под определение военной агрессии, всё время пыталась перевести свою борьбу с Украиной в ситуацию криповойны. Прямое участие военных РФ в 2014 и 2015 гг., обстрелы территории Украины системами залпового огня, участие в создании сателлитарных структур «ЛНР» и «ДНР», подготовка вооруженных групп из жителей Донбасса на территории Ростовской области маскировались под повстанческое движение местного населения.

Кроме РФ, Украины и негосударственных структур в этом конфликте есть много опосредованных участников, что видно по конфигурации сторон, участвующих в переговорах о его урегулировании (Нормандский формат, участие США в выработке линии поведения Украины). Все это делает его разрешение крайне сложным.

В настоящий момент для РФ и Украины донбасский конфликт выглядит тупиковой политической проблемой. В большей степени этот политический тупик возник из-за серии ошибочных политических решений, принятых руководством РФ. Донбасс, наряду с Крымом, препятствует нормализации политических отношений между нашими странами, а тем самым негативно влияет на их национальные интересы. Это касается возможностей сотрудничества в развитии высокотехнологических отраслей промышленности, расширения зон экономического сотрудничества и свободной торговли, противодействия эпидемическим заболеваниям [8] и т.д.

Представляется, что для выхода из политического тупика в украинско-российских отношениях нужно разделить проблемы Донбасса и Крыма. Проблема Донбасса в нынешних условиях может рассматриваться как поддающаяся решению. При этом нужно найти решение, когда конфликтующие стороны могут сохранить лицо. В переговорном процессе точкой поиска общей позиции при решении конфликта должны стать интересы мирного населения Донбасса, которое является главной пострадавшей его стороной.

В этой связи большое значение приобретает выявление общественного мнения жителей неподконтрольных правительству Украины частей Луганской и Донецкой областей.

Проведение массовых опросов на территориях вооруженного противостояния достаточно проблемно. Украинские и российские социологические организации получали во время опросов на Донбассе крайне неустойчивые результаты [9].

Нетрадиционный способ получения первичной социологической информации был использован неправительственной организацией «KharkivGate». Её специалисты организовали опрос людей, которые перемещаются через КПВВ Станица Луганская в обоих направлениях.

Социологам в этом случае приходится иметь дело с неклассическим объектом исследования потокового типа. Этот процесс формируется в разных населенных пунктах по обеим сторонам линии разграничения и приобретает зримые контуры движения человеческих масс, встречающихся на территории КПВВ. Потоки людей с обеих сторон крайне нестабильны во времени по интенсивности и по составу. Это делает сложным обеспечение репрезентативности выборочной совокупности.

Первоначально планировавшийся метод экзит-полла оказался неэффективным по причине нестабильности очереди. Поэтому репрезентативность обеспечивалась двумя методами. Во-первых, утром в результате статистического мониторинга очереди людей, идущих в Луганск, устанавливались квоты по полу на день. Во-вторых, опрос проводился ежедневно равными порциями (15 – 16 человек) с 23 августа по 21 сентября 2020 г.

В целом за указанный период было опрошено 402 чел. Среди опрошенных 53% составляли мужчины и 47% - женщины. В людском потоке 64% составляли пенсионеры, 15% - работающие полный рабочий день по найму, по 5% - самозанятые и временно не работающие, по 3% - студенты и работающие на временных работах, 1% - работодатели. Еще 4% не указали вид своей деятельности. В потоковой структуре 77% респондентов постоянно проживали на территории, контролируемой «ЛНР», 22% - на свободной территории Украины и 1% представляли граждане других стран (от Польши до Египта).

Рассмотрим некоторые результаты этого опроса. Прежде всего следует принять во внимание распределение ответов на вопрос о понимании природы

донбасского конфликта. Распределения представим по месту постоянного проживания респондентов и по принадлежности к крупнейшим этническим группам, проживающим в Донбассе.

Таблица 1. Понимание природы военного конфликта на Донбассе (в % от числа опрошенных)

№п/п	Характеристики войны	Все опрошенные n=402	«ЛНР» n=309	Украина n=87	Русские n=114	Украинцы n=244
1.	Борьба США и России за сферы влияния	29	31	26	33	30
2.	Гражданская война в Украине	15	15	16	18	14
3.	Конфликт элитных групп, который своевременно не погасили и он разгорелся в военный пожар	26	27	26	29	28
4.	Борьба донбасского народа за независимость	6	5	8	4	8
5.	Российско-украинская война	10	10	11	3	12
6.	Борьба олигархов за прибыль и влияние в регионе	37	40	29	48	36
7.	Кара Господня за грехи	5	5	8	7	5
8.	Антитеррористическая операция с целью ликвидировать сепаратизм	1	2	1	1	1
9.	Другое	5	3	9	5	2

Как видим, наши респонденты склонны рассматривать донбасский конфликт как производное внутриэлитных противоречий в Украине, которые усугубили внешнеполитические факторы. Не являются определяющими варианты «гражданская война», «российско-украинская война», «борьба донбасского народа за независимость» и т.д.

Понятным в этом контексте является и распределение ответов респондентов на вопрос о желательном будущем «ЛНР».

Таблица 2. Представления о желательном развитии ситуации с «ЛНР» (в % от числа опрошенных).

№ п/п	Направления желательного развития	Все опрошенные=402	«ЛНР» n=309	Украина n=87	Русские n=114	Украинцы n=244
1.	«ЛНР» должна войти в состав Украины, став частью единой Луганской области	42	39	52	33	45
2.	«ЛНР» должна войти в состав Украины на правах автономии	33	36	22	32	32
3.	«ЛНР» должна остаться самостоятельным государством	6	5	6	4	6
4.	«ЛНР» должна войти в состав России как отдельная область	3	4	2	6	2
5.	«ЛНР» должна войти в состав России как автономная республика	3	2	3	4	2
6.	Другое	13	13	11	19	10

В данном случае мы видим достаточно выработанное общественное мнение, предполагающее реинтеграцию Донбасса в рамках Украины.

Региональная общность Донбасса сохранила единство на уровне межчеловеческих связей. Линия разграничения здесь воспринимается как граница между своими.

Таблица 3. Представления о линии размежевания (в % от числа опрошенных)

Природа линии размежевания	Все опрошенные n=402	«ЛНР» n=309	Украина n=87
Граница, отделяющая своих от чужих	5	5	5
Граница между своими	79	80	78
Другое	2	2	3
Без ответа	12	13	14

Предсказуемо, что большинство опрошенных на КПВВ Станица Луганская хотели бы ликвидации этого препятствия для свободного перемещения людей и товаров.

Таблица 4. Какой должна быть линия размежевания? (в % от числа опрошенных)

Какой должна быть линия размежевания?	Все опрошенные n=402	«ЛНР» n=309	Украина n=87
Закрытой на замок, с контрольно-следовой полосой и колючей проволокой	1	1	0
Открытой для движения людей, капиталов и товаров, как в Шенгенской зоне ЕС	25	23	30
Эта граница вообще не нужна	70	71	65
Другое	1	1	1
Трудно ответить	3	4	4

Общественное мнение на неподконтрольных территориях формируется в достаточно сложных условиях. Открытый террористический режим сателлитарного типа заставляет людей быть предельно осторожными в своих контактах с окружающими.

Таблица 5. Доверие к окружающим людям (в % от числа опрошенных)

На кого распространяется	Все опрошенные	«ЛНР» n=309	Украина n=87
---------------------------------	----------------	----------------	-----------------

доверие	n=402		
Доверяю большинству людей	8	8	8
Доверяю тем, кого хорошо знаю	71	73	63
Никому не доверяю	15	13	21
Трудно ответить	6	4	6

В связи с этим среди населения не формируются длинные цепочки солидарности. Люди ориентируются на выстраивание своей частной жизни параллельно к структурам власти. Доминирует тактика приспособления.

Таблица 6. Поведение в условиях опасности (в % от числа опрошенных)

Тактика в условиях опасности для себя и близких	Все опрошенные n=402	«ЛНР» n=309	Украина n=87
Открытое выражение своей позиции в любых условиях и действия по совести	6	6	8
Действие по совести, но позицию всем озвучивать не обязательно	34	31	40
Позицию необходимо выработать в зависимости от ситуации и действовать так, чтобы не причинить себе и близким вреда	47	50	38
Трудно ответить	12	13	14

Знаменательным условием функционирования массового сознания в Донбассе является недоверие населения к СМИ.

Таблица 8. Доверие к СМИ Украины, России и «ЛНР» (% по всем опрошенным)

Оценки СМИ	Все опрошенные	«ЛНР» n=309	Украина n=87
-------------------	----------------	-------------	--------------

	n=402		
Полностью доверяю	6	3	7
Скорее доверяю	15	15	11
Скорее не доверяю	21	22	15
Не доверяю совсем	35	43	47
Трудно сказать	23	17	20

Выводы. Массовое сознание жителей Донбасса дает возможность восстановить территориальную целостность Украины без применения насилия, а также без потери РФ своего лица. Для этого необходимо перевести большую часть переговорного процесса в двусторонний украинско-российский формат. Позиция РФ по склонению Украины к прямым переговорам с «Л/ДНР» является тупиковой и не принесет положительного результата. Поиск компромисса по Донбассу должен ориентироваться на долговременные национальные интересы обеих стран.

Литература:

1. Бек У. Влада і контрвлада у добу глобалізації. Нова світова політична економія / Пер. з нім. Олександра Юдіна. 2-е видання. К.: Ніка – Центр, 2015. 404 с.
2. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение/Пер. с англ. Н. С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. 288 с.
3. Макаренко В. П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы // Макаренко В. П. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Что такое троевластие? Русская власть: теоретикосоциологические проблемы. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. С.57 – 493.
4. Кононов И. Ф. Мировая гибридная война или буржуазный бланкизм? // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи», вип. 39. Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2017. – С. 146 – 153.
5. Образцов И. В. Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. Том 46. № 10. С. 106-116. DOI: 10.31857/S013216250010207-0
6. Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
7. Polska jako peryferie / Red. T. Zarycki. Warszawa: Naukowe SCHOLAR, 2016. 356 s.

8. Russia, China, Europe, Eurasia and the USA: covid-2019 and after – what our future may be? Summary of the online international roundtable discussion // Comparative politics Russia. 2020 Vol.11 No. 3. Pp. 5-11.

9. Кононов И. Ф. Соціологія в умовах кризи і війни: проблема методологічної спроможності // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Соціологічні науки / ДЗ ЛНУ імені Тараса Шевченка. №5 (302), травень 2016. С. 5 – 55.

Коргунок Юрий Григорьевич,

д.полит.н., ведущий научный сотрудник

Отдела политической науки

ИНИОН РАН (г. Москва)

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА РОССИИ НАКАНУНЕ ДУМСКИХ ВЫБОРОВ 2021 ГОДА

Итоги предстоящих в 2021 году думских выборов одновременно и предсказуемы, и непредсказуемы. Это обусловлено характером сложившихся в России партийной системы и политического режима.

Оба эти понятия тесно связаны. С начала XXI в. мы имеем партийную систему, которую, согласно классификации Дж. Сартори [1, 285], правильнее всего было бы охарактеризовать как доминантную (полупартийную). Однако аналогичные системы в разных политических режимах ведут себя по-разному: в одних случаях они вполне конкурентны, в других лишь имитируют партийную жизнь [2]. Сложившаяся в нашей стране после 2003 г. партийную систему автор в свое время охарактеризовал как псевдопартийную, в котором место доминирующий правящей партии занимает "партия власти", не только не формирующая правительство и не определяющая государственный курс, но и не являющаяся самостоятельным субъектом политики [3, 108–110].

Такой же эта система продолжает оставаться и поныне, трансформируясь под влиянием режимных изменений. В 2000-х гг. режим мог характеризоваться как электоральный авторитаризм: он пытался соблюдать какие-то приличия и обеспечивать победу "партии власти" путем создания ей преимуществ в информационном пространстве. Однако в 2010-х гг., особенно после 2012 г., отечественный авторитаризм всё больше утрачивал черты электорального и всё больше превращался в обыкновенный закрытый, для которого более характерны такие приёмы, как недопуск на выборы неугодных конкурентов и откровенные подтасовки итогов голосования.

Такие режимы легко обеспечивают "своим" кандидатам и партиям нужные результаты, диктуя их из высоких кабинетов избирательным комиссиям, но полученные цифры мало что говорят о реальном уровне поддержки власти. То, какие подводные камни угрожают такого рода

системам, можно видеть на примере Белоруссии, где правящий диктатор в один прекрасный момент столкнулся с вышедшим на улицы электоратом.

Задача нынешнего российского режима заключается в том, чтобы, добываясь нужных результатов, не перегнуть палку и не получить в качестве "ответки" белорусский сценарий. Впрочем, Лукашенко "перегибать" начал гораздо раньше и "рисовал" нужные цифры добрых двадцать лет. Российская же власть "обожглась" ещё в 2011-12 гг., когда обнаружила, что есть регионы, в которых с приписками лучше не перебарщивать. Так что запас прочности у Кремля пока есть и на предстоящих думских выборах он постарается сохранить статус-кво, выражающийся в контроле над нижней палатой федерального парламента.

Вместе с тем от выборов к выборам – за исключением кампании 2016 г., когда ещё давал знать о себе "допинг" от присоединения Крыма – такая задача становится всё более трудновыполнимой. Рейтинг "Единой России" медленно, но верно снижается и поднять его чисто пропагандистскими средствами вряд ли реально.

Возможности манипуляции электоральным законодательством также во многом исчерпаны. По слухам, одно время в администрации президента была популярна идея сокращения доли депутатов, избираемых по пропорциональной системе, и, соответственно, увеличения доли одномандатников в составе Госдумы. Однако последующие подсчёты выявили, что от этого выиграет скорее оппозиция, чем "партия власти". Наибольший прирост одномандатников произошёл бы не в "электорально управляемых" регионах, а в крупных городах, где настроения не столь лояльны.

Да и возможности приписок тоже безграничны. Это легко делать на территориях "электоральных аномалий", но гораздо труднее в остальных регионах. В конечном счёте значительная часть избирателей сосредоточено в таком плохо управляемом с электоральной точки зрения регионе, как европейский Север России, включая Москву, Санкт-Петербург, Северный Урал. Сюда же стоит добавить наиболее населённую часть Дальнего Востока и подавляющую часть Сибири (за исключением Тывы, Кемеровской, Курганской и Тюменской областей, а также Ямало-Ненецкого округа). Так что надеяться остаётся только на Юг, Поволжье, Южный Урал. Даже Центрально-Черноземный район с каждым избирательным циклом демонстрирует всё меньшую управляемость.

Так что единственное, на что остаётся уповать Кремлю, – это на недопуск к выборам в одномандатных округах наиболее перспективных кандидатов от оппозиции, а также на то, что ближе к выборам удастся изыскать способ подхлестнуть "патриотические" страсти и в очередной раз мобилизовать пропутинский электорат.

Однако даже в этом случае перспектива сохранения "Единой России" конституционного большинства мало реалистична. Будет за счастье удержать хотя бы простое большинство – как в Госдуме прошлого созыва (2011-2016).

Что касается остальных парламентских партий, то за их прохождение в Госдуму можно не беспокоиться. В СМИ нет-нет да появляются "аналитические доклады" о проблемах ЛДПР и "Справедливой России", но власть сама создала условия, способствующие их укреплению в нишах имперского национализма и несталинистского социал-популизма. "Выковырять" их оттуда сейчас затруднительно, тем более что новые претенденты на эти ниши не обладают достаточным набором ресурсов – кадровых, финансовых, агитационных и т.п.

Причем если в 2016 г. ЛДПР достаточно бодро конкурировала с КПРФ в борьбе за второе место, то сейчас ей, по-видимому, как и в 2011 г., придётся побороться со "Справедливой Россией" за третье место. В 2016 г. ещё давали о себе знать последствия "крымско-украинской инъекции". После "пенсионной реформы" 2018 г. и коронавирусной эпидемии 2020-го на первый план снова вышли вопросы эффективности монополизировавшей всё в своих руках власти и, в частности, её социально-экономической политики. А это ослабляет имперских националистов и усиливает социал-популистских критиков авторитарного режима.

Шансы ЛДПР сохранить свои позиции остаются только в случае появления новых поводов для разыгрывания империалистической карты. Например, если в Белоруссии падёт режим Лукашенко и новые власти страны развернутся спиной к России и лицом к Западу. Истерия, которую в таком случае непременно разожгут официальные СМИ, может сыграть на руку жириновцам, но не факт, что она будет так же эффективна, как в случае с Украиной-2014.

Что касается остальных участников партийной игры, то определенные шансы преодолеть 5%-ный барьер имеются у "Яблока", но в этом случае последнему придётся прыгнуть выше головы, что в её возрасте уже не просто. Во-первых, ей нужно будет кардинально обновить имидж, выдвинув на первый план новые, гораздо более молодые, лица (а это проблематично, учитывая, насколько цепко руководство партии держится за бразды правления). Во-вторых, ей надо будет хорошо продумать политическую повестку, предложив избирателю новые мобилизующие лозунги.

Даже если "Яблоко" преуспеет в этом, власть всегда сможет "задвинуть" его обратно. На этот случай, скорее всего, летом 2020 г. и был одобрен в первом чтении законопроект об ужесточении наказания за публичные призывы к нарушению территориальной целостности России. Позиция "Яблока" по Крыму явно нарушает этот закон, а партия отказываться от неё не собирается. Поэтому вполне вероятным представляется вариант, при котором "Яблоко" по требованию конкурентов могут снять с выборов.

Из новых партий, зарегистрированных Минюстом в 2020 г., определенные шансы на прохождение в Госдуму имеют "Новые люди" – очередной претендент на праволиберальную нишу. Однако не факт, что

ресурсы этой партии позволят ей развить успех, достигнутый на региональных выборах 2020 г.

Шансы ещё двух партий, сумевших в 2020 г. получить представительство в региональных собраниях, – "За правду" (З. Прилепин) и "Зелёная альтернатива" – выглядят не очень впечатляюще. Прилепинская партия упустила момент, когда можно было удачно разыграть имперскую карту – для этого ей надо было участвовать в выборах 2016 г. Кроме того, в этой нише у нее имеется сильный конкурент – ЛДПР. Что касается "Зелёной России", то Россия ещё не доросла до победы на выборах экологических партий – для этого ей нужно сначала решить ряд насущных вопросов социально-экономической повестки.

В думских выборах 2021 г. без сбора подписей не смогут принимать двое партий – участниц прошлой кампании – "Гражданская сила" (свернула свою деятельность ещё в 2016 г.) и ПАРНАС (полностью лишилась представительства в региональных собраниях), зато появились новые "льготники" – в частности, Партия дела, Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС) и др. Но их шансы тоже не представляются особенно выигрышными. Партии дела придется конкурировать, с одной стороны, с "правыми либералами" (Партия Роста, "Новые люди"), а с другой, с консерваторами-протекционистами (ЛДПР, "За правду", "Родина"). И не там не там успех ей не гарантирован. КПСС же – типичная спойлерская контора: возможно, ей вместе с "Коммунистами России" удастся отщипнуть кусок у КПРФ, но она вряд ли сможет претендовать на большее.

Таким образом, можно спрогнозировать, что "партии власти", скорее всего, удастся обеспечить себе простое большинство в Госдуме следующего созыва – но вряд ли конституционное. Однако для режима этого будет вполне достаточно, чтобы и в следующие пять лет контролировать парламент.

Однако не следует забывать, что описанный сценарий имеет инерционный характер, предполагающий отсутствие неожиданных "черных лебедей". Появление таких "птичек" вполне способно опрокинуть его. В таком случае мы вполне сможем наблюдать в России повторение белорусского сценария.

Литература:

1. Sartori G. Parties and party system: A framework for analysis. Vol. 1. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1976. – 370 p.

2. Коргунюк Ю.Г. Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства / под ред. Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалёвой. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 44–71

3. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: ИНДЕМ, МГПУ, 2007. – 544 с.

*Отроков Олег Юрьевич,
к.пол.н., помощник депутата
Государственной Думы ФС РФ (г. Ростов-на-Дону)*

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА РОСТОВА- НА-ДОНУ)

Всего 93,6 млн человек в России пользуются интернетом ежемесячно, 90,7 млн человек заходят в сеть еженедельно, а 82,8 млн – ежедневно [1]. При такой огромной аудитории пользователей не рассматривать использование органами власти ресурсов, которые представляет сеть «Интернет», просто невозможно. Помимо средств поиска и представления информации благодаря широкому развитию интернет-технологий высокую популярность получили средства удаленного общения – социальные сети, которые за непродолжительный период времени пережили несколько этапов эволюции.

Социальные сети в настоящее время не просто инструмент для проведения свободного времени, но и наиболее эффективный источник получения самой разной информации: от бытовых вопросов, развлекательного контента до новостей от политиков и органов власти. Проведенные исследования показывают, что социальные сети становятся самым массовым источником получения информации для россиян всех возрастов. В соцсеть YouTube ежемесячно заходят 41,2 млн россиян, «ВКонтакте» - 38,2 млн активных пользователей в месяц, Instagram - 30,7 млн пользователей в месяц и «Одноклассники» - с 23,4 млн [2], ненамного отстает соцсеть Facebook. Эти ресурсы входят в топ пять наиболее популярных социальных сетей России.

Ежедневно в социальных сетях размещается огромное количество информации, часть из которой не может претендовать на объективность. Частное мнение или шутка одного человека может привести к массовой дезинформации тысяч людей, посеять панику, создать проблемы городским службам. Таких примеров не мало, и власть вынуждена реагировать на такие фейки, разъясняя официальную позицию.

Практически все органы власти так или иначе присутствуют в социальных сетях, как отдельные политики и общественные деятели с личными или официальными (рабочими средствами общения с жителями) аккаунтами. В настоящее время высока степень популярности также у мессенджеров, которые перестали выполнять исключительно функцию общения, и стали средством получения информации через различные

диалоги, беседы и групповые чаты. Наиболее популярными мессенджерами в этом аспекте являются WhatsApp и Telegram, которые также можно рассматривать как социальные сети.

Ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции и введенными ограничениями преобразовала социальные сети практически в единственный эффективный инструмент взаимодействия с жителями. Основная информация о ситуации, оперативные данные передавались жителям через социальные сети, а трансляции важных онлайн-мероприятий проходили в соцсети YouTube.

До настоящего времени научный анализ эффективности информационного общения органов местного самоуправления города через социальные сети не проводился, что говорит о высокой актуальности данного исследования. Полученные результаты проекта могут стать основой для трансформации подходов в использовании социальных сетей, расширении охвата и механизмов донесения через них информации до городского сообщества.

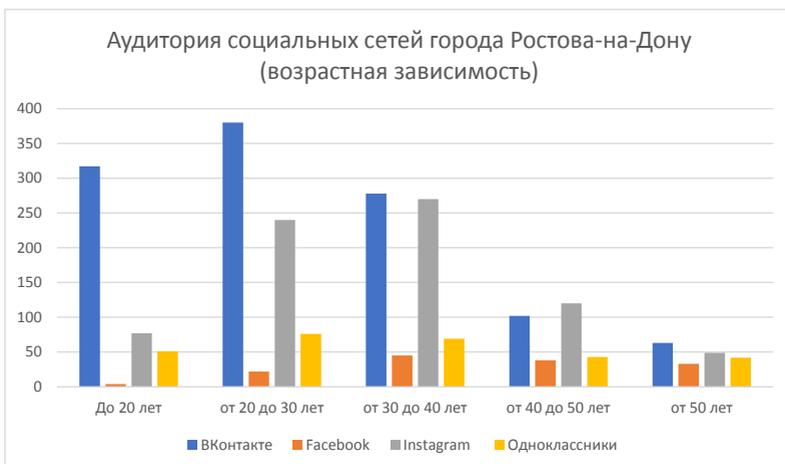
Эмпирическую базу исследования составили открытые данные аудитории пользователей и охвата социальных сетей на территории города Ростова-на-Дону; проведенный анализ аккаунтов, созданных органами местного самоуправления города в различных социальных сетях (включая активность подписчиков, которая демонстрирует качество размещаемого контента); данные аналитических ресурсов и статей, опубликованных по тематике; официальные интернет-ресурсы органов власти.

Аудитория пользователей социальных сетей города Ростова-на-Дону очень велика, как и сам спектр таких средств коммуникации: ВКонтакте – 1055000 человек, Instagram – 756000 человек, Одноклассники – 280800 человек, Facebook – 130000 человек.

Для определения тактики использования социальных сетей необходимо сегментировать их аудиторию и определить таким образом интересующий аудиторию различных социальных сетей контент.

График зависимости возраста и количества участников в каждой из социальных сетей представлен в диаграмме 1. Единица измерения охвата указана в тысячах человек для удобства восприятия.

Диаграмма 1.

Учитывая приведенные данные, можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее популярная социальная сеть практически во всех сегментах, а особенно для молодежи до 30 лет – «ВКонтакте».

2. Instagram пользуется популярностью преимущественно в аудитории от 20 до 40 лет и совершенно не интересен молодежи до 20 лет.

3. «Одноклассники» чаще всего используются аудиторией от 50 лет.

4. Facebook незначительно представлен в каждом сегменте. Наиболее актуален для возрастной группы 30-50 лет. Небольшое число пользователей в данном случае может нивелироваться их активностью, в том числе политической и содержательностью размещаемого контента.

В YouTube невозможно спрогнозировать количество просмотров видео, так как в данной сети не требуется регистрация, а целевая аудитория представлена в виде данных по среднему прогнозируемому количеству просмотра видеоролика (просмотр считается если пользователь смотрит видео не менее 30 секунд).

Стоит отметить, что роликов, размещенных в YouTube, которые стали «вирусными», то есть быстро распространились по сети и набрали большое количество просмотров с региональной или тем более городской повесткой, практически нет. Отсутствуют и известные видеоблогеры, которые бы пользовались большой популярностью у городской аудитории. Учитывая эти факторы, можно сделать вывод, что YouTube остается самым слабо используемым каналом донесения информации, однако имеет большой потенциал.

Telegram-каналы в основном представлены в целом по региональной повестке, однако большинство тем и событий привязаны к городу Ростову-на-Дону, поэтому можно их рассматривать как инструмент донесения информации ростовчанам. Восемь наиболее популярных Telegram-каналов с

общественно-политической тематикой в сумме охватывают около 60 тысяч человек (велика вероятность задвоенности результатов из-за возможности включения пользователя сразу во все каналы). В данном аспекте создание Telegram-канала органами местного самоуправления представляется слабо целесообразным. Наличие официального сайта, а также донесения информации через социальные сети в полной мере позволяют решать вопросы информирования населения о принимаемых решениях и реализуемых проектах. Использовать ресурсы Telegram-каналов возможно размещением в них отдельных публикаций или сообщений.

Диалоги в WhatsApp создаются для более локальных целей, так как требуют использования номера телефона для использования и позволяют идентифицировать пользователей. Такие чаты популярны среди родителей групп в детских садах, классах школы, трудовых коллективов для обсуждения рабочих вопросов и т.п. Популярность этого средства общения несколько выросла с добавлением возможности отключения комментирования записей (по аналогии Telegram), однако отсутствует самостоятельный поиск диалогов, а добавление возможно только через приглашение или прямую ссылку. Формирование общегородского канала в WhatsApp представляется нецелесообразным, сама задача труднореализуема.

Учитывая изложенное, акцент при работе в социальных сетях следует делать на две наиболее посещаемые и популярные в городе сети – «ВКонтакте» и Instagram.

Проведем анализ присутствия органов местного самоуправления на данных площадках, а также читаемость и реакцию на размещаемую информацию. 11 руководителей администрации города и районов создали аккаунты в социальной сети Instagram. Активно ведутся аккаунты только четырех руководителей, остальные не имеют публикаций либо закрыты.

Количество подписчиков и лайков (отметок «Мне нравится») характеризует посещаемость страницы. В данном случае учитывая объем аудитории социальной сети в городе, цифры достаточно скромные и перспективы развития такой формы коммуникации очень велики.

Не только личные страницы, но и аккаунты органов местного самоуправления представлены в социальных сетях. Несмотря на тенденции к личному общению с жителями более востребованы аккаунты органов власти, нежели конкретных руководителей администрации города. Все районные администрации за исключением Советского района присутствуют в социальной сети. С органами городской власти ситуация несколько иная, и есть аккаунты всего у четырех структур. Все аккаунты ведутся достаточно профессионально, размещается актуальная информация, налажен диалог с жителями по средствам комментариев. Однако даже при более представительной аудитории пользователей количество подписчиков остается недостаточными в отличие от других сообществ для ростовчан в Instagram с куда большим количеством подписчиков (до 100 тысяч) и высокой активностью участников в комментариях и «лайках».

В целом можно оценить работу органов местного самоуправления города Ростова-на-Дону с аудиторией социальной сети Instagram как недостаточную.

Во второй по популярности у ростовчан социальной сети «ВКонтакте» органы местного самоуправления практически не представлены.

Определяются только три группы: «Администрация города Ростова-на-Дону» с 701 подписчиком, «Отдел по делам молодежи г. Ростова-на-Дону» с 6309 подписчиками, «Администрация Первомайского района» с 72 подписчиками. Контент группы администрации дублирует материалы размещенные в Instagram с учетом возможности размещения ссылок на материалы. Количество просмотров записей до 300. Группа администрации Первомайского района не ведется с февраля 2019 года. Наиболее представительно выглядит группа отдела по делам молодежи с интересным контентом и до 3 тысяч просмотров записей.

При этом отдельные группы и городские аккаунты имеют аудиторию подписчиков более 500 тысяч человек. Причем это активные пользователи, которые следят за размещаемой информацией, комментируют записи сообществ.

Руководителями администрации города и районов не создаются личные аккаунты в «ВКонтакте» либо не наполняются каким-либо актуальным контентом.

С начала апреля 2020 года активно освещать свою деятельность в социальных сетях начали депутаты Ростовской-на-Дону городской Думы. Многие делают этого намного более эффективно, чем органы местного самоуправления, собирая большие аудитории и лояльных подписчиков. Для депутатов социальные сети стали основным каналом коммуникации с избирателями в период ограничений, действующих в связи с распространением новой коронавирусной инфекции.

Представленный анализ говорит о большом потенциале развития присутствия органов местного самоуправления города Ростова-на-Дону в социальных сетях. Ни одно средство коммуникации с жителями не позволяет за столь короткий срок (практически мгновенно) охватить большинство населения города. Само использование социальных сетей является гораздо менее затратным способом донесение информации, чем размещение публикаций в СМИ, однако требует работы профессиональной команды SMM-специалистов, которые не просто составляют план продвижения, но и правильно подают информацию, налаживают канал прямого общения с жителями.

Литература:

1. Данные лидера российского рынка медиаисследований, технологической исследовательской компании Mediascope [Электронный ресурс]. (Режим доступа: <https://mediascope.net>).

2. Публикация «Аудитория социальных сетей в России 2019» [Электронный ресурс]. (Режим доступа: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii>).

*Пупыкин Роман Александрович,
к.полит.н. заведующий кафедрой
теоретической и прикладной политологии
Института философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)*

ОНЛАЙН-МИТИНГИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КАК НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Протестные митинги как таковые ознаменовали политический тренд начала 10-х годов 21 века. Начиная с выборов Президента РФ в 2012 году и присоединения Крыма в 2014 году нормой стали митинги в поддержку проводимого курса в стране. В обоих случаях социальные сети и мессенджеры использовались в основном как средство мобилизации различных социальных групп. Новое десятилетие 20-х годов проходит в мировых масштабах в условиях карантина и самоизоляции. Это подтолкнуло к креативным подходам в появлении и новых технологий. И если в Израиле и Германии митинги весной 2020 года по-прежнему проводились в реальном формате с сохранением дистанции и других сопутствующих мер предосторожности, то Россия первой отреагировала в апреле апробацией онлайн-технологии выражения мнения по злободневной социально-экономической повестке в виде виртуального флэшмоба. [1]

Первым городом в России, который в условиях пандемии провел виртуальный митинг в приложении «Яндекс.Навигатор» 20 апреля 2020 года, стал Ростов-на-Дону. Данный стихийный митинг был реакцией населения на неудобную систему выдачи пропусков для передвижения по городу и имел широкий медийный резонанс. Далее подобные перформансы прошли еще в семи городах (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Екатеринбург, Красноярск, Нижний Новгород и Уфа), и геолокация указывала областные правительства также в «Яндекс.Навигаторе».

Проведенный анализ основной повестки онлайн-требований в представленных городах России, позволяет разделить ее на две тематические группы. [1]

Первая группа – это социально-экономические требования. Они связаны с нехваткой денег на оплату продуктов питания и кредитов, с закрытием досуговых мест и сферы услуг, с требованиями помощи гражданам и малому/среднему бизнесу. Сама форма обращений эмоциональна, доминируют побудительные слоганы («Покормите моих

детей!», «Скоро начнем голодать!», «Самоизоляция: гарантированная смерть не от вируса, так от нищеты!» и др.).

Вторая группа – политические требования в диапазоне от конструктивных до радикальных. В конструктивной части в основном они обращены к руководству регионов о введении ЧС. В радикальной части связаны с требованиями отставки региональной исполнительной власти и эмоционально-окрашенными риторическими лозунгами («Власть бездействует!», «Верните Ленина и Сталина!», «Вы издеваетесь над народом!» и др.)

Стоит отметить, что в большинстве городов в интернет-митингах преобладали социально-экономические требования, а в Москве и Санкт-Петербурге – политические, с уклоном в радикальные лозунги и обобщением проблем в масштабах всей страны. [2]

Можно предположить, что интернет-митинги были стихийной реакцией активных интернет-пользователей на сложившуюся в конкретный момент ситуацию. То, что акция получила определенный резонанс в интернете и СМИ, подтолкнуло ряд оппозиционных политических сил подхватить подобные митинги и перевести их на различные интернет-платформы. За весенний период 2020 года в интернет-пространстве проводились домашние «пикеты» с плакатами, выступления оппозиционных спикеров на различных платформах, массовые рассылки в популярных мессенджерах картинок и роликов протестной направленности.

Через неделю после протестных онлайн-митингов партия «ЛДПР» неслучайно провела и свой онлайн-пикет. Владимир Жириновский уже долгие годы является политическим «сёрфером» и зарекомендовал себя политиком, способным угадывать актуальные тренды. Онлайн-пикеты, проведенные в поддержку его дня рождения, позволили и здесь провести апробацию новых возможностей интернет-приложений для системной оппозиции. Данная акция продемонстрировала, что платформы интернета могут использоваться как для мероприятий со знаком минус, так и со знаком плюс. Поэтому онлайн-протесты будут пользоваться популярностью до снятия режима изоляции, а с развитием цифровизации некоторые политические технологии и направления останутся задействованы и в дальнейшем.

Можно ли проводить санкционированный онлайн-митинг в мобильном приложении – это обсуждаемый вопрос. По сообщению председателя комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи Александра Хинштейна «инициативы по правовому регулированию онлайн-митингов пока не поступали, но могут возникнуть, если IT-компании окажутся не способны эффективно реагировать на подобные акции». [3]

Экспертное сообщество политологов разделилось во мнении об эффективности использования онлайн-митингов. Одни полагают, что они безопасны для власти и позволяют ей мониторить настроения в обществе,

другие склонны считать, что виртуальный митинг позволяет мобилизовать протестно-настроенного избирателя, а в дальнейшем приведет его к уже реальным действиям на избирательном участке. [4]

Безусловно, реальный митинг – это проверенный политический перфоманс. Он заражает массовостью, эмоциональностью, ораторскими способностями и яркими речами лидеров. Уровень сопричастности и включенности в онлайн-митинге для традиционного электората несоизмеримо ниже. Поэтому основным критерием эффективности будет результат волеизъявления граждан на выборах за ту или иную политическую силу. И именно этого критерия нужно придерживаться, планируя различные акции.

Стоит подчеркнуть, что подобные флэшмобы через приложения в телефонах уже проводились в России, например, водителями в разных регионах, начиная с 2011 года. Чаще всего они были спонтанной реакцией на локальные события и носили очаговый и кратковременный характер. Но именно 2020 год в планетарных масштабах режима самоизоляции и карантина перенес людей в цифровое пространство и обострил восприятие происходящего. Новые обстоятельства жизни рождают и новые формы акций, в том числе, и в положительном ключе. Примером могут являться акции поддержки врачей и учителей, которые оказались на передовой в это непростое время. Поэтому власти необходимо брать на вооружение новые приемы и технологии работы с молодыми и зрелыми гражданами-избирателями, для которых гаджет стал составной частью их повседневной жизни.

Литература:

1. Митинги протеста охватили Россию. Акции проходят онлайн // <https://www.rosbalt.ru/like/2020/04/20/1839391.html>
2. Петербуржцы собрались на виртуальный митинг у Смольного // <https://www.rosbalt.ru/piter/2020/04/20/1839370.html>
3. Хинштейн сообщил, что в Госдуме пока не рассматривают регулирование "онлайн-митингов" // <https://tass.ru/politika/8311515>
4. Онлайн-митинги: что это было и куда может привести? // <https://www.bfm.ru/news/441953>

Подшибякина Татьяна Александровна,
к.полит.н., доцент кафедры
теоретической и прикладной политологии,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)

КОГНИТИВНАЯ ПОЛИТИКА: СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРОС НА ИССЛЕДОВАНИЕ

Сознание человека остается непознанным феноменом в междисциплинарном поле когнитивных наук, и исследовательский интерес в научном сообществе к этой проблематике не только не ослабевает, но и постоянно растет, откликаясь на социальный запрос, связанный с обеспокоенностью возможностями манипулирования общественным сознанием. Власть также поощряет исследования в области новых технологий управления в эпоху информационного общества, раздражаясь утратой ресурсов прямого административного управления и ища технологии оказания более тонкого воздействия на своих подданных. А ученые ищут истину, и кто воспользуется их теоретическими наработками – открытый вопрос, на чаше весов колеблются, с одной стороны, новые перспективные формы управления XXI века, с другой стороны, изощренные технологии манипулирования когнитивными способностями человека.

Джордж Лакофф считает, что одним из самых перспективных направлений в когнитивистике может стать разработка концепта «когнитивной политики». «Когнитивная политика – это фреймовая кампания, которая предшествует конкретной материальной политике. Она вводит моральные фреймы. Это большая ошибка думать, что фрейминг существует только для того, чтобы продавать уже существующие политики. Вся материальная политика основана, явно или неявно, на предшествующих морально обоснованных фреймах... Фрейминг предшествует политике. И благодаря этому материальная политика может создать когнитивную политику – способ обрамления реальности, чтобы выявить глубокую истину и изменить мозг, чтобы распознать эту истину» [1,170]. В идеологическом аспекте когнитивная политика понимается как внедрение идей в публичный дискурс с целью изменения сознания миллионов людей.

Если рассматривать обоснование концепта «когнитивной политики» в значении строго исследовательской задачи, то следует выделить как особое условие «дано»: «мыслительные процессы большей частью протекают бессознательно». Существует проблема валидации методов исследования бессознательных материй Разума человека. К методам, нашедшим широкое признание в научном сообществе в качестве инструментов исследования бессознательного, относят теорию когнитивной метафоры Джорджа Лакоффа и теорию «Основ нарративной политики» (Narrative Policy Framework), предлагаемую рядом авторов. Одной из самых популярных в современной лингвистической когнитивистике является теория воплощенного познания (Ф. Варела, Э. Томсон, Э.Рош), учитывающая роль тела и мозга в когнитивных

процессах, пришедшая на смену теории познания как манипулирования бестелесными символами – представлениями о внешней реальности.

Теория воплощенного познания нашла свое выражение и в теории концептуальной метафоры Джорджа Лакоффа, согласно которой именно концептуальные метафоры структурируют ментальность и являются отражением социального опыта [2]. Джордж Лакофф утверждает, что «бессознательное мышление, как его определяют когнитивные науки, не имеет ничего общего с фрейдовским понятием бессознательного. В когнитивной науке подсознание просто обозначает все части нашего мышления, которые мы не замечаем, не осознаем и не можем контролировать» [3, 13]. Джордж Лакофф, впервые применив возможности когнитивной науки к изучению идеологий, проанализировав мировоззрение американских либералов и консерваторов как феномен бессознательного, пришел к выводу, что мы думаем и говорим слишком быстро и на слишком глубоком уровне, чтобы осознавать и контролировать все, что мы думаем и говорим. Еще меньше мы осознаем составляющие мысли – концепции. Концептуальная метафора – это традиционный способ концептуализации одной области опыта с точки зрения другой, зачастую бессознательный [4].

Джордж Лакофф в рамках своей теории когнитивной метафоры утверждает: «Все вещи в мире, о которых мы рассуждаем – действия, объекты, эмоции, политические вопросы ... могут быть истолкованы в терминах не только одной, но и многих других исходных областей. Однако эти различные исходные домены никогда не используются одновременно. Скорее, наш разум должен выбирать один из них... этот «выбор» обычно совершенно бессознателен» [3, 24]. Повлиять на выбор можно только, если в публичном дискурсе будут повторяться одни и те же метафоры, постепенно связывая в сознании выбор с собственным опытом. Когда в публичной политике постоянно используется одна и та же метафора, тогда она становится основным способом восприятия действительности.

Другим методом, который может помочь проникнуть на уровень бессознательного, является нарративный анализ, его алгоритмы различны, но так или иначе формой изложения должна стать некая история, рассказанная от своего имени или от имени предложенного героя, а может быть даже вымышленного персонажа. Одной из самых перспективных, активно набирающей сторонников в научном мире, является теория «Основ нарративной политики» (Narrative Policy Framework).

Майкл Джонс, один из разработчиков теории, анализируя весь период развития «Narrative Policy Framework» со времени первой публикации по теме в выпуске журнала «Policy Studies Journal» за 2010 и ставя вопрос о расширении рамок исследования, отмечает продуктивное слияние NPF с другими теориями, уточнение концепций, усложнение методологии и расширяющийся список областей политики, к которым теория применима. В качестве новых рубежей исследования, учитывая

имеющиеся пробелы в накопленном знании, им предложены уточнение теории стратегии, лучшее понимание пересечения теории фрейминга и NPF и необходимость прямого обращения к различным политическим контекстам [5].

Келли Киркпатрик и Джеймс Стоутенборо обращают внимание на недостаточную проработку теории политических стратегий в рамках NPF на микроуровне, или индивидуальном уровне, в отличие от хорошо проработанного макро- и мезоуровня. Развитие исследований в данном направлении поможет прояснить ситуацию с индивидуальным выбором политиков в пользу той или иной стратегии нарратива, например, при помощи интеграции теории Third-Person Effect (TPE), или эффекта третьего лица [6]. Мелисса Мерри также в качестве приоритетного для исследования выбирает микроуровень, фокусирующийся на индивидуальном восприятии политических нарративов и той роли, которую политические персонажи играют, вызывая различные эмоциональные реакции, в отличие от мезоуровня, где доминируют группы и коалиции со своими нарративными стратегиями. Автор рассматривает NPF как основу для изучения влияния фреймов на политический процесс и формирование общественного мнения. Фрейминг в широком значении это то, как люди говорят о проблемах политики – термины, которые они используют для описания проблем, аспекты проблем, которые они выделяют или преуменьшают [7].

Наиболее близкой содержательно к концепции «когнитивной политики», предлагаемой Джорджем Лакоффом, является концепция стратегических нарративов. Концепция стратегических нарративов, которую разработали британские ученые Алистер Мискиммон, Бен О'Лоулин и Лаура Розелле для анализа влияния акторов на пользователей Интернета с помощью новых медиа, позволяет выделить два дискурсивных уровня взаимодействия ее участников: уровень свободной коммуникации и коммуникативного целенаправленного воздействия стратегических игроков [8]. В развитие идей Майкла Фридена, используя эту концепцию, можно описать технологию проникновения идеологических концептов в поле публичной политики посредством манипулирования идеологическими установками.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что исследователями когнитивной политики и нарративных стратегий сделан только первый шаг в освоении этой области политической практики. Теоретического задела и методологических разработок достаточно для того, чтобы двигаться в направлении самого сложного вида эмпирического знания: исследования Разума как гиперсети мозга во взаимосвязи когнитивными политическими процессами.

Литература:

1. Lakoff G. The political mind: A cognitive scientist's guide to your brain and its politics. – Penguin, 2008.
2. Lakoff G. Explaining embodied cognition results //Topics in cognitive science. – 2012. – Vol. 4. – №. 4. – P. 773-785.
3. Lakoff G., Wehling E. Your brain's politics: How the science of mind explains the political divide. – Andrews UK Limited, 2016. – Vol. 59.
4. Lakoff G. Moral politics: How liberals and conservatives think. – University of Chicago Press, 2010.
5. Jones M. D. Advancing the narrative policy framework? The Musings of a potentially unreliable narrator //Policy Studies Journal. – 2018. – Vol. 46. – №. 4. – P. 724-746.
6. Kirkpatrick K. J., Stoutenborough J. W. Strategy, narratives, and reading the public: Developing a micro-level theory of political strategies within the narrative policy framework //Policy Studies Journal. – 2018. – Vol. 46. – №. 4. – P. 949-977.
7. Merry M. K. Narrative strategies in the gun policy debate: Exploring proximity and social construction //Policy Studies Journal. – 2018. – Vol. 46. – №. 4. – P. 747-770.
8. Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic narrative: A new means to understand soft power // Media, war & conflict. – 2014. – Vol. 7, N 1. – P. 70–84. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>

Карпенко Александр Александрович,

Учитель истории, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение

«Основная общеобразовательная школа № 19 поселка Крутого»

(г. Тихорецк, Краснодарский край)

ЭТНОПЕДАГОГИКА В РОССИИ. КОНЦЕПТ «ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА»

В автореферате диссертации этнопедагогика рассматривается как междисциплинарная отрасль гуманитарного знания, изучающая народную культуру и народную педагогику для использования в современном воспитании и обучении прогрессивного потенциала народного воспитания, а так же с целью совершенствования государственной образовательной политики [1, с.18]. Объектом изучения данной дисциплины является народная культура и народная педагогика, а предметом традиционное народное воспитание в широком социально-педагогическом смысле. При этом традиционное народное воспитание имеет два компонента – «инварианты воспитания», что присуще многим народам и «этническое воспитание», что уникально и самобытно для конкретного этноса (этническая культура, этническое самосознание, национальный менталитет) [1, с.28-29].

Исходя из междисциплинарного характера, центральными вопросами этнопедагогики становятся: родной язык не только как инструмент передачи знаний и опыта культуры этноса, но и как «хранилище» этих знаний, способ сохранения этноса; традиции, обычаи, ритуалы и праздники как инструмент формирования этнической и национальной идентичности, через передачу конкретных социальных практик; историческая память, устанавливающая преемственность поколений, через представление об общей «судьбе» народа. Именно через эти элементы осуществляется приобщение детей и молодежи к культуре этноса и нации. Проблема заключается в том, чтобы гармонично совместить региональные культуры, общероссийскую и мировую.

В процессе историко-педагогического анализа Г.В. Нездемковская выделила основные этапы генезиса отечественной этнопедагогики. В результате были определены для каждого этапа источники этнопедагогических знаний, ведущие идеи и цели воспитания с древнейших времен до начала XXI века.

Значимость разработки теоретико-методологических и концептуальных основ этнопедагогики определяется несколькими факторами. Во-первых, по мнению автора, негативные проявления глобализации, которые приводят к стиранию языковых, идеологических, политических барьеров, однородности и выравниванию многообразия культур, негативно сказываются на самобытных национальных культурах. Как утверждает Г.В. Нездемковская: «Забвение, разрушение, а иногда и отказ от своих исконных, закреплённых вековой традицией культурных оснований в пользу общекультурных ведет к утрате культуры отдельных народов... в российском обществе наблюдается ослабление роли традиций, потеря традиционных духовных ценностей, что приводит к социальной разбалансировке, лишает социум его исторической перспективы и, в конечном счете, может привести к распаду и гибели государства как поликультурного образования» [1, с.3]. Для решения этой проблемы предлагается формирование единых духовных ценностей, культуры межнационального общения с целью консолидации полиэтничного российского общества. Такими базовыми ценностями являются: человек, здоровье, природа, милосердие, труд, любовь к отечеству, семья, дети и др..

Во-вторых, национальное образование один из важнейших институтов трансляции культуры этнической, национальной, формирования национального самосознания, менталитета и идентичности. Поэтому внедрение компонентов этнопедагогики в государственную образовательную политику позволит оказать положительное влияние на формирование духовных ценностей детей и молодежи, способствовать пробуждению национального самосознания школьников. Приобщит подрастающее поколение к родной, национальной и мировой культуре. Будет способствовать формированию чувства гордости, любви к большой и малой Родине, чувству патриотизма, культуры межнационального общения и интеграции в поликультурное пространство России [1, с.34]. В-третьих, реализация принципов этнопедагогики позволит преодолеть бездуховность

некоторой части молодежи, оторванность от родной культуры и языка, проблему нетерпимости к людям других национальностей и культуры. Исходя из этого, результаты, полученные этнопедагогикой, представляют значимость для российских педагогов [1, с.27].

Однако стоит отметить ряд дискуссионных моментов, на основе которых автор делает весьма тенденциозные выводы. Во-первых, взгляд на глобализацию как разрушителя традиционных и самобытных национальных культур выглядит односторонним и не учитывает оборотной стороны этого процесса. Глобализация всегда связана с локализацией, которая приводит к ренессансу традиционных и самобытных культур, повышенному интересу к ним [2, с.81-93]. При этом Г.В. Нездемковская негативно оценивает универсализацию, осуществляемую в ходе глобализации, предлагает создание единых духовных ценностей для консолидации полиэтничного российского общества, что парадоксально. Во-вторых, объективность содержания этнопедагогики вызывает сомнения. Сама этничность конструируется в процессе социальной деятельности людей и не является чем-то изначально данным. С.Г. Кара-мурза пишет: «Этнос – искусственное образование, результат целенаправленной деятельности людей на всех уровнях общества. Те культурные черты, которые используются в качестве этнических символов для сплочения общности и различения ее с «чужими» (этнические маркёры), сознательно отбираются из культуры. Им придается смысл знаков принадлежности к этносу и этнической солидарности, при этом что-то отсеивается и забывается, а что-то принимается общественным сознанием и даже приобретает священный смысл» [3]. «Изобретается» этничность писателями, учеными, политиками. А этническое самосознание связано с вопросами баланса власти – материальной, политической и символической. И актуализируется в ходе борьбы за власть. С целью этнической мобилизации осуществляется формирование этноцентристских версий прошлого [3, 4, 5]. Результаты исследований социальной истории имперской России демонстрируют факт изменения ментальности населения даже в рамках непродолжительного исторического периода [6]. Значит любое содержание понятий этнической и национальной культуры, этнического и национального самосознания, этнического воспитания, этнопедагогических знаний зависят от политической конъюнктуры и необъективно. В-третьих, автор утверждает, что забвение «вековых» традиций может привести к гибели и распаду государства как поликультурного образования. Эрик Хобсбаум показал, что традиции, кажущиеся старыми или претендующие на такой статус, часто оказываются «изобретенными». Специфика таких традиций, нередко, заключается в фиктивной связи с историческим прошлым [7]. «Изобретение» традиций на примере шотландских символов показал Э. Гидденс [8]. Поэтому не может быть и речи о «вековых» традициях народов, которые «естественны» и имманентно им присущи. В-четвертых, связь этнопедагогики и государственной власти может способствовать формированию и воспроизводству принципов имперской политики как

нормы политической, экономической, культурной жизни. Имперская политика культивирует идею о цивилизаторской миссии государства в России; имперский вариант такой миссии подразумевал деление наций на «передовые» и «отсталые»; покоренным обществам предстояло модернизироваться, современным считалось то, что укладывалось в понятия «христианский» и «европейский»; идея культурной однородности была присуща царским генералам и революционерам [9, с.160-181].

Таким образом, содержание этнопедагогики остается дискуссионным, поскольку этничность конструируется, традиции «изобретаются», а этническое самосознание связано с вопросом распределения власти в полиэтничном государстве. Связь этнопедагогики и государственной власти представляет частый случай концепта «идеологической педагогики», который есть связь элементов: государство – идеология¹ – педагогика – личность ученика. В таком контексте педагогика превращается в службу государственной машины, формируя портрет «удобной» личности и «правильной» нравственности, с целью сохранения и воспроизводства сложившегося распределения власти. Образование выступает в качестве основного инструмента научения «правильной» нравственности. Идея не нова. О «правильном» идеологическом просвещении населения и контроле государством образования, писал граф С.С. Уваров. Публичное пространство, контролируемое властью с помощью «умственных плотин». Необходимость учить всех без исключения, но без дальнейшего наделяния политическими и социальными правами. Народное просвещение Уваров ставил в основание государственной политики, предполагая достичь культурного расцвета без революционной «заразы» [10, с.275-290]. Таковы идеи министра народного просвещения первой половины XIX века.

Из чего следует, во-первых, концепт «идеологической педагогики» историчен и требует конкретизации применительно к каждой исторической эпохе, в частности в истории России. Во-вторых, любые концепты философии образования, педагогические идеи, образовательные программы следует рассматривать через призму связи власти и науки, «идеологическая педагогика» только частный случай такой связи. Доминирующая роль государственной власти в России в организации науки и образования, а также ее влияния на их содержание уже отмечены коллективом авторов [11].

Для описания концепта идеологической педагогики необходимо ответить на ряд вопросов. Кто принимает участие в определении содержания педагогических идей и образовательных программ? Как и на основе каких

---

¹«...политическая идеология понимается как система аксиоматических социальных репрезентаций, разделяемых членами данного сообщества и определяющих их аттитудные кластеры (Т.А. Ван Дейк). Аксиоматический характер этим репрезентациям придает такое свойство идеологий, как «деконтекстуализация» (деполемизация, лишение спорности) значений ключевых идеологических концептов, которая достигается посредством структурной («морфологической») конфигурации этих концептов (М. Фриден)» [Тушаев А.В. Идеологическое государство как предмет концептуального анализа: автореф. дис. Ростов-на-Дону на канн. полит. наук. Южный Федеральный университет. Ростов-на-Дону. 2019. <http://hub.sfedu.ru/diss/announcements/council/10/>].

критериев происходит отбор базовых ценностей («правильной» нравственности)? Какие ценности при этом игнорируются или отодвигаются на второстепенные роли? Какова степень автономии образовательных организаций в выработке собственной программы воспитания? Какова степень автономии педагога, учителя в образовательном процессе? Свободен ли педагог, учитель в своих суждениях? Каков портрет самого педагога, учителя? Каковы формы взаимодействия власти – науки – образования?

Не претендуя на исчерпанность ответов, определим возможные контуры исследования.

Патриотическое воспитание молодежи является одним из основных направлений государственной образовательной политики [12], что так же было закреплено в статье 67.1 пункте 4 настоящей Конституции РФ [13]. Воспитание патриотизма приобретает формы: уроков мужества, военно-патриотических месячников, волонтерского движения, организация военно-патриотических клубов, всероссийских акций и т.д. Патриотизм пропагандируется в качестве одной из базовых, конституирующих ценностей российского общества. Почему патриотизм? Патриотизм – это особое, иррациональное отношение индивида к определенной территории, связанное с фактом рождения или закрепления его в рамках определенных территориальных границ. Иррациональное отношение выражается в форме преданности, верности, гордости, любви к данной территории. Например, Конституция РФ гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [13]. Попутно заметим, что не идет речи о памяти позорных моментов, как в защите Отечества, так и в истории государства в целом. Значит, патриот ради сохранения привлекательного имиджа своего Отечества, стирает различия между истиной факта и истиной мнения [14, с.5-40], превращая первые в последние. Происходит замалчивание, игнорирование «неудобных» фактов. Вольное обращение с фактами порождает ложь. А патриотизм утверждает ложь в качестве нормы политической, экономической, духовной и социальной жизни.

В условиях войны реализация принципа верности Родине предполагает: дезинформацию, обман противника, диверсии, защиту Отечества за его пределами, обесценивание человеческой жизни (жертва ради спасения Родины), убийство. Право объявления войны классическая прерогатива государства [15, с.191], граждане не принимают в этом никакого участия. Следовательно, умереть или не умереть за Родину решает государство. Любые формы сотрудничества с врагом признаются коллаборацией, моральность и легальность самого правительства игнорируется. Государство обладает правом, и прежде всего юридическим, на разграничение граждан на коллаборантов и «истинных» патриотов, при этом вне зависимости от легитимности политической системы. Легитимность каждой политической системы дискуссионна [16, с.159]. Таким образом,

правительство подменяет собой Отечество, Родину и формирует верность и любовь к себе.

Программа патриотического воспитания граждан РФ во Введении конкретизирует, что означает патриотическое воспитание: «...чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [12]. Отсюда следует, что чувство верности Отечеству является конституционной обязанностью гражданина и подпадает уже под юрисдикцию права, а не морали. Поэтому одним из свойств патриотизма является принуждение. Выбор быть или не быть патриотом ложный. Гражданин не обладает таким выбором.

Воспитание патриотизма как ценности, которым должен обладать гражданин, осуществлялось как в СССР, так и в современной России [17, с.105]. На основании этого сформулируем рабочую гипотезу: патриотизм верный слуга любого политического режима и уживается с любой политической идеологией. Тогда патриотизм не может выступать в качестве основы для оценивания деятельности государственного аппарата. Поскольку любой произвол власть имущих можно оправдать защитой национальных интересов. Патриотизм нивелирует рефлексивное восприятие власти и социальных институтов.

Таким образом, патриотизм утверждает ложь как норму политической, экономической, духовной, социальной жизни и является врагом истины. Одно из свойств патриотизма принуждение, что выражается в необходимости жертвовать за Отечество, обесценивает человеческую жизнь, формирует преданность к правительству, нивелирует рефлексивное восприятие власти и социальных институтов. Попутно стоит заметить, что и само Отечество изобретается властью [18]. Верный слуга любой политической системы и уживается с любой идеологией. Исходя из этого, структуру идеологической педагогики можно представить состоящую из общих концептов, частных и особенных.

Любые виды патриотизма и формы его реализации, исходящие от государства, должны восприниматься как подозрительные и дискуссионные. Поскольку направлены на воспитание верности и преданности господствующим кликам. Однако ни одно образовательное учреждение в России не отказалось от патриотического воспитания или поставила под сомнение патриотизм как базовую ценность гражданина. Следовательно, большинство педагогов мыслят шаблонами, формулируемыми государственной властью. Поэтому для выработки дистанции в отношении государственной образовательной политики и различных концепций воспитания, предлагаемых «ученой службой» предлагается конструировать свой собственный терминологический аппарат. Свой собственный язык для конструирования реальности [14, с.129]. Идеологическая педагогика – это попытка реализации данного принципа.

Существует ли тогда «истинный патриотизм»? Любой ответ на такой вопрос будет дискуссионным. Но стоит заметить, что существуют другие подходы к определению патриотизма и его основных категорий, в которых он выражается, позволяющие выработать дистанцию к официально пропагандируемому патриотизму. Так, например Л.Н. Толстой развивал альтернативный подход к патриотизму, определяя его как чувство дурное и вредное, причиняющее много бедствий. Патриотизм порождает чувство превосходства собственного народа и государства, разжигает ненависть к другим народам, оправдывает насилие и грабеж других народов. Исходя из чего выгоден государству, поскольку легитимизирует экспансионистскую политику. Чиновник и военный главные выгодоприобретатели патриотизма [19, с.425-444]. С.С. Беляков писал: «Русский крестьянин где-нибудь на Вологодчине, который не видел других стран, других земель, других народов, не имеет особых причин любить свой народ. Но в чужом окружении, на чужбине, среди чужих и уже поэтому непонятных, неприятных ему людей он станет настоящим патриотом своего Отечества, поймет и оценит, как прекрасна его Родина» [20, с.135]. Значит основа патриотизма – не любовь к своему народу или земле, а ксенофобия.

Качество человеческого капитала имеет первостепенное значение в педагогике и образовательном процессе. Что отсылает к вопросу о портрете педагога, учителя, а в более широком смысле к вопросу об интеллигенции. Иванов-Разумник проводил четкую дефиницию между интеллигенцией и мещанством. Интеллигенция, по мнению автора, характеризуется творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности [21, с.12]. Индивидуализм и борьба с мещанством главное содержание истории русской интеллигенции [с.18]. Этическая сущность мещанства заключалась в узости, безличности, плоскости, «быть как все», «сплоченная посредственность» [там же, с.17-18].

А.В. Лубский выделяет интеллектуальные типажи: 1) «критический интеллектуал», дистанцирующийся от власти, ставящий правомерность и полезность ее действий под сомнение; 2) «органический интеллектуал», ангажированный властью, вырабатывающий ценности для ее легитимации [14, с.175]. Кого в современной России в педагогическом сообществе больше? Представителей интеллигенции, творческих и стремящихся к индивидуальной свободе или мещан, стремящихся «быть как все»? Интеллектуалов «критического» или «органического» типа? От этого зависит степень воплощения идеологической педагогики в реальности.

Выводы. Идеологическая педагогика – это связь государства – идеологии – педагогика (образования в частности) – личности ученика. Форма такой связи и реализации исторична. Различные политические системы могут использовать одинаковые базовые ценности в качестве идеологической основы образовательного процесса. Значит, идеологическая педагогика имеет структуру: общее, частное и особенное. Патриотизм –

базовая ценность, уживающаяся с любой идеологией и политическим режимом. Любые формы патриотизма, пропагандируемые государством, направлены на формирование верности и любви господствующим кликам. Патриотизм враг истины. Нивелирует рефлексию по отношению к власти и социальным институтам. Одним из свойств патриотизма является принуждение. Выбор быть патриотом или нет мнимый. Основа патриотизма ксенофобия. Главными выгодоприобретателями патриотизма являются фигуры чиновника и военного.

Литература:

1. Нездемковская Г.В. Генезис этнопедагогики в России: автореф. дис. Москва д-ра пед. наук. «Институт психолого-педагогических проблем детства» Российской академии образования. Москва. 2012.
2. Бек У. Что такое глобализация?/Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая редакция и послесл. А. Филлипова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – с.304
3. Кара-Мурза С. Г. «Теория и практика конструирования народов». – Доступно: <https://web.archive.org/web/20090712031641/http://www.contrtv.ru/common/1995>. – Проверено: 25.10.2020.
4. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.
5. Шнирельман В. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика. – Доступно: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/schnir_nac_simv.php. – Проверено: 25.10.2020.
6. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): В 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: «Дмитрий Булаин».
7. Хобсбаум Э. Изобретение традиций. – Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy>. – Проверено: 25.10.2020.
8. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2004.
9. Макаренко В. П. Насилие и политическая бюрократия: монография / В. П. Макаренко; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018.
10. «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.
11. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Коллект. Монография/ Ред.-составитель Э.И. Колчинский. СПб., издат. Дмитрий Булаин, 2003. (в соавт.)
12. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 N 1493 (ред. от 30.03.2020) "О государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы". – Доступно:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192149/8934f282d7a8444f6d660f819f372f9c3a11e247/. – Проверено: 25.10.2020.

13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Доступно: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/. – Проверено: 25.10.2020.

14. Интеллектуальная тревога: проблема лжи и цинизма в политике: коллективная монография/ Отв. редактор В.П. Макаренко; Южный Федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного Федерального университета, 2015. – 270 с.

15. Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.

16. Макаренко В. П. Политическая концептология: обзор повестки дня. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.

17. Карпенко А.А. Муштра государевых лакеев // Политическая концептология. – 2014. - №4. – С. 104-110.

18. Будницкий О.В. Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941-1945 годов. – Доступно: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/zch14bnwi4/direct/95821964>. – Проверено: 25.10.2020.

19. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 90, Государственное Издательство Художественной Литературы, Москва. – 1958.

20. Беляков С.С. Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой/ С. С. Беляков – «Издательство АСТ», 2020 – (Русские и украинцы от Гоголя до Булгакова)

21. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в рус. лит. и жизни XIX в.: В 2 т. / Иванов-Разумник. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – Т. 1. 3-ье изд., дополненное.

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Секция № 1. «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТИ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

*Попова Арина Константиновна,
студент, Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва)*

ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

С развитием современного демократического государства у индивидов появлялось больше источников проявления гражданской позиции. Возможность выбора породила противоречивые тенденции в постиндустриальных обществах. Сегодня активизация политического участия сосуществует с абсентеизмом. Люди осознали, что общественно-политическая жизнь страны оказывает непосредственное влияние на уровень их свободы, благосостояния, определяет условия существования. Но вопрос доверия правящей элите и конформизм привели к развитию неконвенциональных типов политического участия.

Уверенность индивидов в действующей власти – смысловая основа, протоматерия политики. Отсутствие диалога, столкновения элиты и контрэлиты создают условия для возникновения силовых акций снизу и диктатуры сверху. Подобный противоречивый процесс поставил под вопрос уместность политической активность.

Р. Инглхарт разработал концепцию «постматериальных ценностей» как мотивационную основу политического участия в современном обществе. Социолог подробно изучил влияние ценностей на социокультурную жизнь индивидов [1, 170 – 172]. Исследования проводились в государствах с различными политическими режимами и уровнями экономического развития. Р. Инглхарту удалось сформировать две основные категории ценностей: выживания/самовыражения и традиционные/секулярно-рациональные.

Подобный анализ позволил сформулировать иерархию потребностей, которая определяет политическое участие в постиндустриальном мире. В государствах, где люди пытаются выжить (Азия и Африка) проявляется несоблюдение прав и свобод личности, ксенофобия, покорность авторитаризму. В странах с ценностями самовыражения (Западная Европа) политическое участие основано на стремлении к свободе, отстаивании прав личности и действиях в интересах национальных экономик.

Политическое участие в государствах с традиционными ценностями отличается почтением к правящей элите, конформизмом, подавлением

социального недовольства (США, Индия, Латинская Америка). В странах с секулярно-рациональными ценностями проявляется рациональное поведение индивидов, стремление к достижению личного успеха, незначительная роль религии (Германия, Норвегия, Дания). Россия, по мнению Р. Инглхарта, занимает промежуточное положение: выделяются черты, как рационального поведения, так и стремления к выживанию.

Важным фактором, определяющим современные тенденции политического участия, является процесс глобализации. Стремление к расширению транснациональной торговли и сотрудничества, совершенствование коммуникаций, урбанизация, международное разделение труда способствовали увеличению роли экономики как приоритетной сферы общественной жизни. Политическое участие основывается на экономической выгоде не только отдельных субъектов политики, но и политических элит.

Процесс модернизации тесно связан с развитием идеологии либерализма третьего поколения. Установление режимов «молодых демократий» усилило Западное политическое влияние либеральных ценностей на политические процессы [2, 303]. Государство рассматривается как контролирующий орган, а его функции ограничены задачами, с которыми не справляется частный сектор. Политическое участие ориентируется на либеральные ценности. Индивиды стремятся к защите человеческого достоинства и отстаивают личную автономию.

С либеральными тенденциями сосуществуют усиливающиеся перспективы авторитаризма. Подобный процесс можно объяснить появлением политических форм защиты национальных ценностей, противоречащих либеральной традиции. Вследствие этого происходит конфликт с Западной моделью модернизации. Политическое участие в авторитарных государствах отличается покорностью централизованной власти. Подавление оппозиционных сил приводит к развитию неконвенциональных типов политического участия.

Процесс модернизации значительно расширяет альтернативные способы политического участия, в связи с чем субъекты политики находятся перед вынужденным выбором. Следовательно, индивидам приходится ранжировать различные возможности в поисках наиболее эффективных и приемлемых.

Таким образом, можно сделать вывод, что тенденции политического участия в современных государствах носят противоречивый характер. Конфликт ценностных ориентиров, процесс глобализации и модернизации, противоречия демократии и авторитаризма привели к сосуществованию конвенциональных и неконвенциональных типов политического участия.

Литература:

1. Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010.

2. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов / - М.: Аспект Пресс, 2006.

3. Афанасьев М. Пять причин голосовать против всех партий // Журнал «Эксперт». 2003. №34 (387). [сайт] URL: http://expert.ru/expert/2003/34/34ex-parties_31654/ (дата обращения: 28.02.2020)

4. Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования / С.В. Патрушев // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 6.

5. Рябухина Ю. Н. Система факторов политического участия молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-faktorov-politicheskogo-uchastiya-molodyozhi/viewer> (Дата обращения: 15.03.2020)

6. Филиппова Л. Е. Институциональное включение/исключение // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М.: Рос. акад. полит. наук (РАПН) ; Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2011.

*Акимочкина Мария Сергеевна,
аспирант, Факультет политологии, Санкт-Петербургский
государственный университет (г. Санкт-Петербург)*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛАСТИ И ПОЛИТИКИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Попытка освобождения философского дискурса от сопровождающих идеологических ассоциаций стала важнейшим требованием политической теории второй половины XX века. Однако оказалось, что отделить политико-философский дискурс даже в самом чистом виде от идеологической составляющей затруднительно, поскольку идеологизация в этом смысле является «почти неизбежной издержкой практической ориентации политической теории на анализ функционирования современных либеральных институтов» [1, 162].

Подводя итоги двадцатилетия журнала «Политические идеологии», созданного в 1996 году, британский политолог М. Фриден отмечал, что в 1990-х годах изучение политических идеологий все еще находилось «на задворках» политической теории и было полностью отвержено некоторыми политическими философами [2, 1]. В университетах учебные курсы по введению в политические идеологии хотя и являются стандартными для образовательных политологических программ, они неизменно включают в себя простой обзор основных ценностей «большой идеологической тройки» - либерализма, консерватизма и социализма, и, в исключительных случаях, национализма, анархизма, экологизма и феминизма. Таким образом, изучение идеологий в академической среде редко продвигалось на более сложный исследовательский уровень.

В конце XX века стало очевидным, что препятствием для развития идеологических исследований, с одной стороны, был эмпирический позитивистский подход к идеологиям как системам убеждений, которые должны быть обязательно зафиксированы и классифицированы, с другой стороны, континентальная идеологическая критика (Ideologiekritik). Оба эти подхода фактически занимаются «разоблачением» идеологии с точки зрения дискурсивных искажений и социальных издержек. В условиях «недоверия» к идеологиям в качестве «ложного сознания» и совокупности манипулятивных практик в 1990-е годы развитие и популяризация идеологических исследований происходили с трудом. Даже ставшая очевидной несостоятельность концептов «конца идеологий» и «конца истории» не вызвала бурного роста интереса к идеологической проблематике.

Несмотря на то, что идеология как политический феномен, а не объект критики, интересовала отдельных ученых (политических философов, культурсоциологов, лингвистов и др.), статус идеологических исследований был и остается неопределенным, поскольку теория идеологий не заняла пока определенную нишу в общественных науках.

В первые годы существования журнала «Политические идеологии», когда идеологические исследования начали развиваться в первую очередь как жанр политической теории, они оказались методологически близки ряду концептуальных школ. Одной из них была та, которую условно можно обозначить как школу дискурсного анализа в Эссексе (Э. Лакло, Ш. Муфф и др.). Другое направление – критический дискурс-анализ, сочетающий методы социологии, лингвистики и культурологии (Н. Фэркло, Т. Ван Дейк, Р. Водак и др.). Однако впоследствии очевидным стало стремление журнала дистанцироваться от конкретных интеллектуальных направлений, форсируя тем самым теоретико-методологическое разнообразие в идеологических исследованиях. На протяжении последних десятилетий на платформе журнала были представлены самые разнообразные подходы к идеологии: идеология как артикуляция социальных идентичностей, идеология как искаженное убеждение, идеология как ритуал, идеология как формирование консенсуса, идеология как управление антагонизмами и инакомыслием и т.д. [2, 5-6].

В условиях идеологической фрагментации и быстро меняющейся практики политического дискурса возрастает научный интерес к соотношению личности и политики, и этот возросший интерес неслучайно совпал с новым этапом в исследованиях политических идеологий. Этот этап, который может быть охарактеризован как период «созревания дисциплины» [3, 111], связан со сменой уровня исследования от макро- к микро-анализу. Исследовательским трендом в области идеологического анализа является сдвиг от акцента на формальной и абстрактной политической мысли в направлении признания значимости локального политического мышления как наиболее интересного с точки зрения набора практик, характеризующих политическое сознание в микроструктурах идеологий. Современной

тенденцией в изучении идеологий является как оценка текущих, так и переоценка прошлых идеологических событий и проявлений.

Таким образом, современные идеологические исследования основываются на тезисах, согласно которым, во-первых, идеологии являются неотъемлемой частью дискурсивного ландшафта любого общества, во-вторых, появление идеологии не привязано к конкретному историческому периоду.

Одной из наиболее авторитетных исследовательских стратегий идеологического анализа является морфологический подход, разработанный М. Фриденом и его последователями. Согласно данному подходу так же, как в языке предложения содержат слова в определенной системе взаимозависимости, идеологии содержат связанные между собой специальные слова, такие как свобода, власть, равенство, права, демократия и др. Эти слова означают политические концепции, которые являются основными единицами политической мысли, политической философии и идеологии. Таким образом, идеологии объединяют эти политические концепции в конкретные модели [4, 51]. Идеологии рассматриваются как системы мышления, посредством которых особое значение придается каждому политическому понятию путем легитимизации определенного смысла каждой концепции и делегитимации других. Схема идеологической морфологии у Фридена представлена постоянным оспариванием связи концепций, понятий и идей, составляющих основу идеологии, с точки зрения их приоритетности, близости, пропорциональности.

Такую стратегию идеологического анализа называют морфологической, поскольку в данном случае исследовательский акцент делается на особенностях внутренней структуры идеологий, определяющей ее квинтэссенцию.

Важная характеристика идеологий связана с тем, что они конкурируют за контроль над политическим языком, а также за сценарии государственной политики [5, 73]. В целях оптимизации поддержки политической позиции, потребителям идеологического языка предлагаются такие формулировки, которые достаточно открыты по своему значению, чтобы широкий круг лиц и групп мог отметить в них свои предпочтения, при этом мировоззренческие различия были бы замаскированы. С другой стороны, идеологическая борьба за контроль над языком заключается не только в конкуренции между значениями распространенных политических концепций, но и в том, что она стремится придавать понятиям, которые обычно считаются политическими, аполитичный характер [4, 100].

Тренды идеологических исследований сегодня представлены также в работах представителей Кембриджской школы политического языка (К. Скиннер, Дж. Покок, Дж. Данн и др.), которые развивают исторический метод в политической науке. Фундаментальный тезис данного подхода - политическая мысль соотносится с историческим и иными контекстами,

поэтому не существует принципиальных различий между политической философией и политической идеологией [6, 217].

Разрабатываемый кембриджской школой метод исторической контекстуализации отрицает абстрактное рассмотрение идей политических теоретиков, но настаивает на необходимости анализа функционирования политического мышления для реконструкции реальной картины посредством включения текстов в идеологический контекст конкретного периода [7, 12-13]. Классические тексты не могут быть связаны с нашими вопросами и ответами, а только с их собственными [8, 50].

При этом не только социальная среда обуславливает идеологическую надстройку, связанную с тем, что авторы текстов действуют в рамках политической конъюнктуры, актуализируя те или иные вопросы и превращая их в предмет дискуссии. Интеллектуальный контекст в этой связи является не менее важным, поскольку тексты не создаются в некоем вакууме, а наследуют определенные традиции и установки в отношении, в том числе, социально-политических процессов [7, 10-11]. Понимание проблематики, на которую реагирует автор текста, посредством, в том числе, анализа социально-политических отношений и языковой системы исследуемого общества, помогает исследователю обнаружить авторский замысел текста.

Кембриджская школа предлагает фрактальный и дифференцированный подход к эволюции политического мышления, построенный на осознании определенной степени исторической «самобытности» идеологических парадигм, формирующихся в рамках заданной социокультурной и интеллектуальной почвы, которая обуславливает приспособление универсальных образцов морали и политики к контекстуальным рамкам.

Литература:

1. Гуроров В.А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис, 2001. №1. - С. 157-167.
2. Freedен M. The resurgence of ideology studies: Twenty years of the JPI, Journal of Political Ideologies, 21:1, 2016. P.1-8.
3. Freedен M. Introduction, Journal of Political Ideologies, 22:2, 2017. – P. 111-115.
4. Freedен M. Ideology: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2003. – 142 p.
5. Freedен M. The Political Theory of Political Thinking. The Anatomy of a Practice. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 368 p.
6. Гуроров В.А. Текст и политика: о некоторых особенностях современной интерпретации идеологических дискурсов // SCHOLA. Политическая текстология и история идей. Т.18. Издательство Московского университета, М., 2017. – С. 212-221.
7. Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought, Vol. 1: The Renaissance. - Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – 330 p.

8. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory, Vol. 8, No. 1, 1969. – P. 3-53.

*Марков Сергей Михайлович,
к.филос.н., доцент кафедры Историко-правовых и социально-
экономических дисциплин, Дальневосточный институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Хабаровск)*

ФИЛОСОФСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ЛЮКА ФЕРРИ VS СЕРВИЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ: О ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ

Учебное пособие французского философа и политика Люка Ферри для детей, подростков и их родителей «Apprendre à vivre» («Учиться жить») опубликовано во Франции в 2006 году, на английском языке вышло под названием «A Brief History of Thought: A Philosophical Guide to Living» (2012), что означает «Краткая истории мысли. Философский путеводитель по жизни», в России – «Краткая история мысли. Трактат по философии для подрастающего поколения» в 2018 году. Главная цель трактата – преподавание неакадемической философии, освобождение её от религиозных догматов и авторитарных политических доктрин, пропаганда среди молодёжи атеистической концепции морали через философскую практику.

Современный французский философ, в прошлом министр по делам молодёжи, поставил для себя три задачи: 1) удовлетворить потребность молодого человека в философских идеях без углубленного их изучения, 2) потребность подростков, желающих изучать философские идеи глубже, чем ее преподают в школах и колледжах, 3) осознать свое Я без насилия и революции. В тоже время в своём путеводителе он выступает против догматизма, рутины (шаблонов) сервильности официальной университетской мудрости, фанатизма и религиозной догматики, отдавая предпочтение обучению основам критического мышления.

Сегодня философия стала университетской академической дисциплиной. «В школе, да и в университете, она (философия – прим. С.М.) по большей части стала историей идей, дополненной рефлексивным, критическим или аргументационным рассуждением, или *дискурсом*. В этом смысле она разошлась с древнегреческой мыслью и превратилась в чисто «*дискурсивное*» (то есть относящееся только к рассуждению, а не к практике) *обучение*, которое как раз и *именуется схоластикой*» [1, 52]. Философия разделилась на множество дисциплин, внутри которых история и компендиат заняли доминирующие позиции (в академических часах). В лучшем случае академическая философия принимает форму критики разума (идеалов Просвещения) и мораль (например, биоэтику). Иными словами, философия

превратилась в «технику» дискурса. Из нее выбросили главные темы: бытие (поиск смысла жизни и смерти), любовь к мудрости, учение о спасении (мировоззрение). В результате мы получили академическую философию в духе англо-американского позитивизма (аналитическая философия).

Другой вариант – дискурсивность (дискурс) мировоззрений (терминов). Разумеется, любой дискурс предполагает дискуссию и спор (С.С. Неретина, А.П. Огурцов; 2011), но, позволим себе заметить, в узком кругу профессионалов, а не в практике преподавания философии в размере двух зачётных единиц.

Следует отметить для сравнения, что в российской академической среде, как считает профессор В.П. Макаренко из ЮФУ, обнаруживаются аналогичные феномены, которые ростовский философ называет «концептуальной рутинной» [2, 189] или «трамвайным мышлением». По сути дела, это история философии и схоластики (2, 189), то есть компендиум множества учебников. В результате, по мнению В.П. Макаренко, в академической сфере образовалась «вербализация банальностей» [2, 189] «практикующими гегельянцами». Добавим. Это происходит в центре, а в регионах правят балом «практикующие фейербаховцы» с дипломами дирижёров хорового пения. Именно они становятся «катехонами» официальной мудрости, по меткому выражению профессора В.А. Шнирельмана (Конвент-10 ЮФУ; 2020). Как нам представляется, «катехоны» создают идеальную площадку для воспроизводства сервильной философии.

Для преодоления сложившейся кризиса в университетской мудрости, французский философ видит два возможных варианта современной философии: а) университетская академическая философия (дискурс профессионалов в стиле Гваттари-Делёза) или б) новый гуманизм после осмысления результатов деконструкции идеалов модерна [1, с. 155 – 157]. Сложность этой апории усугубляется тем, что дискурсивный разум в тоталитарных сообществах становится источником лжи и насилия (реферативный вывод из статьи В.П. Макаренко на тему «заговор среди бела дня») [3, 12 – 14].

Как нам представляется, путеводитель Ферри в первую очередь – практика. Философию Ферри делит на три части: 1) теория (метафизика, или онтология, и гносеология), 2) этика – социологическое учение о нравственности, 3) мудрость (*philo + sophia*), точнее, любовь к мудрости (эту часть можно назвать мировоззрением). Исходя из этого деления, он и применяет свою методологию, через которую излагает для детей и подростков философскую практику, или социальное учение о морали. Философия в высшей форме своего развития, считает Ферри, это учение о спасении, основанном на упражнениях разума в а) мудрости, б) этике, в) практике. Для сравнения, атеист, материалист Андре Конт-Спонвиль, также практикующий философ, в «*Petit Traite des grandes la beautitude*» («Краткий трактат о великих добродетелях»), трактует философию как философию

жизни, учение о добродетелях: философия – это этика как учение о морали и нравственности, или о добродетелях, т.е. духовности [4, 12].

В качестве примера разберём урок из путеводителя Л. Ферри, посвященный критическому анализу Просвещения. Это любимый урок Ферри и Конт-Спонвиля. Сначала автор, ссылаясь на Александра Койре, Клода Бернара и статью Эмиля Золя «Экспериментальный роман», обращает внимание, что в модерне коренным образом изменилась картина мира. Это уже не космос древних греков и не космос христиан в центре с Христом. Как считает Ферри, в XVI – XVIII веках происходит коренная ломка (революция) старой картины мира и рождение новой в лоне технического прогресса и экспериментальной науки.

К переосмыслению духовного наследия А. Койре призывает и российский профессор В.П. Макаренко, особо выделяя его характеристику лживости сервильной философии, потому что рабелепствующие концепты сегодня по-прежнему воспроизводят внутриуниверситетскую ложь, но уже с использованием новейших цифровых технологий [3, с. 8].

Люк Ферри объясняет своему ученику суть понимания модерна. Изменилась трактовка человека: он стал пониматься как историко-культурное существо и человек-субъект. Человек-субъект – главный критерий истины, а не Космос или Христос. В этом смысле Декарт является идеологом революции 1789 года (и Декларации). Как верно выразился Алексис де Токвиль, якобинцы – «картезианцы, вышедшие на улицу из своих школ». Для пояснения Ферри использует притчу о современном человеке, ссылаясь на Руссо, а в качестве сравнительного примера приводит роман Джейна Веркора «Люди или животные». Ферри, подробно цитируя «Рассуждения о неравенстве» Руссо, показывает своему ученику, что главное качество человека – это его самосовершенствование через свободную (свобода выбора) деятельность, умственную и эксперимент (в широком смысле – опыт).

Ферри учит, что в жизни, на практике, новая мораль выражается через категорический императив Канта, или *perpetuum mobile* (вечный двигатель нравственности). Ферри заключает: этика Нового времени – меритократическая этика. Но мораль Нового времени оказалась бессильной (беспомощной) перед лицом мирового зла (например, в облике фашизма). В Новое время мораль определяется через выбор добродетели (свободу) – альтернативных вариантов действий, мыслей, поступков в универсальном мире капитала. Меритократия – это интеллектуализация общественной жизни на основе естественных талантах человека. Здесь остается лишь добавить, что термин «меритократия» упоминает Ханна Арендт в «Кризисе образования» (1954), а в художественной литературе Герман Гесс в романе «Игра в бисер» (1943). Ферри считает, что она предлагает новую концепцию добродетели, в отличие от аристократической теории морали, и приходит на смену космологической этики.

Далее французский философ проводит урок по постмодерну. Постмодерн – это деконструкция идиологов (идеологов) Просвещения. Постмодерн начинается с критики убеждений в том, что 1) человек, и даже субъект, является центром всех политических и моральных ценностей; 2) разум является освободительной и «разумной» силой Просвещения. Философия постмодерна оспаривает оба этих постулата, а, значит, она является одновременно критикой и гуманизма, и рационализма. В эпоху постмодерна изменились наши представления о социальной реальности, изменились наши взаимоотношения с властью и формы потребления, возникли новые политические права и действующие лица (мигранты, этнические меньшинства, женщины, молодежь и др.).

Ферри снова обращается на «ты» к читателю: не торопись делать выводы, ибо где-то Ницше и постмодернисты (в том числе Маркс и Фрейд) оказываются правы в своей критике. Надо прямо сказать: философов постмодерна подготовили в школах Просвещения. Их научили воспринимать «критический разум» как инструмент создания новой философии и мировоззрения [1, с. 137].

Ферри учит – это деконструкция идеалов Просвещения, демократии и прогресса. Суть современного мировоззренческого кризиса – это потеря свободной воли в «мире техники» (цифровой цивилизации) и насилия в глобальном масштабе. Философы заявляют, что от воли людей ничего не зависит, так как мир техники (цифровой цивилизации) детерминирован необходимостью.

«Я люблю философию, – говорит учитель Люк Ферри, — и больше всего концепт расширенного (критического) мышления, согласно Ферри, выступающего методологией философии Нового времени и современного гуманизма, т.е. постницшеанского учения о смысле жизни и спасении». Только критическое мышление позволяет преодолеть сервильность, эскапизм и догматизм академической мудрости современных «катехонов», или, как считает В.П. Макаренко, создать «собственный образ философской жизни» [2, 190]. Иными словами, преодолеть кризис «философии на потом» (В.П. Макаренко).

Путеводитель Л. Ферри мы вместе со студентами апробировали через анализ фэнтези для молодёжи и философскую детскую литературу с публикацией результатов в журналах и сборниках научных трудов, прежде всего в международном проекте под руководством профессора К.В. Султанова «Ребёнок в современном мире» под эгидой ЮНЕСКО. В своих исследованиях мы показали, что современная молодежная философская литература, имеет значение в воспитании юного поколения, а христианские «фантастические» ценности становятся нормой поведения для многих молодых людей («божественное» в жизни подростков через художественную литературу) [5, 6, 7].

In hunc modum (таким образом), новое мышление, или современный гуманизм, согласно Ферри, является методологическим основанием

современной социальной этики. Как считает французский философ, это атеистическая любовь к ближнему и Другому, основанная на библейских заповедях (на примере философии Красного креста Анри Дюнана). Как говорит Ферри, любовь – это значит уважение в Другом «Я», то, что мы называем самостью в отличие от его внешних качеств. «Я» – это единичность, но не обособленность, открытая внешнему (универсальному) миру. В этом заключается смысл человеческого существования.

Иными словами, добавим от себя, ферривское учение о спасении – это атеистическое, и как он особо подчеркивает, материалистическое, мировоззрение о человеческом существовании в современном мире. Впрочем, он серьезно против христианства не возражает.

Литература:

1. Ферри Л. Краткая история мысли. Трактат по философии для подрастающего поколения. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 272 с.

2. Макаренко В.П. Философская жизнь и концептуальная рутина // Вопросы философии. 2016. № 1. – С. 188-195

3. Макаренко В.П. Читая Александра Койре: феномен эволюции национальной философии к системе тотальной лжи // Политическая концептология. 2017. № 4. – С. 6-19.

4. Конт-Спонвиль А. Малый трактат о великих добродетелях, или Как пользоваться философией в повседневной жизни / пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна, 2012. – 320 с.

5. Астахова В.В., Марков С.М. Христианские символы в детской литературе, или «божественное» фэнтези в жизни подростков / Проблемные пространства детства: воспитание, образование, культура / гл. ред. К.В. Султанов. СПб.: Астерион, 2018. – С. 244-250.

6. Балахонский В.В., Квашнина Т.В. Марков С.М. Атеизм как новая религия современности: экокультурные узелки детской философии Стивена Лоу / Интернет и цифровое пространство: постматериальные ценности молодежи / гл. ред. К.В. Султанов. СПб.: Астерион, 2018. – С. 247-255.

7. Марков С.М., Сергеева И.Е., Султанов К.В. Центр философии для детей Университета Вашингтона как проводник экологии детства в дополнительном образовании: опыт США и России / Детство: полнота бытия в обществе риска / гл. ред. К.В. Султанов. СПб.: Астерион, 2018. – С. 129-135.

Неверов Кирилл Алексеевич,
к.полит.н., ассистент, кафедра политического управления,

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ АКТОРАМИ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

В ходе апробирования была выявлена проблема, которая сводилась к работоспособности конкурентно-кооперативной модели в зависимости от политического режима. В ранних публикациях [1; 2] учитывались культурные условия среды, тогда как влияние особенностей политического режима на модель не учитывалось, что вызвало закономерный вопрос: насколько применима предлагаемая модель в авторитарных и демократических режимах?

Вопрос исследования сформулирован следующим образом: влияют ли особенности политической системы на работу конкурентно-кооперативной модели, дополненной моделью, учитывающей влияние институциональных и культурных факторов среды?

Наша гипотеза состоит в том, что осуществимость той или иной стратегии будет зависеть от стиля политического режима, поскольку ценности и характеристики принятия публичных решений, присущие конкретному типу режима, будут влиять на первичные отношения участников. Институты определяются режимом, и включают как формальные, так и неформальные «правила игры».

Политический режим включает институциональные и процедурные составляющие политической системы, а также взаимодействие государства с гражданами и функциональные основания государственной власти.

Демократия

Технически власть может осуществляться в различных формах: интерпретации власти варьируются от прямого народного волеизъявления до «демократий с эпитетами». Близким к популярному определению демократии является рассмотрение ее как самоуправления граждан-патриотов, проявляющих свой патриотизм глобально и локально [3, p.V].

Стоит выделить трактовки демократии Чарльз Тилли, Роберта Даля, а также современные трактовки, принимающие во внимание развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Для Тилли определяющими режим как демократический являются такие критерии как политический статус, качество жизни и определение демократии в конкретном случае. Тилли выделил 4 основных типа

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез кааналитическая стратегия»

определений: конституционное, содержательное, процедурное [4, 434] и процессно-ориентированное [5, 7]. Тилли предложил классифицировать режим как демократический при его соответствии следующих правилам:

1. Глава исполнительной власти должен быть избран путем всенародных выборов или органом, который сам был избран всенародно.

2. Законодательный орган должен избираться всенародно.

3. В выборах должно участвовать более одной партии.

4. Смена власти по избирательным правилам, идентичным тем, что привела к власти нынешнего президента, должна была произойти [6, 69].

Тилли также выделяет ряд характеристик демократии: широта, равенство, защита, взаимно обязывающие консультации [5, 14-15].

Роберт Даль предлагает процессуальные критерии демократии: эффективное участие, равенство при голосовании, просвещенное понимание, контроль повестки дня [7, 172], включение взрослых [8, 37-38].

Одним из примеров «демократии с эпитетами» является нелиберальная демократия: она возникает, когда конституционный либерализм порождает демократию, но получившийся демократический режим отличается отсутствием конституционного либерализма [9, 28].

Цифровизация политико-управленческих процессов, ставшая реальной вследствие внедрения информационных и коммуникационных технологий в процессы управления, отразилось на понимании одной из ключевых ценностей демократии - открытости. По отношению к открытым данным выделяют контролируемую демократию, совещательную демократию и демократию участия [10, 46 – 47].

Политические стили определяются следующими переменными: характер политических перемен, централизм, консультация, открытость, конфликтность, совещательность, проявляющиеся в одной из трех степеней (высокой, средней, низкой) [11, 351]

Самым простым пониманием авторитарных режимов является их противопоставление демократическим с присвоением соответствующих черт с приставкой «не-» или антонимы: несправедливость, плохое управление, замкнутость и другие. Менее очевидные характеристики связаны с особенностями избирательного процесса, сменяемости авторитарного лидера, характером элит, отношением к реформам.

Избирательный процесс при диктатурах характеризуется тем, что избиратели не выбирают лидеров на честных выборах [6, 83]. Степень независимости авторитарных выборов варьируется от относительно свободных и справедливых до более ограниченных как по доступности для кандидатов, так и для граждан по свободе выбора кандидатур [12, 404]. Выборы могут принимать характер демократических, когда авторитарному лидеру и элите нужно получить поддержку общества, что отражается в создании номинально демократических институтов [13, 1280]. Вариантом такого вида авторитарного режима является консультативный авторитаризм, который подразумевает большее влияние и участие граждан, чем

«командный авторитаризм», и меньшее влияние и участие, чем настоящий «совещательный авторитаризм» [14, 334].

Элиты крайне важны в авторитарных режимах, обеспечивая поддержку лидера. Авторитарный лидер зависит от поддержки приближенных к нему элит, вплоть до самого физического существования [15, 38]. Зачастую сменяемость власти происходит насильственным путем: ближайшее окружение властной элиты зачастую бывает ответственна за свержение лидера [6, 84]. Авторитарные правители часто создают камерные институты, такие как консультативные советы, хунты и политические бюро, в качестве первой институциональной окопы против угроз со стороны соперников внутри правящей элиты [12, с. 1280].

Открытость данных не характерна для автократий: авторитарные государства предоставляют меньше данных [16, 864], причем автократии со сравнительно большими доходами производят меньше открытых данных [16, с. 865]. Для авторитарных реформ характерен крайне медленный процесс реформ, что отражается в продолжительности существования подобных режимов: например, устойчивость авторитарных режимов на Ближнем Востоке и в Северной Африке, объясняется тенденцией к подавлению реформирования в восходящем направлении [17, с. 144].

Таким образом, демократический режим благоприятствует сетевой модели взаимодействия в силу наличия условий для участия граждан и бизнеса в разработке и реализации государственной политики, тогда как ограничительный характер авторитарных режимов затрудняет построение устойчивых горизонтальных связей и вовлечения гражданского общества и бизнеса в публичную политику в качестве партнеров.

Литература:

1. Неверов К.А. Конкурентно-кооперативная модель и стратегии сотрудничества сетевых акторов // Сборник материалов Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. МПГУ. 2019. С. 267-268.

2. Неверов К.А. Модель отбора стратегий публичной политики в зависимости от институциональных и культурных условий внешней среды // Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2019. С. 131-137.

3. Axtmann, R.: Democracy : Problems and Perspectives. Edinburgh University Press, Edinburgh (2007).

4. Collier, D., Levitsky, S.: Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. World Politics 49(3), 430-451 (1997).

5. Tilly, C.: Democracy. Cambridge University Press, New York (2007).

6. Cheibub, J.A., Gandhi, J., Vreeland, J.R.: Democracy and dictatorship revisited. *Public Choice* 143(1/2), 67-101 (2010).
7. Longoria, R. T.: *Janus Democracy : Transconsistency and the General Will*. SUNY Press, Albany, NY (2018).
8. Dahl, R.A.: *On Democracy*. Yale University Press, New Haven, CT (1998);
9. Zakaria, F.: The Rise of Illiberal Democracy. *Foreign Affairs* 76(6), 22-43 (1997).
10. Ruijter, E., Grimmelikhuijsen, S., Meijer, A.: Open data for democracy: Developing a theoretical framework for open data use. *Government Information Quarterly* 34(1), 45-52 (2017). doi:10.1016/j.giq.2017.01.001.
11. Heidenheimer, A., Hecl, H., Adams, C. *Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe and Japan*. St. Martin Press, New York (1990).
12. Gandhi, J., Lust-Okar, E.: Elections Under Authoritarianism. *The Annual Review of Political Science* 12, 403-422 (2009). doi: 10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434.
13. Gandhi, J., Przeworski, A.: Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. *Comparative Political Studies* 40(11), 1279-1301 (2007).
14. Truex, R.: Consultative Authoritarianism and Its Limits. *Comparative Political Studies* 50(3), 329–361 (2017).
15. Weeks, J.L.: Autocratic Audience Costs: Regime Type and Signaling Resolve. *International Organization* 62(1), 35-64 (2008).
16. Ross, M.: Is Democracy Good for the Poor? *American Journal of Political Science* 50(4), 860-874 (2006).
17. Bellin, E.: The Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Exceptionalism in Comparative Perspective. *Comparative Politics* 36(2), 139-157 (2004).
18. Brubaker, R.: Why populism? *Theory and Society* 46 (5), 357–385 (2017);
19. Levitsky, S., Way, L.: The New Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*, 31(1), 51-65 (2020).
20. Persily, N.: The 2016 U.S. Election: Can Democracy Survive the Internet? *Journal of Democracy* 28(2), 63-76 (2017).
21. Weingast, B.R.: *The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law*. *The American Political Science Review* 91(2), 245-263 (1997).

*Новикова Мария Олеговна,
магистрант, Факультет политологии,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (г. Москва)*

ЛЕГИТИМНОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ «ЦЕНТР-РЕГИОНЫ» В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В процессе развития российской политической системы сформировались современные характеристики отношений «центр-регионы» и российской региональной политики в целом. Эти характеристики обуславливают современные особенности легитимации власти в субъектах РФ и существование определенных противоречий в этом процессе. Чтобы комплексно их проанализировать, необходимо выявить значимые факторы, оказывающие влияние на процесс легитимации.

В первую очередь скажем о федеральных факторах легитимации региональной власти. В настоящее время по-прежнему существенное влияние на данный процесс оказывает высокая степень персонализации власти и ее легитимности в восприятии граждан, которая была подробно описана выше. На уровне легитимности региональной власти сказывается и уровень легитимности президента РФ, и его личная поддержка региональных властей, а именно губернаторов. Отметим также, что эта особенность российской политической культуры распространяется и на уровне субъекта федерации. То есть в массовом сознании легитимность региональной власти сливается с персональной легитимностью губернатора. В связи с этим выборы глав субъектов РФ являются показателем отношения избирателей ко всей региональной власти в целом.

Возвращаясь к федеральным факторам, акцентируем внимание на влиянии общей ситуации в стране на региональную легитимность. Поскольку вследствие выстраивания вертикали региональная власть стала одной из составных частей государственной власти, результаты действий центра транслируются на эффективность власти субъекта. При этом, как пишет Реутов, физическая и символическая дистанция между гражданами и региональной властью меньше, чем с федеральной, поэтому «в региональном политическом пространстве интенсивность процессов легитимации может быть значительно выше, нежели в измерении «общество-Центр» [1]. Соответственно, последствия всевозможных государственных кризисов люди склонны переносить на легитимность региональной власти.

Наиболее ярким в недавнее время проявлением данной проблемы стали результаты выборов глав субъектов федерации в 2018 году. По мнению многих экспертов, протестное голосование в Республике Хакасия, Владимирской области, Приморском и Хабаровском краях было обусловлено не только внутренними проблемами региона, но также непопулярной государственной пенсионной реформой и общим падением рейтингов государственной власти.

Еще одной группой факторов региональной легитимности являются отношения «центр-регионы». Исследователи сходятся во мнении, что к настоящему моменту в России сложилась сильная вертикаль власти. Как пишут эксперты Центра Сулакшина, «Построение административной вертикали привело к установлению более развитого и акцентированного политического и экономического контроля федерального центра над регионами <...> (результатом чего стало – от ред.) понижение статуса

губернаторов, усиление контроля над субъектами РФ, закрепление за федеральным центром доминирующей роли в принятии политических решений» [2].

Современная российская система государственного управления представляет собой иерархизированную структуру, в которой формально региональная исполнительная власть напрямую не подчиняется федеральному центру, но при этом существуют реальные инструменты контроля и влияния [3], как то всевозможные федеральные и национальные проекты и программы, «майские» указы президента, КРІ для губернаторов и так далее, а главное – способность центра проводить свою кадровую политику в отношении губернаторского корпуса. В связи с этим возникает целый ряд проблем и противоречий в процессе легитимации региональной власти. Стремление к максимальной централизации привело к формированию очевидного дисбаланса между различными уровнями власти [4]. Дисбаланс как один из факторов, влияющих на легитимность региональной власти, проявляется себя в различных сферах.

В первую очередь, стоит отметить сложившуюся систему распределения полномочий между центральной и региональной властью в сравнении с системой распределения средств между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов РФ. Центр полностью определяет налогово-бюджетную политику страны, оставляя регионам право незначительных корректировок. Как пишет В.Н. Лексин, «В результате принятой «центром» схемы распределения налогов по уровням бюджетной системы на долю консолидированных бюджетов «периферии» в настоящее время приходится не более 36% доходов». А доля налоговых поступлений в региональные бюджеты составляет лишь 12% от общего объема. Также в последнее время прослеживается тенденция к смещению бюджетных доходов вверх, то есть от муниципалитетов к регионам и от регионов к федеральному бюджету. При этом объем полномочий и соответствующих расходных обязательств регионов таков, что из 85 регионов 72 стабильно получают дотации на выравнивание бюджета.

В результате, как отмечает Лексин, реальной возможностью исполнять свои обязательства обладает только центр. А регионы оказываются в абсолютно зависимом положении. При этом складывается представление, что региональные власти не выполняют свои обязанности ни в количественном, ни в качественном отношении. Очевидно, что в таких условиях региональная власть сталкивается с критическим дефицитом средств собственной легитимации. Эффективность ее работы напрямую зависит от того, какой объем ресурсов предоставит центр.

Как уже было сказано в первой части настоящей работы, особенностью региональной легитимности является ее зависимое положение от центра как от вышестоящего уровня государственной власти. В условиях тотального дефицита бюджетов субъектов РФ данная зависимость становится критичной.

В связи с этим возникает сильнейшее противоречие в процессе легитимации региональной власти. Последняя для обеспечения своей легитимности должна осуществлять полномочия и при том поддерживать необходимый уровень эффективности своей работы по мнению населения, в особенности избирателей. Чтобы достигнуть этого, регионы должны получить необходимые средства от федерального центра. Последний, обладая полным контролем над бюджетно-налоговой политикой, использует этот инструмент для оказания влияния на власть субъекта, то есть требует исполнения своих решений и обеспечения необходимого уровня лояльности к политике центра.

Вследствие совокупного влияния данных факторов, а также особенностей современного этапа отношений «центр-регионы» можно выявить существование значительного противоречия и одновременно проблемы легитимации государственной власти в субъектах Российской Федерации. Данное противоречие основано на одновременной зависимости российских региональных властей от двух политических сил: избирателей, с одной стороны, и вышестоящего федерального уровня власти, с другой. Несмотря на выборность губернаторов в РФ, федеральные власти обладают реальной возможностью влиять на состав губернаторского корпуса посредством отставок и назначений. В результате стабильное положение региональной власти требует реализации интересов этих обеих сторон, которые нередко не согласуются друг с другом. При этом потеря поддержки избирателей грозит поражением на выборах, а поддержки федеральной власти – отстранением от должности. В институциональном плане эта особенность нашла отражение в сосуществовании двух равнозначных статусов глав регионов – избранных губернаторов и временно исполняющих обязанности (ВРИО) губернатора.

С 2016 года прослеживается тенденция на обновление губернаторского корпуса в Российской Федерации. На наш взгляд, одной из целей данной кадровой политики федерального центра является качественное изменение легитимности российской региональной власти, а именно переход от харизматической и традиционной легитимности к технократической. Результатом такого перехода должна стать еще большая централизация государственного управления и снижение персонального влияния губернаторов.

Литература:

1. Реутов Е.В. Легитимация региональной власти в Российской Федерации: структура и практики. Белгород: БелГУ, 2007.
2. Сулакшин С. С. Вертикаль власти: реформы российской политической системы 2000-х гг. // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии): Электронный ресурс. 2013. 27 июля. URL: <http://rusrand>.

ru/analytics/vertikal-vlasti-reformy-rossiyskoy-politicheskoy-sistemy-2000-gg/
(дата обращения: 10.10.2020).

3. Кравцова Е.А., Евтушенко В.И. Спорные вопросы функционирования единой системы органов исполнительной власти в Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2018. № 2. С. 10-14.

4. Чирикова А.Е. Региональная социальная политика: акторы и мотивация // Мир России. 2011. №4

5. Задача «новых» губернаторов: выстроить систему управления всей России // REGNUM URL: <https://regnum.ru/news/polit/2599853.html> (дата обращения: 28.09.2020).

*Саратова Алина Алексеевна,
студент 3 курса направления подготовки «Политология»
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)*

ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современному миру присуща тенденция активной политизации большей части социальных процессов, которая подразумевает привлечение в политическую жизнь неполитических субъектов и процессов. Политизация религии является ярким примером использования религиозных ресурсов в политических целях, характерным для современности.

Проблема взаимодействия между религией и политикой появилась с того момента, как зародилась сама политика. В различные эпохи их союз добивался успешных и взаимовыгодных результатов. Религия и политика на протяжении всей истории манипулировали друг другом, однако развитие демократических институтов привело к ослаблению роли религии в политической жизни общества. Тем не менее, в России любой эпохи вера и религия занимала особое место в общественной жизни, чем активно пользуются политики и манипулируют ею в личных целях [1].

Государственно-религиозные взаимоотношения выражаются в различных сферах общественно-политической жизни, а также являются одним из элементов внешней и внутренней политики. В России эти отношения закреплены в Конституции Российской Федерации и специальном законодательстве о свободе совести и религиозных объединениях. По 14 статье Конституции РФ: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». А закон «О свободе совести и религиозных объединениях» гласит, что все религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Таким образом, в России влияние государства на религиозную деятельность общества может осуществляться исключительно с правовой точки зрения. Светское государство рассматривает религию и церковь в качестве субъекта гражданского общества. При этом между государством и религией в нашей стране существует и другая сторона взаимоотношений. Несмотря на закрепленные в правовых актах положения, существует прямое и косвенное влияние на политику со стороны религиозных институтов.

Сущность светского государства заключается в обеспечении идеологической и религиозной свободы личности, которое достигается посредством исключения конфессионального фактора из политической жизни общества. Однако современная реальность демонстрирует, что некоторые религиозные объединения распространяют влияние за пределы социальной и духовной сфер общества и способны оказывать воздействие на некоторые политические институты. Религиозные организации, владеющие рычагами политического воздействия на население, как, например, духовные лидеры в Дагестане и Чечне, имеют более широкие возможности влияния на политику [2].

Взаимоотношения религии и политики проявляются посредством использования религии политическими лидерами: через обеспечение определенных материальных привилегий или властное давление. Подобным образом политика и религия взаимодействовали и при царизме, и при советской власти. Современные политические деятели также продолжают следовать этой традиции. Они стараются заполучить со стороны конфессий благословение своих политических инициатив, демонстративно обращаются к религии, надеясь таким образом повысить свой авторитет и лояльность. Религия способна легитимизировать властные притязания политических партий и элит, а также увеличить их электоральную базу, поэтому они стремятся заручиться конфессиональной поддержкой [3]. Одновременно с этим, властные структуры всех уровней так же пользуются религиозными привилегиями, чтобы укрепить свою популярность и достичь своих целей: с помощью священнослужителей освящают государственные учреждения, боевую технику, корабли и тд; благословляют избранных чиновников. Подобное вовлечение религиозных деятелей и организаций в политический процесс привело к образованию клерикальных тенденций: конфессиональные представители стремятся распространить свое влияние на политику, образование и культуру, выдвигают требования о пересмотре тех положений Законодательства РФ, которые касаются отделения религиозных организаций от государства.

Самая авторитетная и популярная религиозная организация в России – Русская Православная Церковь (РПЦ). В официальном документе РПЦ «Основы социальной концепции» 2000 года утверждается светский характер России, проводится различие компетенций церкви и государственного аппарата, а также устанавливается принцип, запрещающий им вмешиваться во внутренние дела друг друга. Этот документ создал видимость полной

аполитичности русской православной церкви, однако в действительности она продолжает воздействовать на российский политический процесс вплоть до сегодняшнего дня [4].

РПЦ стала серьезной политической силой, способной влиять на внешнюю и внутреннюю политику России. Это выражается в двух направлениях:

Во-первых, накануне крайних президентских выборов В.Путин, в качестве одного из эффективных способов одержать победу, заручился поддержкой православных священнослужителей благодаря тому, что пообещал предоставить несколько миллионов долларов для финансирования религиозных школ и восстановления объектов культового значения. Однако митрополит Иларион, глава отдела внешних церковных связей РПЦ, попросил от государства другой поддержки, а именно – защитить на Ближнем Востоке религиозные меньшинства в период арабской весны.

Во-вторых, РПЦ в 2011 году изменила свое решение, запрещающее православным представителям участвовать в выборах, и издала новый указ, который позволил священнослужителям принимать участие в выборах, в целях защиты церковных интересов. Это привело к установлению тесных взаимоотношений религии и политики. На сегодняшний день Патриарх Кирилл выступает за установление крепких партнерских отношений между РПЦ и государством [5].

В новом религиозном законодательстве упомянут особый вклад, внесенный православием в «становление российской государственности». Это указание государственного характера российского православия противоречит одновременно и Основному Закону нашей страны, и соборным уложениям самой церкви. Это упоминание подчеркивает верховенство над остальными религиями в правовом аспекте и является определенным средством достижения реальных целей РПЦ [6].

Сегодня взаимоотношения между церковной и светской элитой строятся на взаимных интересах, а также поддержке проводимой друг другом политики. Регулярно проводятся встречи как на церковных службах, которые посещают Президент, Председатель Правительства и министры, так и на светских мероприятиях, способствующих сближению церкви и государства. Между Президентом и Патриархом сложились особенно теплые отношения. Так, например, Президент на одном мероприятии выразился, что православная церковь является «естественным партнером» политической власти в России. В свою очередь, Патриарх Кирилл выразил свою лояльность политике В.Путина и назвал его «чудом Божиим», спасшим страну от гибели после 90-х годов.

В 2020 году Конституция РФ претерпела изменения, одно из которых касается религии: теперь в Основном Законе РФ упоминается Бог. Инициатива об упоминании Бога принадлежала Патриарху Кириллу, и несмотря на то, что четко не указывается – какой именно конфессии Бог, большинство понимает, что речь идет о православном Боге. Мнения граждан

и экспертов по поводу того, противоречит ли данная поправка пункту Конституции, что «Россия – светское государство», разделились. Однако поправка все-таки была одобрена и принята.

Некоторые эксперты придерживаются мнения, что упоминание Бога в преамбуле Основного Закона станет легитимным аргументом для проведения политики РПЦ по защите чувств верующих, опираясь не только на отдельный законодательный акт, но и на Конституцию. И утверждение о том, что Бог не существует, будет противоречить Основному Закону РФ. Такое усиление церкви приведет к росту ее неприятия и антиклерикализму; церковь будет выглядеть не пострадавшей, а силой, навязывающей свои приоритеты с опорой на закон [7].

Таким образом, рассмотрение ситуации в современной России приводит к очевидному выводу о влиянии религии на политический процесс. Несмотря на различия в деятельности и способах восприятия реальности, можно утверждать, что религия и политика – взаимосвязанные и взаимовлияющие явления. И эти взаимоотношения иногда выходят за границы безобидной поддержки политики друг друга и приводят к несоблюдению таких конституционных принципов как отделение школы от церкви, равенство прав верующих и неверующих, равенство религий и религиозных объединений. Подобная политизация религиозной сферы приводит к подмене интересов верующих интересам церковной элиты.

Литература:

1. Шамин С. Религия и политика: взаимоотношения в современной России// Инновационная наука №1. –Уфа: Аэтерна, 2018. –С. 47-49.
2. Кудряшова М., Мчедлова Е. Религия и политика в современном российском обществе// Вестник Московского университета №4. –М.: МГУ им.Ломоносова, 2008.–С. 23-30.
3. Роль и место религии в политике. [Электронный ресурс]/ <http://k29su.tmweb.ru/o-politike/18-teoriya-politicheskoy-nauki/36-religiya-i-politika> (Дата обращения 21.10.2020).
4. Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 20.10.2020).
5. Религия и политика в современной России [Электронный ресурс]/ Режим доступа: http://velib.com/read_book/bez_avtora/rossija_i_musulmanskiij_mir_6_2011/religiya_i_politika_v_sovremennoj_rossii/ (Дата обращения 22.10.2020).
6. Миронов А., Бабинов Ю. Основы религиоведения. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/mir/04.php (Дата обращения 21.10.20).

7. Богу тесно в Конституции. К чему приведут инициативы церкви по реформации Основного Закона. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: https://www.ng.ru/ng_religii/2020-02-04/9_480_constitution.html (Дата обращения 21.10.20).

*Туланов Достон Баходир Угли,
аспирант, Факультет политологии,
Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Ташкент, Узбекистан).*

КОНЦЕПТ «HUKUMAT» (ВЛАСТЬ) В УЗБЕКИСТАНЕ

Современные политические исследования невозможно представить без определения четких концептов. Концепт «власть» является одним из проблематичных вопросов в политических, философских и лингвистических исследованиях. «Власть» многогранна и интерпретируется неоднозначно и особый интерес отводится к реализации понятия, что конкретно подразумевают.

В узбекистанской политической культуре понятие «власть» интерпретируется как «hukumat» (с араб. - «правительство»)

«Hukumat» в узбекском языке имеет следующие понятия:

1. «власть (государственная);
2. «органы власти;
3. Правительство.

В русскоязычных источниках «hukumat» интерпретируют как:

1. власть
2. правительство
3. государство

В англоязычных источниках:

1. Administration – администрация, руководство
2. Governance – управление, руководство
3. Governing – управляющий, руководящий
4. Government – правительство

Также используются понятия:

1. Authority (власть)
2. executive body (исполнительный орган)

Существует проблема в интерпретации понятия «Hukumat» (власть) так как она является многозначной.

1. это власть
2. это правительство (Исполнительная власть)
3. это государство в целом (Испол., Закон., Суд. Власть в целом)
4. это президентский институт
5. это «силовые структуры»

Различное понимание и использование «hukumat» происходит как среди граждан, так и государственных служащих.

При интерпретации слов «правительство», «власть», «органы власти» мы можем столкнуться с понятием «hokimiyat» («власть (государственная)», «правление» (синоним hukumat)).

«Hukumat» и «hokimiyat» — это такие понятия, которые воспринимаются равнозначно (власть, правительство, государство).

К примеру, местные органы государственной власти называются «hokimiyat» (мэрия), а руководитель – «хоким» (мэр, губернатор). Официально, «Hukumat» – это понятие, которое используется по отношению правительству (Исполнительная власть – Кабинет Министров РУз).

По перцепциям власти, в политической культуре постсоветской ЦА присущи патримониальные особенности. Это объясняется тем, что эти страны относятся к гибриднему режиму (гибридная демократия). Одна из больших проблем в узбекистанской политике – это неопределенность категории политического. Отсюда и вытекает проблема концепта власти.

В соответствии с конституцией Республики Узбекистан (далее РУз), Узбекистан - суверенная демократическая республика. (Ст. 1)

Народ является единственным источником государственной власти. (Ст. 7)

Система государственной власти Республики Узбекистан основывается на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. (Ст. 11)

«Hukumat» как власть, она тождественна президенту, а президент обладает неограниченной властью. Как отмечает в своей книге А. Кожев: “Власть имеется только там, где есть движение, изменение, действие. Очевидно то, что Власть принадлежит тому, кто изменяет, не тому, кто изменяется: Власть по сути своей активна, а не пассивна” [1, 15]. Данное понимание «власти» хорошо объясняет то ощущение власти, которая свойственна узбекистанскому модерну. Президент является и реформатором, и инноватором, и самым развитым человеком, и генератором идеи (Даже технические вопросы начиная от принятия законов и до его исполнения на местах во многом определяет президент).

Различные интерпретации понятия «власть» связано с тем, что она относится к таким концептам, которая носит «сущностно-оспариваемый характер» или же наоборот, имеющий «семейное сходство».

Власть – это

По С.И. Ожегову:

1. Право и возможность распоряжаться кем-чем-н., подчинять своей воле
2. Политическое господство, государственное управление и его органы
3. Лица, облеченные правительственными, административными полномочиями [2, 86].

По В.В. Лопатину:

- 1) право и возможность действовать по своей воле»
- 2) политическое господство; государственное управление и органы его
- 3) должностные лица, администрация [3, 73].

Власть – междисциплинарный концепт, неразрывно связанный с концептами «знание», «элита», «управление» [4,66]. Власть представляет собой особый вид социального взаимодействия. Необходимо отметить, что в XXI веке, развитие информационных технологий меняет сущность власти. Прозрачность в государственном управлении, информированность, доступность к информации меняет статус «господин-слуга» на равнозначные субъекты.

Меняется и стиль руководства, который основывался на возможности и способности оказывать влияние на сознание и поведение людей с помощью авторитета. Граждане осознают, что власть – это не сила, которая принуждает их делать что-то, а символ, который обеспечивает справедливость. Также мы видим, что постепенно отдаляемся от авторитарно-нормативной власти, где исполнитель верит, что влияющий имеет право отдавать приказания, а его долг - строго их выполнять. Народ постепенно включается государственные дела, тем самым меняя традиционную систему на партнерские отношения.

Литература:

1. Кожев А. Понятие Власти. – М.: Праксис, 2006.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2006.
3. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Эксмо, 2009.
4. Осипова Е.В. Власть: отношение или элемент системы? (реляционистские и системные концепции власти в немарксистской политологии) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989.
5. Конституция Республики Узбекистан. – Т.: «Узбекистан», 2019.

Французов Руслан Игоревич,
магистрант направления подготовки «Философия»,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)

ЭТИЧЕСКИЙ БАЗИС В МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЛАТОНА

Любая наука, как известно, является описательно-объяснительной знаковой системой со своими аксиоматическими, аксиологическими и

методологическими особенностями. Политология тут тоже не исключение. Множество работ, связанных с анализом различных социальных фактов, неминуемо сталкиваются как с субъективной составляющей – аксиологической системой исследователя, так и с объективной составляющей – наличными социальными явлениями и фактам, а также форме характерного для данного общества системе общественного сознания. Это «столкновение» с проблемами субъективного и объективного при составлении методологии любого исследования вполне обосновывает не только актуальность, но и сложность данного вида научной деятельности.

Будучи всегда необходимой, но очень часто только имманентно присущим элементом политического исследования, методология имеет свою сложную историю, которая представляет собой постепенную трансформацию программы подхода к исследовательскому объекту вместе с трансформацией языковых, мировоззренческих и социально-политических элементов человеческой реальности, взятых в целом. Именно это факт обосновывает важность исторического подхода не только к методологии вообще, но и в ее аксиоматике, выраженной в совокупности аксиологических и этических допущений. И поскольку мы говорим об важности исторического подхода к самой методологии, то логично нам, переходя непосредственно к анализу, провести его на примере того, что мы можем назвать первой полноценной попыткой описания и объяснения социальной реальности. Первую подобную попытку мы можем найти еще в Древней Греции, в диалогах Платона.

Рассмотрим же некоторые из них и постараемся раскрыть методологическую аксиоматику, содержащуюся в анализируемом тексте.

Итак, Платон появился в очень интересное с точки зрения развития греческой политической полисной системы - во время ее кризиса, один из крупнейших исследователей Платона проф. Бугай указывает: «...кризис оснований традиционной морали в Древней Греции совпадает с кризисом полисной системы во-второй половине пятого века до н.э... Эти события привели к необходимости поиска новых оснований общественного и морального бытия...» [1, 4]. Иными словами, прямо указывается важность этического основания в осмыслении и переосмыслении социальной реальности.

Подходя к «Государству», к анализу данного диалога, мы должны понимать с чем мы сталкиваемся. Древнегреческое название его, которое предстает нам в списке тетрологий Диоген Лаэртский - Πολιτεία (ή Περί δίκαιου) [2, 166]. Это очень большой диалог, уже зрелого Платона, который состоит из 10 книг, и чтобы мы не запутались и смогли провести анализ того, что мы запланировали, возьмем для рассмотрения два ключевых эпизода данного диалога: Возникновение государства в связи с торговлей и разделение общества на уровни (страты) в соответствии с характеристиками души.

Итак, государство возникает для того, «...чтобы люди вступили в общение» [4, 148], где под общением понимается вся совокупность

отношений между людьми, разворачивающаяся вокруг их нужды (δέομα): «...каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» [4, 145]. Исходя из этого, мы можем вывести, во-первых, такой факт: основа всего есть недостаток чего-либо, и это естественное (ἡ φύση) основание для людей (и самих людей, что обосновывалось в диалоге «Пир» на базе речи Аристофана, которая повествует о легенде об Андрогинах [3, 116]). Таким образом, Платон обосновывает первичное разделение труда в пределах обменных отношений между людьми. Тут же и появляется монета - «...знак обмена» (νόμισμα σύμβολον τῆς ἀλλαγῆς) [4, 148] – и тут первое разделение Платоном экономической деятельности на богатство (χρηματιστικός) домохозяйствование (οἰκονομικός), разделение которых об условно беспредельностью и неестественностью χρηματιστικός и естественностью οἰκονομικό. Это, по мнению философа, побуждает государство вмешиваться в данный вид деятельность с помощью закона (ὁ νόμος) дабы поддерживать справедливость (ἡ δίκη), которая понимается как «величайшее благо» и является «...причина не всяких действий, а только правильных». Таким образом, на базе анализа данной часть диалога, мы можем выделить главные категории, используемые Платоном: естественное (ἡ φύση), не естественное (δεν εἶναι φυσικό), закон (ὁ νόμος -связанный с ἡ σοφία и ἡ σωφροσύνη – благоразумие как самоограничение) и ἡ δίκη (справедливость) – эти категории, будучи некоторой аксиоматической составляющей, приобретают не просто форму этического как императивного, но они имеют религиозную окраску (ἡ δίκη и ὁ νόμος). Это отсылает нас к диалогу «Тимей», где весь мир – живое божество [4, 474].

Итак, теперь пора перейти к описанию становления вторичного разделения труда. Для Платона уже с ранних диалогов было очевидно, что существует душа и поскольку это самое божественное, что есть в нас (это обосновано в диалогах «Федон» [3, 34] и «Тимей» [4, 483]), на качествах самой души и следует ориентироваться при распределении людей по различным уровням иерархической системы. Таких качеств Платон выделяет три: ἐπιθυμητικόν (желательная часть) – свойственная обычному человеку; θυμοειδές – страстная часть свойственна зрителям (стражам); λογιστικόν – свойственная философам. Таким образом, справедливость на уровне государства отождествляется с гармонией различных частей души. Само же разделение происходит посредством воспитания (ἡ παιδεία). Начиная с общего – грамматика (умение писать и читать), основ математики(счет) и физической культуры, через математику (для военной стратегии), военного дела (с физической точки зрения) и поэтического искусства к высшим математическим искусствам: чистая математика, геометрия, астрономия –объединённых диалектическим методом, ибо отдельные науки «...не поднимаются до рассмотрения общих вопросов...» [4,

342]. Исходя из этого, мы выводим, что формирование «сословий» основано не на семейном наследии, но на образовании, которое должно разбудить в человеке его бессмертную и лучшую часть и поставить на свое по природе место.

Итак, походя к завершению, мы можем сделать несколько выводов: во-первых, становится ясной этико-религиозная аксиоматика методологии, используемая Платоном. Во-вторых, сама методология представляет собой на восхождении от наиболее низкого и конкретного образования человека к наиболее общим и возвышенным чистым наукам, подкрепленным диалектическим методом, восхождение от конкретного к абстрактному, от частного к общему, метод индукции – вот методология Платона. И, в-третьих, в качестве метода мы можем выделить легитимизирующую аналогию, которая проявляется в сопоставлении описываемого явления с явлением божественным [4, 134] или явлением описываемым авторитетом (например, Гомером) [4, 165-166]. Обобщая все вышесказанное, можно процитировать Б. Н. Чичерина: «Добро существует и в природе, но по преимуществу оно выражено в человеке, причастному разуму... В области же человеческих отношений высшим осуществлением идеи добра является государство... Поэтому политика составляет венец философии» [5, 60].

Литература:

1. Бугай Д.В. Единство платоновского «Государства» / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. 452 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. (Серия «Философское наследие»). М., Мысль, 1979. 624 с.
3. Платон. Сочинения. В 3-х т. Пер. с древнегреч. Ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Т.2. – М.: «Мысль», 1970. 611 с.
4. Платон. Сочинения. В 3-х т. Пер. с древнегреч. Ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Т.3. Ч.1. – М.: «Мысль», 1971. 622 с.
5. Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1 / Подготовка текста, вступ. ст. и коммент. И. И. Евлампиева. – СПб.: Изд.: РХГА, 2006. 720с.

Секция № 2. «ОСМЫСЛЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ»

*Баландина Диана Маратовна,
студент 3 курса, Факультет политологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург)*

ФЕНОМЕН ГРЕТЫ ТУНБЕРГ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ И ПЕРЕДЕЛА РЫНКА РЕСУРСОВ

Территориально-климатическое положение страны в любой момент истории человечества обуславливало её политический потенциал, а также очерчивала дальнейшие тенденции как внутривнутриполитического взаимодействия, так и международной модели коммуникации. Мы можем вспомнить одну из величайших сверхдержав – Древний Рим – который быстро превратился из небольшого поселения в развитое государство, определившего дальнейшее развитие европейской части мира почти на три тысячи лет вперёд и чей «Рах Romana» стал первым прототипом глобализации. Такой успех был вызван не только римскими принципами, военной мощью и другими достоинствами римлян, но и во многом благодаря географическому положению: Древний Рим располагался у реки Тибр, на пересечении торговых путей между тусками и греками. И это далеко не единственный пример подобного возвышения, толчком к которому стала природная обусловленность,

На современном этапе человеческого существования значение природно-географического фактора, не смотря на трансформацию рынка от ресурсного к технологическому и развитие инновационной экономики, в том числе выходе на передний план четвертичного сектора, не ослабевает, а, скорее, приобретает более острые очертания в связи с глобальным ощущением приближения к «пределу» способности Земли возобновлять ресурсы. [1, 32] Политическая обстановка на мировом уровне также впитывает в себя подобные тенденции и постепенно смещает дискуссионный фрейм в сторону вопросов экологии. В средствах массовой информации мы сталкиваемся с подобными веяниями: одной из постоянных тем в новостных сводках выступает проблема состояния окружающей среды. Это свидетельствует не только о реальной важности вопроса, артикулируемого обществом, но и о том, что экологическая повестка действительно становится всё более весомым компонентом политического дискурса, причём не только внутригосударственного, но и межправительственного.

Ярчайшим маркером изменения целенаправленности международной политики в современный период явилось появление и теперь уже повсеместное присутствие Греты Тунберг в информационном пространстве. Данная экологическая активистка не только сконцентрировала внимание

общественности на остром вопросе воздействия человека на окружающую среду, но стала неким ключом к активизации обсуждения проблемы как, главным образом, политической.

Однако здесь следует задать справедливый вопрос о том, как экоактивистка (и здесь мы даже не будем поднимать тему об её возрастной группе) смогла привлечь внимание человечества на злободневном вопросе, который являлся отнюдь не новым, а так или иначе транслировался до неё с переменным успехом. Или же, если иначе сформулировать тезис, каким образом проблема кризиса экосистемы Земли стала политической?

Мы обратимся в данном случае к концепции публичных арен С. Хилгартнера и Ч.Л. Боска, исследователей Чикагского университета. Учёные справедливо считают, что в общественной реальности существует неограниченное количество проблем, о которых граждане не знают, так как эти темы завуалированы от них. Однако такая «скрытость» говорит не о намеренном замалчивании, но обуславливается артикулированием и концентрацией на других вопросах, являющимися важными на данный момент для политической элиты, а также сообщества СМИ и иных публичных «арен» дискурса и действия. [2, 57]

Однако, чтобы политическая проблема попала в поле социально-политического дискурса, ей необходимо конкурировать за обладание общественным вниманием, которое в современном мире является особенно дефицитным, а потому и ценным. При этом успешность или же неудача в такого рода борьбе не обязательно зависит от количества людей, для которых этот вопрос является действительно значимым. Главный фактор её успеха кроется именно в заинтересованности какой-либо «арены» в её продвижении. Именно арена выбирает определённый ряд проблем, которые удовлетворяют, в первую очередь, её интересам, то есть являются выгодными, и вписываются в её ограниченные пропускные способности.

В актуальной ситуации повестка Греты Тунберг конкурировала не только с рядом проблем из других областей человеческого бытия, но с аналогичными экологическими, однако уже транслируемыми авторитетными научными исследовательскими группами мирового научного сообщества. [3, 11] Учитывая этот факт, как не парадоксально, мнение последних, представляющих собой специалистов в данной области и непосредственно изучающих те климатические, природные изменения, волнующие публику, остаётся в стороне или же практически не поднимается в СМИ. Такую популярность идей Греты можно объяснить поддержкой, которой заручилась экологическая активистка, со стороны влиятельных лиц из сферы бизнеса и политики.

И здесь мы возвращаемся к исходной позиции: явное доминирование экологической проблематики является свидетельством о всё обостряющемся дефиците природных ресурсов, который напрямую влияет на экономический потенциал дальнейшего развития стран, накаляет их геополитическое противостояние и обуславливает в дальнейшем пересмотр предел рынка

ресурсов. Таким образом, смещение акцентов в политическом дискурсе может говорить нам о скрытом движении в политическом закулисье, а также об активизирующемся противоборстве. В речи Греты Тунберг на саммите ООН по мерам безопасности в области изменения климата было ясное разделение мира на «плохой» и «хороший» в зависимости от уровня эмиссии углекислого газа и вмешательства в окружающую среду. К числу плохих «стран» девочка отнесла Турцию, Аргентину, Бразилию, Францию, Германию. [4] Данное заявление стало совершенно неожиданным, так как, по данным Мирового атласа CO₂, в этой группе должны находиться другие державы, чьи результаты экономического производства наносят гораздо больший вред природе, в отличие от озвученных. [5] Такими странами, например, являются пятерка стран в рейтинге Атласа по количеству выбросов углекислого газа: Китай – 27,6%, США – 14,8%, Индия – 7,3%, Россия – 4,7% (1 711 млн. т.), Япония – 3,2%. Ещё один важный момент, последовавший за публичной деятельностью Греты Тунберг, - закономерная реакция политических лидеров государств в виде взаимных обвинений в активизации политической турбулентности. Заявление Федерального канцлера Ангелы Меркель на мюнхенской конференции 2019 года о том, что массовые движения школьников в Германии являются результатом работы России, является одним из подобных примеров. [6] Такая реакция также свидетельствует о перестановке политических вопросов и напряжении текущей повестки, связанной с вопросами рынка ресурсов.

Целью Греты и её последователей является попытка изменить современную экономику с главенством капитализма и создать новую форму экономических отношений – «зелёный» капитализм. Такая форма основана на идеализации возможности создания системы, использующей для своего поддержания только возобновляемые источники ресурсов, и переориентации современного способа производства со стремления получать сверхприбыль. Подобные устремления и лозунги критически переосмыслены в работах значимых экономистов и экологов: Ричарда Смита [2], Хивера Роджерса [7], Даниэля Найберга [8].

Таким образом, происходит глобальное смещение акцентов в мировом природопользовании: в свои права вступает попытка изменить существующий порядок экономических взаимоотношений между государствами и пересмотреть права стран на те или иные природные ресурсы. Деятельность Греты Тунберг олицетворяет собой современное состояние геополитики, на которую влияет приближающийся кризис экологической обстановки, и попытку государствами-лидерами пересмотреть своё положение на мировой арене.

Литература:

1. Медоуз Д., Медоуз Д., Рандерс Й. Пределы роста. / Пер. с англ.; Предисл. Г. А. Ягодина. М.: МГУ, 1991. 208 с.

2. Smith R. Green Capitalism: The God That Failedю <https://truthout.org/articles/green-capitalism-the-god-that-failed>.

3. United in Science. High-level synthesis report of latest climate science information convened by the Science Advisory Group of the UN Climate Action Summit 2019.

4. Иносми. Стенограмма речи Греты Тунберг на саммите ООН по мерам в области изменения климата. URL: <http://inosmi.ru/social/20190925/245886965.html> (Дата обращения: 23.10.2020)

5. The Global carbon emission atlas. URL: <http://www.globalcarbonatlas.org/ru/CO2-emissions> (Дата обращения: 23.10.2020)

6. Forbes. What Does Merkel Know About Russia And The Student Climate Protests That We Don't? URL: <https://www.forbes.com/sites/davekeating/2019/02/24/what-does-merkel-know-about-russia-and-the-student-climate-protests-that-we-dont/#cadb0993241a> html (Дата обращения: 23.10.2020)

7. The greening of capitalism? URL: <http://isreview.org/issue/70/greening-capitalism> (Дата обращения: 23.10.2020)

8. Wright C., Nyberg D. Climate Change, Capitalism and Corporations: Processes of Creative Self-Destruction. L.: Merlin Press, 2015. P. 23.

9. Hilgartner S., Bosk Ch. L. The rise and fall of social problems: a public arenas model // American journal of sociology. 1988. Vol. 94 (No 1). P. 53-78.

*Гливенко Вадим Олегович,
студент, University of Glasgow,
College of Social Sciences (г. Глазго, Великобритания)*

СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Деятельность транснациональных корпораций охватывает практически все сферы современной экономики. Транснациональные корпорации присутствуют на рынке почти каждой страны мира, что создает необходимость регулирования их деятельности среди большинства государств. С повышением уровня влияния транснациональных корпораций на общество повышается и уровень ответственности, который предъявляется к ним. Новые тренды социальной ответственности бизнеса перед обществом затронули также транснациональные корпорации как одних из самых крупных негосударственных участников мировой экономики.

Создание универсальных норм по регулированию деятельности ТНК было одной из ключевых целей ООН, ОЭСР и МОТ в 1990-ые и 2000-ые. Это обосновалось тем, что ТНК могут оказывать не только положительное влияние на экономику третьих стран, к примеру, создавая рабочие места, повышая заработную плату работников или совершенствуя индустриальную

инфраструктуру, но и использовать определенные пробелы в законодательстве, слабость институтов государственной власти, экономические проблемы населения для повышения прибыли, нарушая базовые права человека и работника. Для того, чтобы предотвратить подобные случаи нарушения и несоблюдения базовых прав человека международные организации разрабатывают нормы ответственности ТНК. Данные правила носят добровольный характер по их применению транснациональными корпорациями, однако международные институты могут наложить определенные санкции за их нарушение. Это обусловлено тем, что большинство документов ответственности транснациональных корпораций напрямую затрагивают соблюдение и уважение прав и свобод человека. К примеру, Международная финансовая корпорация (одно из подразделений Всемирного банка), занимающаяся кредитованием отдельных проектов, в случае нарушения транснациональной компанией международных норм оставляет за собой право приостановить сотрудничество. Также ООН может призвать страны ввести адресные санкции против компаний-нарушителей или объявить бойкот их продукции. Такая практика получила в международном праве наименование «мягкое право», когда не существует определенных норм по наказанию юридических лиц, и приходится прибегать к описанным ранее инструментам воздействия [1, 86].

Необходимость норм ответственности, ограничивающих деятельность транснациональных корпораций, еще раз указывает на усиливающееся влияние транснациональных экономических субъектов в международных отношениях и внутренней политике государств. По мнению А. Чандлер и Б. Мазлич, транснациональные корпорации стали новой формой Левиафана Т. Гоббса: «Их сила и последствия практически непредсказуемы – не только в экономике, но и в политике, обществе, культуре и ценностях. Транснациональные корпорации оказывают влияние почти на все сферы современной жизни: от разработки политики защиты окружающей среды до решений в сфере международной безопасности, от вопросов самоидентификации до решения общественных проблем, и от работы будущего до будущего национального государства и даже региональных и международных организаций и объединений» [2, 2]. Как отмечают исследователи, транснациональные корпорации вышли за пределы суверенитета государства и региональных организаций и стали проводить независимую политику.

Данная парадигма смены ключевых участников в международных отношениях с государств на негосударственных игроков (англ. non state actors) стала довольно актуальной в последние десятилетия. В рамках настоящей работы концепция «транснациональности» как форма данной парадигмы будет использована для объяснения роли ТНК в современном обществе, где транснациональные корпорации начинают напрямую

взаимодействовать с обществом и его институтами, избегая медиатора, в лице которого прежде выступало государство.

Данную тенденцию подробно рассматривают немецкие ученые Х. Вилке и Г. Вилке, которые пишут о том, что происходит политизация крупных компаний. По мнению исследователей, транснациональные корпорации избегают прямого участия в демократическом процессе посредством лоббизма, финансирования партийных структур, спонсорства СМИ и формирования общественного мнения. Это делает их независимыми акторами в современной политической системе, что, по мнению авторов, разрушает традиционную функцию государства на представление интересов граждан. Теперь ТНК изучают мнение местных жителей через собственные социологические исследования и реализуют проекты на территории их проживания без взаимодействия с государством [3, 554-555].

Концепция негосударственных акторов в системе международных отношений изначально появилась в сфере международных отношений. Так, А. Вулферс выделил две категории целей для международных отношений – прямые национальные цели (англ. direct national goals) и непрямые национальные цели (англ. indirect national goals). Главное различие между двумя группами – это конечный бенефициарий от принимаемых решений в международной политике. К примеру, если речь идет о государственном суверенитете и безопасности, где меры принимаются во благо всего общества или, как пишет А. Вулферс, – Левиафана, под которым подразумевается все общество, то это прямые национальные цели. Если же речь идет о частном интересе отдельных групп или отдельных компаний, то стоит говорить о непрямом национальном интересе, где могут фигурировать транснациональные корпорации [4, 67-80]. Однако автор указывает, что данные виды интересов могут пересекаться между собой, если, например, в государстве есть сильный институт лоббирования, который может продвигать те или иные решения в качестве интересов государства. Так, введение тарифов на иностранные автомобили может существенно помочь местным производителям, что будет, несомненно, их частным интересом, хотя данное решение будет представлено как интересы потребителей.

На основе данной идеи Дж. Най разрабатывает теорию «транснациональных взаимодействий» (англ. transnational interactions). Дж. Най выделяет две формы глобальных отношений в современном мире: межгосударственные отношения и транснациональные отношения. Межгосударственные отношения – это взаимодействие стран между собой: например, война, мировая торговля и другие аспекты, включающие в себя только деятельность государств. К данной категории относится большинство взаимодействий в сфере международных отношений. Транснациональные отношения – это взаимодействие, которое может включать в себя отношения между государствами, но обязательно должно вовлекать организации, не связанные с правительством (англ. nongovernmental). Дж. Най показывает разницу между двумя видами отношений на схеме, где отображает

взаимодействие государства, межправительственных организаций и общества в классической государственноцентристской парадигме. Мы можем видеть, что главным посредником в международных отношениях является государство, через которое происходит коммуникация между представителями двух разных сообществ. Однако же в транснациональных отношениях данные взаимодействия выстраиваются по иному принципу. На данной схеме видно, что в транснациональных отношениях участники разных обществ могут общаться между собой напрямую. Из этого следует, что в данной форме международных отношений отдельные участники различных обществ могут оказывать влияние друг на друга, при этом без взаимодействия с государством. Среди потенциальных участников транснациональных отношений могут быть и транснациональные корпорации, которые представляют свои частные интересы во взаимодействии с организациями, не связанными с правительством, из других стран [5, 332-334].

Рисунок 1. Классическая парадигма в международных отношениях [2, 334]

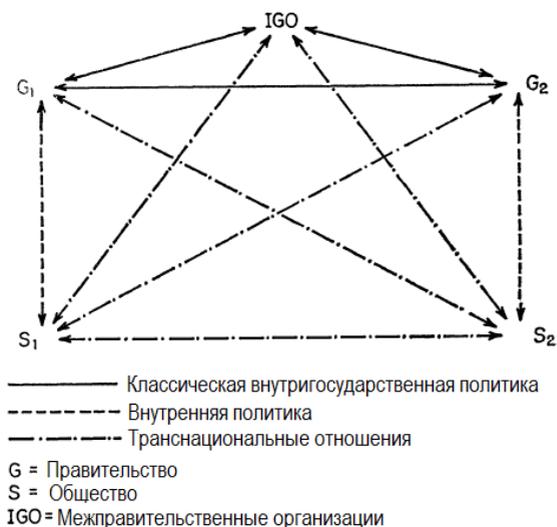

Рисунок 2. Современная парадигма в международных отношениях [2,334]

Таким образом, транснациональные отношения полностью изменили взаимодействие государства и общества. Новый формат международных отношений сделал организации, не связанные с правительством типа ТНК более влиятельными в мировой экономике. Однако возросшая значимость транснациональных корпораций подразумевает и новую степень ответственности субъектов мировой экономики перед обществом, закрепленную в системе международно-правовых актов ООН, ОЭСР, МОТ и др.

Литература:

1. Schreuer C. Investments, International Protection.— Oxford: Max Planck Encyclopedia of Public International Law, 2011. – P. 86.
2. Chandler Jr. A., Mazlish B. Leviathans: multinational corporations and the new global history. Cambridge University Press, 2005. P.2.
3. Willke H., Willke G. The corporation as a political actor? A systems theory perspective // Ed. by Scherer A.G., Palazzo G. Handbook of research on global corporate citizenship. Edward Elgar Publishing Limited. 2008. P. 554 -555.
4. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962, P. 67- 80
5. Nye J, Keohane R. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. International Organization, Vol. 25, No. 3, Transnational Relations and World Politics. University of Wisconsin Press, 1971, P. 332-334.

*Долгих Ульяна Олеговна,
магистрант, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИСПЫТАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В 2020 ГОДУ

Вызовы 2020 напрямую определены неожиданными событиями по всему миру в 2019 году - от убедительной победы Владимира Зеленского на украинских выборах и начала процедуры импичмента Дональду Трампу в США до серии политических потрясений в Латинской Америке. и нескончаемый политический кризис в Соединенном Королевстве, а также многочисленные вооруженные нападения на нефтяные танкеры в Персидском заливе и резкие колебания в американо-китайских отношениях. При этом сама глобальная система стала еще более нестабильной в 2020 году [1]. Энергия, произведенная крахом старой системы международных отношений, еще не полностью рассеяна. Вызванная им цепная реакция распада вряд ли будет остановлена в ближайшее время. Мы говорим здесь не о году или двух кропотливой работы, а о долгосрочном историческом предприятии - вызове, который необходимо решать не одному государству или группе ведущих держав, а всему международному сообществу, которое по разным причинам все еще плохо приспособлен для решения этой проблемы. На сегодняшний день главной проблемой не только для России, но и для всего мира являются: пандемия, вызванная COVID-19, президентские выборы в США, которые должны состояться в ноябре 2020 года, а также нарастающая конкуренция техноэкономических платформ. Стоит рассмотреть влияние каждого фактора по отдельности.

1) Пандемия COVID-19

Как и любой крупный глобальный кризис, пандемия COVID-19 создает дополнительные риски, вызовы и угрозы для внешней политики каждого государства, но одновременно с этим открывает новые возможности и перспективы. Россия не является исключением в данной ситуации, однако обладает определенной спецификой, которая заключается в том, что ее возможности носят в основном тактический и ситуативный характер, а угрозы, с которыми Россия сталкивается, носят стратегический и системный характер [2]. Баланс возможностей и угроз зависит от многих переменных, но в первую очередь от того, как Россия в конечном итоге справится с COVID-19 по сравнению с другими государствами, особенно со своими международными противниками. Любое сравнительное преимущество Москвы в борьбе с вирусом, будь то число зараженных и потерянных из-за COVID-19 или относительный масштаб экономических потерь, может существенно повлиять на ее геополитическое положение, авторитет на

международной арене. С момента начала пандемии Россия показала миру, что может достойно справиться с подобной чрезвычайной ситуацией. Кроме того, страна продемонстрировала, что может не только успешно справляться с ситуацией внутри страны, но и готова к гуманитарному сотрудничеству с другими странами. Так, в случае с Италией, Россия выступила на контрасте с Европейским Союзом, который отказался как-либо помогать стране-партнеру [3]. Оказанная гуманитарная помощь значительно усилили авторитет России, как державы, которая способна на международный контроль глобальных проблем человечества. Такое развитие событий создает ряд дополнительных возможностей для внутренней и внешней политической пропаганды России, оправдывающей ее устремления стать одним из главных центров тяжести посткризисного мирового порядка. Однако в сложившейся ситуации, когда стране требуется нести большие затраты на внутренние и внешние ресурсы, возникает опасность ресурсного истощения страны. Последние полгода была весьма тяжелыми для экономики России в силу падения цен на нефтяные ресурсы. В условиях пандемии к негативным экономическим факторам добавляется сокращение финансовых ресурсов страны, вызванное сокращением объемов производства в период карантина, увеличением социальных выплат, а также выведением иностранных активов из страны. Подобные обстоятельства создают угрозу сокращения ресурсной базы российской обороны и внешней политики, которая включает поддержку политических партнеров России, финансирование международных организаций и участие в международных соглашениях. Если нынешняя социально-экономическая модель страны останется неизменной в посткризисном мире, последствия для «национального бренда» будут быть серьезными.

2) Президентские выборы в США 2020

На сегодняшний день отношения России и США далеки от идеала, однако есть пределы ухудшению отношений. В ноябре приближаются президентские выборы в США, результаты которых могут стать видимым пределом. За последний год Д.Трамп был сосредоточен на переизбрании, у его администрации было мало стимулов для обострения напряженности в отношениях с Москвой [4]. Кроме того, Вашингтон на сегодняшний день имеет намерение, чтобы Москва была на его стороне по отношению к Ирану. Если Тегеран будет продолжать подрывать позиции США в Ираке и других странах Ближнего Востока, Вашингтон захочет, чтобы Россия оказала давление на исламский режим. Это дает Москве возможность улучшить отношения с американцами. Однако в случае победы кандидата от демократической партии, у России могут возникнуть серьезные проблемы. Нынешний кандидат от республиканской партии Д.Байден уже не раз заявлял, что Россия представляет главную угрозу для национальной безопасности США и международных альянсов. В случае, если Д.Байден одержит победу велика вероятность того, что в отношении России будут введены новые экономические и политические санкции. Кроме того, в случае

американского влияния, движимого демократической партией, у России могут обостриться отношения с другими странами, среди которых, может быть перечислен даже Китай.

3) Нарастающая конкуренция техноэкономических платформ. На сегодняшний день инновации становятся все более важной темой в международных отношениях, оказывая глубокое влияние на сотрудничество, а также на конкуренцию между странами. Модели технико-экономических изменений приводят к изменениям в глобальном распределении инновационной деятельности по всему миру, что в свою очередь начинает влиять на институты глобального управления [5]. Соединенные Штаты, Китай, Европейский Союз и Россия находятся в поиске новых параметров цифрового суверенитета. Большинство из них бьётся над одной и той же головоломкой: возможно ли выжить в цифровом мире аналоговой державе и что будет, если опоздать с темпами внутренних перемен. У каждой из сторон есть свои конкурентные преимущества, но задача в том, чтобы выработать стратегию, которая позволит распорядиться ими оптимальным образом. Именно это поле окажется ключевым с точки зрения определения баланса сил в XXI веке, и Россия необходимо фокусировать свои усилия, чтобы ее собственная стратегия оказалась одной из наиболее результативных.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что 2020 год поставил внешнюю политику России перед значительным числом глобальных вызовов, которым страна пытается противостоять с разной степенью успешности. Нынешний год является уникальным с позиции происходящих глобальных перемен, которые происходят ежедневно. Вследствие этого подводить итоги о результатах внешней политики за два месяца до окончания года не представляется возможным, но уже сейчас можно наблюдать существенные отличия от внешней политики 2019 года.

Литература:

1. Прогноз «Международные угрозы 2020»: [Электронный ресурс] // Евразийские стратегии., 2014-2018. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2020/> (дата обращения: 15.10.2020).

2. Кортунов А.В. Российская внешняя политика и коронавирус: возможности и угрозы 2020: // Российский совет по международным делам. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-vneshnyaya-politika-i-koronavirus-vozmozhnosti-i-ugrozy/> (дата обращения: 15.10.2020).

3. Россия оказывает Италии бескорыстную помощь в борьбе с коронавирусом: [Электронный ресурс] // РИА новости., 2014-2020. URL: <https://ria.ru/20200402/1569503864.html> (дата обращения: 13.11.2020).

4. Сокольщик Л. Президентские выборы в США 2020: эффект для мира и России: // Российский совет по международным делам. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prezidentskie-vybory-v-ssha-2020-effekt-dlya-mira-i-rossii/> (дата обращения: 13.11.2020).

5. Leijten J. Innovation policy and international relations: directions for EU diplomacy: // European Journal of Futures Research. 2019. V. 7. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s40309-019-0156-1> (дата обращения: 15.10.2020).

*Матяшова Дарья Олеговна,
студент, факультет международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург)*

МНОГОСТОРОННИЙ КОНФЛИКТ ПО ВОПРОСУ СЕВЕРНОГО ПОТОКА-2 В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В современных условиях попытки региональных акторов произвести ревизию иерархии международных отношений как с помощью силовых, так и с помощью несилowych инструментов делают актуальным рассмотрение затяжных мирополитических конфликтов в новом ключе. Это связано с тем, что в данных конфликтах в связи с процессами ревизии могут появляться новая повестка и новые черты противостояния, а в ходе эскалации и деэскалации отражаются мотивации конфликтантов, позволяющие характеризовать последних как стремящихся сохранить или изменить статус кво. Одним из таких конфликтов является «газовый конфликт» по вопросу проекта «Северный поток-2». Конфликтантами в нём являются США, ЕС как политическая общность, претендующая на нормативное и экономическое регулирование в своём регионе, ФРГ как один из лидеров ЕС и суверенный актор, страны Балтии и Польша как блок стран, выступающий за интеграцию Украины в ЕС, и Россия. В данной работе Россия будет рассмотрена преимущественно как объект политики других конфликтантов.

В политологическом дискурсе Германия рассматривалась рядом экспертов как восходящая держава с начала 1990х [1, 4] [2, 2] [3, 197] [4, 65]. Тем не менее, в конце 2000х интерес к восхождению Германии спал – это связано как с методологическими трудностями, обусловленными необходимостью отделять лидерство ЕС в мире от лидерства Германии в рамках ЕС, и, как следствие, их экономическую и нормативную мощь друг от друга, так и с наличием более ярких примеров восходящих держав в лице

стран БРИКС и Турции. Однако в концептуальном смысле современная Германия сохраняет черты, присущие восходящей державе. Речь идёт о высокой степени экономического потенциала (при необходимости способного преобразоваться в военно-силовой [5, 328]), активной генерации институциональных и экономических инноваций, степени интегрированности в мировой порядок, ограничивающей возможности формулировать глобальную повестку [6, 66], и, как следствие, заявлениях о потребности в перераспределении в свою пользу власти и престижа – конечной цели восхождения [7, 955].

Восходящая держава может добиваться перераспределения власти и престижа в свою пользу различными способами – путём переговоров и торга в рамках уже имеющихся институтов [8, 565], трансформации норм и институтов в свою пользу, объединения ресурсов и выстраивания общих стратегий с другими восходящими державами [6, 68], наконец, силовой борьбы с великими державами, в ходе которой решается судьба актуального мирового порядка [9, 5]. Однако последняя стратегия, во-первых, сопряжена с большими рисками и затратами ресурсов, во-вторых, нивелирует усилия по трансформации мирового порядка, если ранее на таковые были потрачены ресурсы, поэтому представляется крайней мерой.

В рамках проекта «Северный поток-2» Германия прибегла к использованию как минимум двух стратегий «восхождения». Речь идёт, во-первых, о привлечении к сотрудничеству в прибыльной и секьюритизируемой в качестве стратегической сфере энергетики России [10, 31], что можно рассматривать как шаг к выстраиванию взаимосвязанной экономико-энергетической стратегии с перспективой перетекания в другие смежные сферы. Во-вторых, следует отметить отставание Германией своего понимания интересов ЕС и одновременно – собственных экономических интересов. Германия противопоставила приоритизированные ею экономические интересы (удовлетворение растущего спроса на газ, снижение технических рисков поставок) политическим интересам, отражённым в стратегиях, которые были направлены на сокращение доли российского газа на европейских рынках, на его частичное замещение сжиженным природным газом из альтернативных источников, с одной стороны, и политическим интересам стран Балтии и Польши [11, 115], с другой стороны. Данные шаги со стороны Германии формируют рамки для столкновения Берлина и Брюсселя, а также Берлина, Балтики и Варшавы. Это противостояние лежит в институционально-нормативной плоскости – и, в контексте нормативной силы ЕС и значимости экономических, политических и прочих связей со странами – его членами для Германии как восходящей державы, склонно концентрироваться именно в ней.

США демонстрировали негативную реакцию на энергетическое сотрудничество ЕС и РФ (в частности, ФРГ и РФ) ещё в годы президентства Б. Обамы, защищавшего принцип диверсификации поставок газа, но отказавшегося от введения санкций или угроз ими. Ситуация изменилась при

Д. Трампе, при котором немецкие компании, участвующие в проекте, были предупреждены о возможном введении против них санкций и при котором сделка по «Северному потоку-2» стала предметом торга за новую торговую сделку для ЕС в целом [12, 147]. Экспертное сообщество связало такую стратегию с целью найти рынок сбыта сжиженного газа, что в контексте провала переговоров по созданию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства с ЕС [12, 146] можно рассматривать как попытку державы-гегемона добиться от своих «традиционных» партнёров ограниченных экономических выгод после упущенной попытки сохранить их в орбите своего влияния – причём посредством санкционного давления, инструмента экономического протекционизма, а не посредством снятия барьеров, как это происходит в либеральной экономике.

Такой подход укладывается и в протекционистские тенденции в политике США, наметившиеся ещё при Б. Обаме, и, что важнее, в политику сдерживания тенденций к экономической независимости восходящей державы и ограничения её возможностей сотрудничества с другой восходящей державой (традиционно воспринимаемой США как угроза имеющемуся мировому порядку). Однако если сдерживание восходящей державы для великой является стандартной стратегией, продиктованной и международной системой, и восприятием себя как страны-лидера, то смена либерального вектора на протекционистский может подорвать лидерство США, которое было связано с поддержкой либерального экономического режима и его институтов. Тем не менее, при условии быстрой «перестройки» мировой экономической системы на протекционистский лад санкционный и тарифный США, возможно, окажется фактором сохранения за ними статуса великой державы. Вместе с тем это не нивелирует устремления восходящих держав максимизировать своё влияние и, возможно, переведёт экономические конфликты в другую плоскость. Наконец, привязка экономической политики по отношению к ЕС к экономической политике Германии повышает значимость Германии как актора и в рамках ЕС, и в мировой политике в целом.

Таким образом, конфликт, связанный с реализацией проекта «Северный поток-2», является отражением процесса ревизии иерархии международных отношений. В качестве силы, осуществляющей ревизию, выступает ФРГ, прибегающая к стратегиям переговоров и торга в рамках уже имеющихся институтов и сотрудничества с другой восходящей державой (Россией). В этих условиях выстраивается противостояние между Германией и Брюсселем, а также Германией и странами Балтии и Польшей – однако оно лежит в институционально-нормативной плоскости. США как великая держава прибегает к ограничению сотрудничества восходящих держав и сдерживанию тенденций к экономической независимости ЕС, однако использует для этого протекционистские меры, подрывающие либеральный экономический режим, с поддержанием которого было связано их лидерство.

Литература:

1. The new Germany in Europe: an emerging hegemon? // WZB URL: <https://bibliothek.wzb.eu/pdf/1992/p92-310.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).
2. Crawford B. Power and German Foreign Policy. London: Palgrave Macmillan, 2007. 240 p.
3. Schirm S. A. Leaders in need of followers: Emerging powers in global governance // European Journal of International Relations. 2009. №16 (2). p. 197-221.
4. Трунов Ф. О. Военно-политическое измерение отношений Германии и Саудовской Аравии на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. №4. С. 663-674.
5. Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000г.. Екатеринбург: "Гонзо", 2018. 848 с.
6. Hart A.F., Jones B. D. How Do Rising Powers Rise? // Survival: Global Politics and Strategy. 2010. №52 (6). p. 63-88.
7. Nel P. Redistribution and recognition: what emerging regional powers want // Review of International Studies. 2010. №36 (4). С. 951-974. - 955
8. Narlikar A. Introduction: Negotiating the Rise of New Powers // International Affairs. 2013. №89 (3). p. 561-577.
9. Rising powers and revisionism in emerging international orders - Schweller R. // Russia in the global order URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/rising-powers-and-revisionism-in-emerging-international-orders/> (дата обращения: 05.11.2020).
10. Жизнин С. З., Тимохов В. М. Экономические и геополитические аспекты «Северного потока - 2» // Балтийский регион. 2019. №3. С. 25-42.
11. Стариковс А. "Северный поток-2": дилеммность европейских энергетических интересов // Интернет-журнал Науковедение. 2017. №6. С. 115.
12. Белинский А. В., Никуличев Ю. В. "Американские горки": эволюция отношений между США и ФРГ в 1989-2019 гг // Актуальные проблемы Европы. 2019. №4. С. 135-157.
13. Nel P. Redistribution and recognition: what emerging regional powers want // Review of International Studies. 2010. №36 (4). С. 951-974. - 955

*Трегубов Кирилл Алексеевич,
студент 2-го курса магистратуры,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ТУРЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Взаимоотношения России и Турции на Южном Кавказе имеют характер многоаспектности, включающей в себя элементы как сотрудничества, так и соперничества в целом ряде вопросов, включающем региональную и национальную безопасность, экономическое сотрудничество и энергетическую инфраструктуру, а также влияние на регион глобальных игроков.

Россия и Турция как две крупные региональные державы заинтересованы в стабильном развитии региона Южного Кавказа, так как любые конфликты в соседних странах отрицательно сказываются на экономических связях между региональными партнерами, а также на проблемах региональной безопасности. После инцидента со сбитым российским самолетом осенью 2015, поставившего развитие двусторонних связей под угрозу, потребовалось семь месяцев для того, чтобы начать процесс нормализации отношений. Тем не менее, на данный момент наметилась тенденция межгосударственного сотрудничества, а политические и экономические отношения между Анкарой и Москвой за период 2017-2020 годов заметно улучшились.

Помимо трехстороннего, с привлечением Ирана, стратегического партнерства в Сирии, Россия и Турция частично восстановили и сформировали новые связи в экономической сфере. Реализация двух масштабных энергетических проектов: атомной электростанции «Аккую» и газопровода «Турецкий поток» – является наиболее значимым признаком, свидетельствующим об углублении экономических отношений между двумя странами.

Несмотря на то, что ряд вопросов в отношениях между двумя странами на данный момент остается нерешенным, ряд экспертов прогнозирует продолжение стратегического восстановления связей между Турцией и Россией [1, 7]. Учитывая, что основной проблемный момент российско-турецких отношений на протяжении последних десятилетий заключается в достижении подлинного стратегического партнерства при наличии значительных региональных разногласий, необходимо рассмотреть предстоящие перспективы и возможные трудности в двустороннем диалоге. В связи с этим проанализируем динамику сотрудничества и конкуренции в следующих важнейших сферах российско-турецких отношений: региональные вопросы, касающиеся Черного моря и Южного Кавказа,

двусторонние экономические связи, а также развитие транспортных коридоров в Евразии.

Отметим, что сотрудничество России и Турции в Евразийском регионе в первую очередь определяется их внешнеполитическими приоритетами, а не общим подходом к региональным вопросам. Осложняется это обстоятельство большим количеством неразрешенных, замороженных конфликтов в регионе. В 2014 году к списку конфликтов, уже включавшему в себя Абхазию, Южную Осетию, Нагорный Карабах и Приднестровье, добавились вопросы присоединения к России Крымского полуострова и вооруженное противостояние на Донбассе. Также эффективность усилий по укреплению безопасности в Закавказье ослабил рост напряженности между Россией и блоком НАТО, членом которого является Турция. Несмотря на то, что на данный момент Москва и Анкара установили стратегический диалог по сирийскому вопросу, их разногласия, касающиеся таких региональных конфликтных зон, как Нагорный Карабах и Крым, далеки от разрешения. Важно подчеркнуть, что развитие военных отношений России и Армении вызывает у Анкары выраженную озабоченность, в то же время Москва недовольна укреплением стратегических связей Турции с правительствами Украины и Грузии [2, 129].

В связи с этим необходимо обратить внимание на установившийся формат трехсторонних официальных встреч, который в недавнем прошлом доказал свою эффективность. Данные механизмы следует использовать с целью придать импульс принципу так называемой «региональной ответственности», который достаточно эффективно отводил от Черного моря растущую напряженность между Россией и НАТО в период после окончания холодной войны. Стоит отметить, что отсутствие эффективной панрегиональной международной организации, которая занималась бы урегулированием конфликтов, значительно повышает риски региональной безопасности и при негативном варианте развития событий может перечеркнуть заметную позитивную динамику во взаимоотношениях России и Турции [3, 15].

Особый интерес представляют российско-турецкие отношения в сфере экономики. Отметим, что объем двусторонней торговли и количественное выражение туристического потока продолжают расти [4, 8]. Другим немаловажным обстоятельством является то, что Турция приняла решение о повторной закупке российских ЗРК С-400. Таким образом, Турция стала одной из первых стран-членов НАТО, разместивших на своей территории современную российскую систему вооружения. Одновременно с этим в условиях ухудшения российских отношений со странами Запада и Украиной России Турция необходима как надежный партнер в сфере энергетики [5, 9]. В этой связи, при наличии преобладающей роли политики в экономической сфере, странам необходимо прилагать усилия для укрепления двусторонних политических связей с помощью таких механизмов, как Совет сотрудничества высшего уровня между Россией и Турцией, а также попытаться вновь восстановить роль Организация черноморского

экономического сотрудничества (ОЧЭС) в качестве основания для совместных инвестиций и торговли.

Другим важным элементом сотрудничества и соперничества двух стран являются крупномасштабные энергетические и инфраструктурные проекты, реализуемые в пространстве Южного Кавказа [6, 17]. Регион Южного Кавказа расположен на пересечении важнейших транспортных путей, наиболее крупным из которых является перспективное направление торговли ЕС – Китай. В контексте данного торгового пути Россия и Турция могут выступать в статусе соперников или партнеров по транзиту.

Одной из важнейших транспортных инициатив, которые могут оказать серьезное влияние на Россию и Турцию, а также ЕАЭС, является инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), осуществляемая под руководством Китая. ОПОП представляет собой амбициозный проект, целью которого является создание железнодорожной сети, как дополнение и страховка морской торговли, в случае ее блокады со стороны США [7, 5]. Отметим, что ЕАЭС и Турция являются участниками транспортных инициатив ТРАСЕКА и «Шелковый ветер», то есть южной части ОПОП [8, 21]. Главная разница между данными транспортными коридорами связана с причинами обхода России. Проект ТРАСЕКА, осуществляемый под руководством ЕС, является политически ангажированным и направлен на изоляцию России от транзитных потоков, следующих в Европу. Напротив, китайский проект ОПОП предполагает формирование всеобщего инфраструктурного и деполитизированного регионального комплекса, а факт обхода России в случае с маршрутом «Шелковый ветер» свидетельствует о желании Китая создать диверсифицированную систему транзитных маршрутов торговли с Европой, а не об изоляции как таковой. Таким образом, реализация проекта ОПОП должна принести положительные плоды для России, Турции и членов ЕАЭС, поскольку они присоединятся к панрегиональному инфраструктурному партнерству, которое в долгосрочной перспективе может заложить экономическую основу проекта «Большая Евразия» [9, 27].

Перечисленные проекты рассматриваются преимущественно в региональном аспекте, а их детали наглядно свидетельствуют об уязвимости стратегического двустороннего партнерства между Россией и Турцией. Иными словами, сотрудничество и соперничество являются неотъемлемой частью российско-турецких взаимоотношений, требующих комплексного и многостороннего подхода, который позволил бы трансформировать интересы России и Турции в полноценное партнерство.

Литература:

1. Углубление российско-турецких отношений: Доклад 41/2018 / [А.В. Картунов и др.; Э. Эршени др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НПСМД, 2018. – 128 с.

2. Койбаев Б.Г. Южный Кавказ и Россия в современных международных отношениях // Кавказ в отражении мировой истории. – 2017. – С. 128-131.
3. Гаспарян Д.М. Южный Кавказ как перекресток международных интересов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2018. – № 93.
4. Дружинин А.Г. Российско-турецкие отношения в постсоветском евразийском контексте: экономические факторы, тренды, перспективы // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 4 (92).
5. Бдоян Д.Г. Периоды трансформации российско-турецких отношений // Вестник МГИМО. – 2017. – № 4 (55).
6. Давтян В.С. Транспортно-логистические инициативы России на Южном Кавказе // Россия XXI. – 2018. – № 2. – С. 6-27.
7. Сафронова Е.И. XIX съезд КПК, проект ОПОП и отношения Китая с развивающимся миром // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2018. – № 23.
8. Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь [ред. И. Иванов], Москва: Российский совет по международным делам. – 2017. – 38 с.
9. Папава В. Сравнительные преимущества стран Центрального Кавказа: потенциальные, реализованные и упущенные возможности // Кавказ и глобализация. – 2016. – № 1.

*Четвериков Александр Александрович,
студент, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)*

СТОЛКНОВЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ФОНЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

Официальным годом начала европейского миграционного кризиса считают 2015 год. Его связывают с существенным увеличением количества беженцев и нелегальных мигрантов на территории Европейского Союза. В рамках проводимой Европейским Союзом миграционной политики распределение такого количества мигрантов стало существенной проблемой, которая вызвала кризисную ситуацию. Только за 2015-2016гг. количество прошений о предоставлении политического убежища значительно возросло и составило 1.323.485 млн и 1.221.480 млн прошений соответственно [1]. В 2017 году ситуация с беженцами несколько стабилизировалась, но кризисная ситуация не была решена. До сих пор кризис находится в подвешенном состоянии.

Согласно статистическим данным ООН о миграции, на 2019 год в мире проживало 272 млн мигрантов [2]. В Европе живет 81.6 млн мигрантов, что составляет 30% от общего мирового числа мигрантов [3]. Более 7% мигрантов от этого числа переправилось в Европу именно в рамках миграционного кризиса. Начало европейского миграционного кризиса в

2015г. ознаменовалось увеличением уровня нелегального пересечения границ на 642.67%, что сильно сказалось на национальной безопасности стран Европейского Союза и увеличило количество политических противоречий внутри объединения.

Важные решения относительно миграционного кризиса перестали быть исключительной прерогативой государств и стали приниматься на уровне всего Европейского Союза. Традиционная миграционная система ЕС, включающая Шенгенское соглашение и Дублинское регулирование, показала свою неспособность принятия большого потока мигрантов и беженцев. На этом фоне произошло столкновение европейских политических взглядов. Европейские государства резко разошлись во мнениях на необходимость приема мигрантов и беженцев. Миграционный вопрос стал неотъемлемой частью программы каждой европейской политической партии.

Сторонниками привлечения миграционных потоков в Европу выступают левые политические силы, руководствуясь принципами гуманизма и верховенства прав человека [4]. На их взгляд, в миграционном кризисе виновато несовершенство миграционной политики Европейского Союза и проблемы капитализма. Помимо этого, левые стараются привлечь внимание к проблеме социального демпинга, когда мигрант трудится с более низкой зарплатой и в худших условиях, что показывает несовершенство экономической системы.

Ярким представителем левого фланга в Европейском Союзе является Жан-Люк Меланшон, лидер движения «Непокоренная Франция». Меланшон активно лоббирует интересы мигрантов и видит в них перспективы, а не угрозу. Еще одним ярким сторонником привлечения мигрантов является Ангела Меркель. Она подчеркивает важность поддержания принципов равенства для всех, включая мигрантов и беженцев. В Испании таким деятелем является председатель правительства Педро Санчес. Он утверждает, что не может позволить безразличие по отношению к беженцам. Чаще всего поддерживают мигрантов в таких государствах, как Франция, Германия, Испания, Бельгия, Голландия.

С началом миграционного кризиса, в Европейском Союзе новыми красками заиграло развитие правых политических партий, обусловленное возросшими интересами коренного населения в снижении количества миграционных потоков [5]. Правые партии активно используют этот факт, заигрывая с потенциальным электоратом. Таким образом, растет актуальность правого популизма.

Ярким представителем правого фланга в Европейском Союзе является Себастьян Курц, Федеральный канцлер Австрии. Помимо этого, правый популизм поддерживает и Хайнц-Кристиан Штрахе, бывший вице-президент Австрии. В Италии активно взаимодействуют с правыми популистами Сильвио Берлускони и Маттео Сальвини. На данный момент негативное отношение к мигрантам наблюдается в большем количестве государств – Австрии, Италии, Польше, Венгрии, Дании, Греции, Хорватии, Словении.

Самым ярким столкновением европейских политических взглядов на фоне миграционного кризиса можно назвать процесс «Brexit» [6]. Несмотря на то, что миграционная политика однозначно не единственная причина выхода Великобритании из союза 1 Февраля 2020г, она точно повлияла на принятие окончательного решения. Подробнее исследуя европейское политическое пространство, можно сказать, что многие страны Европейского Союза недовольны современной миграционной системой, как на региональном уровне, так и на глобальном. К данному недовольству подключаются не только избранные политические элиты, но и обширные слои населения, преследующие анти-миграционные настроения. На первую половину 2020г. становится ясно, что многие страны изъявляют негласное желание выхода из Европейского Союза и миграционный кризис является одним из катализаторов появления данного желания. Вполне вероятно, что на этой почве можно ожидать процессы «F Brexit», «Swexit», «Dexit» и подобные. Вероятно, что после разрешения ситуации с коронавирусом, приоритеты государств относительно миграционной политики европейского союза подвергнутся радикальной трансформации.

За пять лет с момента начала кризиса изменилось многое. Даже левые партии и движения постепенно приходят к необходимости пересмотра своих ценностей активного приема беженцев. На данный момент система принятия решений ЕС относительно миграции балансирует между правыми и левыми взглядами, стараясь показать свою гибкость. К таким “компромиссным” решениям относятся:

- Создание определенных центров приема мигрантов в инициативных государствах – Италии и Греции;
- Реформирование регулирования, определяющего в какое именно государство, будет распределен беженец;
- Пересмотр системы выдачи государствам квот на количество мигрантов и беженцев.

Данные решения позволяют Европейскому Союзу балансировать на стыке различных политических взглядов. COVID-19 временно снизил миграционные противоречия на европейской политической арене, но после разрешения ситуации с вирусом, можно рассчитывать на их возобновление.

Литература:

1. Asylum and first time asylum applicants by age [Электронный ресурс] // Статистический портал «Eurostat». Режим доступа: <https://bit.ly/3fr0viK>
2. Total number of international migrants at mid-year 2019 [Электронный ресурс] // Статистический портал «Migration Data». Режим доступа: <https://bit.ly/2z8RQR1>
3. Миграция [Электронный ресурс] // Официальный портал «ООН». Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration>

4. European Left: Who we are [Электронный ресурс]: официальный сайт «European Left» // Режим Доступа: <https://www.european-left.org/who-we-are/>

5. Europe and right-wing nationalism: A country-by-country guide [Электронный ресурс]: официальный сайт «BBC» // Режим Доступа: <https://www.bbc.com/news/world-europe-36130006>

6. Великобритания: Референдум о выходе из ЕС и проблема иммиграции [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «CyberLeninka». Режим доступа: <https://bit.ly/3g2DcvM>

*Шкор Олеся Александровна,
студент, Экономический факультет,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ПО ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Одним из базовых компонентов рыночной экономики является малый и средний бизнес. Это один из важнейших способов ведения предпринимательской деятельности. На 2018 год, доля малого и среднего бизнеса в российской экономике составляла более 20%. Последние 5 лет государство активно поддерживало и стимулировало эту отрасль экономики. Регулирующим документом в данной области выступает Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации 2016 года [1], нацеленная на развитие отрасли до уровня зарубежных стран (повысив их дол до 40% от общего бизнеса) к 2030 году. Также под данную задачу был составлен отдельный Национальный проект [2].

Тем самым вектор развития малого и среднего бизнеса был направлен на поступательное и планомерное развитие отрасли, увеличение ее доли и значимости в отечественной экономике, но 2020 год коренным образом внес коррективы в эти планы. В силу некоторых особенностей и незащищенности именно эта отрасль предпринимательской деятельности особенно уязвима и от этого оказалась наиболее пострадавшей отраслью экономики. Пандемию COVID-19, можно смело назвать «черным лебедем» [3] по уровню ее непредсказуемости и воздействия на экономику. Самым главным ее итогом для экономики стало сокращение рыночного предложения и параллельного сокращения спроса. Введение карантинных мер привело к сокращению производства, закрытию многих предприятий их банкротству или сокращению численности сотрудников.

В этих условиях, государству было необходимо резкое изменение действующей социально-экономической стратегии поддержания малого и среднего предпринимательства. Было необходимо принятия уже антикризисной, а не поступательной стратегии. Вопрос стал не о развитии экономики, а о ее восстановлении и минимизации последствий с учетом

всесторонней поддержки субъектов малого и среднего бизнеса. Одним из первых нормативных документов в этой области стало постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 [4], определившее основные отрасли, пострадавшие от введения карантинных мер. Это было сделано для дальнейшей проработки шагов по поддержанию экономики и определению действительно необходимых действий. Тем самым определилась одна из главных характеристик предпринимаемых мер – их адресность, направленность на пострадавшие секторы экономики, а не на весь рынок в целом.

Если говорить о конкретных мерах предпринятых государствах для поддержания малого и среднего бизнеса, то ключевым шагом стал ряд постановлений Правительства РФ, опубликованных в апреле месяце [5]. Прежде всего, они декларируют введение налогового послабления, через продление сроков уплаты налогов. Следующим шагом стала приостановка проверок и взысканий от ФНС, а также пролонгирование срока предоставления отчетности и приостановка введения штрафов за непредоставление документов.

Отдельным блоком поддержки выступили меры в области кредитования представителей малого и среднего бизнеса. В их числе: предоставление кредитных каникул на срок до 6 месяцев, для предпринимателей понесшим значительные финансовые потери из-за пандемии, а также возможное предоставление отсрочки по взносам и кредитам; предоставление льготных программ кредитования; беспроцентные кредиты на выплату заработной платы; рефинансирование кредитов.

В качестве поддерживающих мер еще стоит отметить, отказ от индексации страховых взносов на период до 2021 года, введение моратория на банкротство, отсрочка арендной платы.

Основная цель государства в этих условиях было не бесконтрольное вливание средств, а поддержание самой отрасли и её работников, за счет стабилизации доходной части населения. Необдуманная перекачка денежных потоков, в конечном счете, привела бы лишь к увеличению инфляции в экономике. Главное было – стабилизировать рынок. В максимально возможной мере сохранив уровень предложения со стороны представителей малого и среднего бизнеса, а также приостановка падения уровня спроса, тем самым обеспечив динамичное развитие рыночных отношений [6, 1327].

Двойственность реализуемых действий, проявляется в желание федерального центра поддержать субъекты РФ, но с другой стороны роль самих муниципалитетов по поддержанию малого и среднего бизнеса продолжает оставаться пассивной. И распределение финансовой помощи происходит на основе понесенного в результате пандемии ущерба, а не общим уровне «бюджетных разрывов».

Если говорить об общей стратегии государства по поддержанию малого и среднего бизнеса, то целостного и единого общенационального плана так и не было создано. Правительство РФ выбрало путь введения отдельных

антикризисных нормативно-правовых актов, направленных на восстановление экономики. Причина выбора такого пути – оперативное принятие решений и введения мер необходимых для решения действующих проблем. Но именно это является как и плюсом, так и главным недостатком предпринимаемых мер. Все они направлены на разрешение проблем, а не на их предупреждение, и все они несут лишь кратковременный характер (большинство мер рассчитаны на полгода и продлены до окончания 2020 года).

Таким образом, выстроенная государством антикризисная стратегия может добиться лишь временного и частичного разрешения последствий, возникших в результате пандемии COVID-19. Для восстановления экономики и ее дальнейшего развития, необходимо принятие расширенных мер по поддержанию малого и среднего бизнеса, а также введения плана развития, рассчитанного на долгосрочную перспективу.

Литература:

1. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) // СПС «Консультант-Плюс»

2. Паспорт национального проекта "Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. N 16))

3. Талев Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талев; пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; под ред. М. Тюнькиной. - М.: Изд. «Колибри», 2009. - 528 с.

4. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. N 434 "Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции"

5. Меры поддержки бизнеса [Электронный ресурс] //Стопкоронавирус.рф: Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19), 2020. – URL: <https://xn--80aesfpebagmflbc0a.xn--p1ai/what-to-do/business/> (дата обращения: 01 ноября 2020 года).

6. Бухвальд Е. М. Переживет ли малый бизнес России шок 2020 года? // Экономика, предпринимательство, право. 2020. № 5. С. 1319–1336.

Тунаев Андрей Васильевич,
*к.полит.н., старший преподаватель,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)*

ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕПРЕССИИ – ДИАГНОЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Как охарактеризовать современное политическое состояние России? Какие политические тренды в общественном мнении прослеживаются в последние три года? Данные вопросы в первую очередь лежат в плоскости потребности и возможности реализации политического участия граждан. Прошедшие выборы осенью 2020 года продемонстрировали низкую явку и нежелание людей участвовать в политике. Для легализации выбранных губернаторов и депутатов были реализованы стратегии имитации интереса к происходящим политическим процессам: как стандартные для России в виде административного ресурса, так и технологии, позволяющие скрывать принадлежность кандидатов к правящей партии и действующей власти с целью повышения уровня доверия.

Особого внимания заслуживают протесты в Хабаровске. После снятия губернатора Фургала С.И. произошел всплеск гражданской активности, выразившийся в массовых неразрешенных митингах, на которых звучали требования как к судебному процессу над губернатором, так и вопросы недоверия власти и федеральному центру. Даже оставшись без должного внимания федеральных СМИ (за исключением телеканала «Дождь») и не получая моральную поддержку в виде пробуждения общегосударственных форм гражданской активности, жители Хабаровского края продолжают выходить на несанкционированные митинги, рискуя быть задержанными и привлеченными к административной или уголовной ответственности.

В сентябре 2021 года нас ожидают выборы в Государственную Думу – это принципиальное с многих позиций политическое действие. Во-первых, от того, как пройдут выборы, зависит будущая стратегия президентской кампании. Во-вторых, выборы станут маркером оценки социальных событий гражданами, а также продемонстрируют эффективность современных политических и экономических процессов. В-третьих, не следует отрицать возможность активизации гражданского протеста несогласных с результатами выборов.

Перед властью стоит непростая задача: рейтинги «Единой России» находятся на минимальных значениях за все время существования партии, доверие граждан ко всей политической системе неуклонно снижается, а единственным гарантом стабильности остается президент, но хватит ли его ресурса доверия для сохранения доминирующих позиций в нижней палате Парламента «партии власти»? Утрата контроля над Государственной Думой в сложившейся конъюнктуре политической системы – смерти подобно. Дело

даже в том, что Президент не сможет с легкостью проводить законодательные инициативы, а в том, что за последние 20 лет политическая система настолько перестроилась, что выдавила всякий реальный плюрализм из высших государственных органов власти. Неподконтрольная существующей политической группе Государственная Дума будет свидетельствовать о начале системного кризиса выстроенной модели политического управления в России, естественно, такого развития событий допустить никак нельзя.

Однако и для власти, и для оппозиционно настроенных групп необходимо политическое участие граждан, а с данным ресурсом в современной России есть определенные проблемы. Следует отметить, что для власти политическое участие необходимо, чтобы легализовать результаты выборов, парадоксально, но для оппозиции этот ресурс необходим для противоположных процессов, а именно: поставить под сомнение выборный процесс и его результаты. Так или иначе, от россиян потребуются политическая воля – готовы ли граждане ее проявить...? По мнению российского политолога Г. Павловского, которое он высказывает в программе «И так далее с Михаилом Фишманом» [1] на телеканале «Дождь», современная политическая система России находится в разваленном состоянии, что приводит к появлению новых субъектов и групп, способных принимать политические решения, и увеличивает количество различных политических стратегий, а российское общество находится в политической депрессии и не желает активно действовать в сложившейся системе. Отмечает такое состояние и Л. Гудков: «Сегодня мы переживаем спад массовых настроений, обозначивший конец Крымской мобилизации. Пять лет общество находилось в состоянии возбуждения, патриотической гордости, переживания своей силы» [2]. В настоящее время нарастает состояние недовольства и раздражения политическими процессами. Общая социальная депрессия усугубляется кризисом российской экономики, падением реально располагаемого дохода, а также ростом цен. Естественно, свой след оставила и пандемия в виде сокращения субъектов малого бизнеса, демонстрации отсталости российской медицины и отсутствием должной поддержки со стороны государства пострадавшим экономически от lockdown.

Однако на данном этапе рассуждений следует задаться вопросом о том, так ли неуютно власти состояние политической апатии и депрессии? Если избирательная кампания требует участия граждан для легализации результатов, то политическая активность граждан в межвыборный период неминуемо приводит к критике власти. Исходя из этого, можно сделать вывод, что политическая депрессия выгодна власти, так как любой политический запрос со стороны общества приводит к осознанию неэффективности не только демократических институтов, но и подрывает идеи, постоянно декларируемые в первую очередь президентом, об эффективности государственного управления, справедливости выборов и т.д.

Власть сформировала устойчивое убеждение, что политика не формируется и не определяется в процессе выборов. Последние 20 лет возрастало количество людей, воспринимающих выборы, преимущественно президентские и парламентские, как одобрение общего политического курса, не вникая в частности избирательных кампаний. Власть, культивируя политическую апатию, предполагая, что тем самым страхует себя от проявлений гражданской активности, получила массу негативных последствий, конечно, в первую очередь не для себя, а для российского общества. Существующее состояние политической депрессии в современном российском обществе характеризуется следующими проявлениями:

– перманентное нарастание недоверия к демократическим институтам политического участия и в общем к конституционным основам республиканского правления и правового государства;

– индифферентное отношение к стратегиям и моделям развития российского государства, а также к различным видам стимулирования со стороны власти экономической, политической и гражданской деятельности, во многих действиях по улучшению жизни людей, гражданами отмечается имитационный характер такой деятельности;

– власть и общество все основательнее укрепляются по разным сторонам баррикад, чему способствует абсурдность современной российской политики, а также идеологизация политического процесса, призванная обосновать легитимность власти историческими событиями и мифотворчеством. Нарастает идеологическая политизация, которая не позволяет взглянуть на проблемы с позиции консолидированных ценностей.

Это далеко не полный ряд проблем, с которыми сталкивается современное российское общество в силу нахождения в состоянии политической депрессии. Можно с уверенностью констатировать, что в России все больше утрачивается понимание политики как одной из принципиальных сфер для согласования общественных ценностей, идей и будущего между гражданами страны. Приближающиеся выборы 2021 года и 2024 года явно потребуют от власти стратегий мобилизации граждан для политического участия. Какими методами это будет реализовано и к каким последствиям приведет – покажет ближайшее будущее.

Литература:

1. И так далее с Михаилом Фишманом // Телекомпания Дождь. Эфир от 04.12.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=mtWzPJ3y2OA> (Дата обращения: 5.12.2020).

2. Гудков Л. О трендах российского общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/04/09/o-trendah-rossijskogo-obshhestvennogo-mneniya/> (Дата обращения: 06.12.2020).

Секция № 3. «ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ»

*Арутюнов Антон Георгиевич,
член Совета по развитию регионов РАПН (г. Москва)*

ТЕХНОЛОГИИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ В МОСКВЕ

Москва всегда представляла собой специфический регион, с точки зрения возможности применения электоральных технологий. Это обусловлено многими особенностями города федерального значения Москва. К таким особенностям относятся высокая плотность населения субъекта, высокая протестная активность, столичный статус региона, непосредственная близость федерального центра. Кроме того, события, происходящие в Москве, часто воспринимаются как некоторый образец для подражания и трансляции этой модели поведения в другие регионы России. Все эти факторы не могут не сказываться на рынке политических технологий, влияющих на электоральную конкуренцию в Москве. Также стоит отметить специфику московского рынка политтехнологий и политического консалтинга. Большинство крупных полит. консалтинговых фирм зарегистрировано в Москве, имеют свои офисы именно в столице, а также большинство специалистов в этой области физически находятся в Москве. Наконец, большинство выпускающих кафедр политологии (заметим, ведущих) находятся в столичном регионе.

Поэтому палитра применяемых электоральных технологий весьма разнообразна и при этом специфична. Особо показательными для анализа применения электоральных технологий являются избирательные технологии, применённые на следующих этапах: во-первых, эта избирательная кампания 2019 года – выборы в МосГор Думу, во-вторых, это избирательная кампания 2017 года – муниципальные выборы, в-третьих, это, конечно же, выборы мэра Москвы в 2018, а также в 2013. Именно эти кампании были наиболее ярко окрашены как протестной активностью, так и своеобразием применения политических технологий, многие из которых были применены впервые в России. Стоит отметить, что применение в Москве передовых для своего времени электоральных технологий является весьма старым трендом, даже в советский период Москва была центром создания и применения этих технологий, которые порой принимала весьма необычные форму, к примеру, легендарная монументальная пропаганда [1].

Отметим, что на принципиально новый уровень выходят технологии, связанные с пиаром. Все ведущие пиар службы как городских властей, так и объединений оппозиции уделяют этому много внимания. Классические пресс-службы продолжают эффективно работать, сочетая в себе методы старого стиля, а именно рассылка пресс-релизов, создания пресс-клубов и

рассылка пост-релизов, и методы нового стиля: активная работа в социальных сетях, перенос всех значимых анонсов и отчётов в интернет пространство, активная работа с аудиторией. Интернет-пиар выходит на первый план. SMM-технологии становятся ведущими и очень востребованы на рынке. Продвижение страниц кандидатов выходит на небывалую высоту, как с точки зрения охвата аудитории, так и точки зрения инструментов продвижения. Самые популярные ресурсы для создания официальных страничек – Вк, Фейсбук, Одноклассники. Твиттер не столь популярен, телеграмм каналы ведутся в основном оппозиционными политиками, хотя последнее время всё более распространяются. Ватсапп группы не пользуются популярностью в целом.

Особо стоит отметить так называемое «умное голосование», примененное на выборах 2019 года, штаб Навального выпустил рекомендованный список оппозиционных депутатов, за который стоит голосовать. Это весьма интересный метод, он построен на том, что определённая часть электората проголосует так как ей скажет лидер общественного мнения. Способ относительно оправдал своё применение и, тем не менее, его результаты сложно оценить, так как в основном рекомендательный список состоял из представителей партии КПРФ, основной электорат которых не смотрит Ютуб.

Кроме всего, стоит отметить, эволюцию агитационных технологий в сфере распространения и транслирования информации, а именно печатной продукции. Конечно, кандидаты полностью не отказались от старых листовок, плакатов, афиш и билбордов, но теперь они не занимают главенствующее положение в этой сфере. На первое место выходят такие печатные продукты как: ролл-аппы и пресс-волы. Ролл-аппы удобны для переносов, они могут быть использованы как внутри любых помещений, так и на улице. Они применяются на митингах, но могут быть использованы как демонстрационная продукция на встречах с кандидатом, на пункте сбора подписей, концерте, организованным кандидатом и так далее. Некоторые кандидаты в МосГор Думу 2019 года использовали его на подворовых обходах. Пресс-волы так же применялись в кампаниях, однако их чаще используют на более масштабных мероприятиях. Особого внимания заслуживают так называемые «избирательные кубы», которые представляют из себя чаще всего действительно кубы (иногда форма меняется, но всё равно остаётся объёмной) с агитационными ресурсами. Впервые в Москве они были применены Навальным на мэрских выборах 2013 года [2], однако есть ряд политиков, оспаривающих первенство. Так же уличная агитация тоже трансформируется. На первое место выходят плакаты, размещённые не у подъездов, а у остановок. Более того, именно использование рекламных мест у остановок становится одним из самых эффективных. Классические политические листовки тоже сохраняются, но способ их раздачи модифицируется, к примеру, в последнее время полностью отказались от

бездумного оставления их в супермаркетах. Теперь применяется только адресная раздача на мероприятиях.

Городские власти применяют разные технологии стимулирования политической активности граждан. В том числе власти города создают виртуальное сопровождение политической жизни города, это можно проследить по официальным сайтам и порталам города Москвы [3].

Стоит отметить, что, конечно же, использовались и используются теневые технологии. Причём их палитра очень многообразна и составляет достойную конкуренцию легальным. Разберём использование «административного ресурса». Конечно же, привлекались к голосованию сотрудники муниципальных и региональных структур, а также коммерческих структур, тесно связанных с обслуживанием городской инфраструктуры. Однако, отмечается, что фактор административного ресурса несколько спадает, если в предыдущие годы отмечались случаи жесточайшего давления на учителей и врачей районных больниц и поликлиник, то в последние годы таких случаев становится всё меньше. Тем не менее, как и раньше отмечаются случаи массового голосования сотрудников ГБУ «Жилищник» и некоторых других около государственных и близких к муниципальным структурам.

Другой «чёрной» технологией можно считать различные способы сбора подписей на этапе выдвижения. При чём, «чёрной» её можно считать и со стороны отождествляющих себя с властью групп, и со стороны оппозиции. Со стороны окол властных групп использовался фактор муниципального фильтра как довлеющий и контролирующий механизм. С помощью подписей достаточно легко отказать кандидату в регистрации, так как с одной стороны, требования к подписям чрезвычайно жёсткие, а, с другой стороны, существуют не регламентированные нюансы, но используя и ссылаясь на них, то же можно не признавать весь подписной лист. Кроме того, даже процент брака может быть использован как причина отказа. Тем временем, оппозиция тоже может использовать фактор бракованных подписей для себя, а именно недопуск кандидата то же может стать событием, и, более того, это может стать информационным поводом, который может спровоцировать протесты и создать имидж и узнаваемость политику, иногда оппозиционные кандидаты прибегают к заведомо неправильному сбору подписей.

Таким образом, спектр электоральных технологий, применяемых в Москве очень широк, является самым большим в России и является примером для других регионов.

Литература:

1. Зиновьева Ольга Андреевна Унаследованные политические технологии: монументальная пропаганда сталинской Москвы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2010. №1 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/unasledovannye-politicheskie-tehnologii->

monumentalnaya-propaganda-stalinskoy-moskvy-1 (дата обращения: 07.12.2020).

2. Комаровский Владимир Савельевич, Железова Марина Сергеевна Организационно-технологическое обеспечение избирательных кампаний регионального уровня (на примере Москвы и Кировской области) // PolitBook. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-tehnologicheskoe-obespechenie-izbiratelnyh-kampaniy-regionalnogo-urovnya-na-primere-moskvy-i-kirovskoy-oblasti> (дата обращения: 08.12.2020).

3. Михайлова Екатерина Владимировна Опыт правительства Москвы в применении смарт-технологий для модернизации городского управления // Власть. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-pravitelstva-moskvy-v-primenenii-smart-tehnologiy-dlya-modernizatsii-gorodskogo-upravleniya> (дата обращения: 09.12.2020).

*Печёнкин Сергей Алексеевич,
студент 3 курса направления подготовки «Политология»,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)*

ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В последние годы появилась тенденция к увеличению протестной активности в различных странах мира. Современные политические протесты отличаются появлением новых форм выступлений, демонстраций, способами выражения мнения, механизмами распространения, что показывает актуальность исследований в данной области.

Политический протест – форма политической активности человека, которая выражается в непринятии какого-либо решения или ситуации в государстве. По сути, это ответ на действия властей, как правило воспроизводящийся в офлайн формате в виде митингов, шествий, пикетов, забастовок и т.д. Но в связи с тем, что в информационную эпоху интернет оказывает всепроникающее воздействие, то и в формы протестов это тоже привнесло некоторые изменения. Поэтому важной чертой современного политического протеста является его **технологичность**, которая подразумевает использование новых технологий для помощи в формировании каналов коммуникаций с людьми, создания визуализационной составляющей протестов. Это плотно связано с общей тенденцией перехода деятельности человека в онлайн-формат. Предлагаю выделить основные достоинства виртуальной активности граждан.

Контроль за ходом и организация происходит в **сетевом формате**, которая позволяет **консолидировать разнородные** социальные группы вокруг определённой проблемы ввиду **простоты**, а главное **быстроты** распространения информации среди людей. Данные формы протестов тяжело

прогнозировать и тяжело **противодействовать** или **подавлять**. Можно отметить, что «сетевые» протесты способны **формироваться небольшой группой лиц**, которые не обязательно должны располагать большими **материальными (денежными) или политическими ресурсами**. Один из главных юридических достоинств для участников таких форм протеста является **безнаказанность** подобных деяний. К примеру, если выйти на несанкционированный митинг в очном формате, то есть шанс быть привлечённым по статье 20.2 КоАП РФ, что предполагает наложение санкций, а в виртуальном поле, в котором часто протестный формат протекает анонимно, привлечь нельзя в виду отсутствия подобного закона для виртуальной сети.

Но существуют некоторые проблемы данной формы протеста, которая выражается в социальных факторах и в вопросе наличия площадок для протеста. Учитывая безнаказанность выражения мыслей, может сложиться **ложное впечатление анонимности**. Поэтому недопустимо возбуждение ненависти или вражды, а необходима работа в конструктивном правовом поле, поскольку возможны последствия, связанные с работой правоохранительных органов. Так же государство использует способы **блокировки различных нежелательных ресурсов**, из-за чего возникает **дефицит массовых площадок**. Имеет так же влияние социально-возрастной фактор, который подразумевает, что активное число пользователей интернета состоит из молодых людей преимущественно из города, поэтому в случае разрастания протеста, он может не найти поддержки у другого населения. Ну и в виду того, что факт того, что недовольство выражается в интернет формате может возникнуть **неуверенность** в том, что это перейдёт в офлайн формат. Поэтому мне кажется, что здесь играет роль некой **угрозы, которая выражается в формуле «Если – в таком случае»**, но при этом прежде всего протестующие должны предупреждать свои намерения и стараться не нарушать правовое поле России. Предлагаю рассмотреть виртуальные митинги на примере событий апреля во время первой короновирусной волны, что достаточно актуально учитывая то, что в настоящее время наблюдается уже вторая волна и существует некоторая вероятность повторения подобных сценариев.

Для начала отмечу, что распространение этого феномена по России тесно связан с фактором пандемии и некоторой разочарованностью оппозиции на митингах 2019 года ввиду низкой эффективности, поэтому требовалось искать новые форматы. Данный прецедент скорее можно считать «первым блином», или первым опытом.

21 апреля прошли активные виртуальные митинги по всей стране в связи с ужесточением мер противодействие короновирусной инфекции. Граждане, используя анонимные аккаунты в Яндекс.Картах, 2ГИС стали оставлять примечания возле зданий правительства в своём регионе. Данная акция прошла в Ростове-на-Дону (откуда и это началось), Москве, Уфе, Смоленске, Екатеринбургe, Санкт-Петербургe и в других крупных городах.

Что бы оценить масштаб, стоит посмотреть количество сообщений, отправленных в «Разговорниках» с 19.00-21.00, то выходило более 12 тысячи сообщений, это около 100 сообщений в минуту, все обращения были направлены на послабления мер, которые были введены в регионах, в частности задавались вопросы о пособиях и зарплатах, а также о цифровых пропусках. Через некоторое время модераторы удалили подобные замечания, а также ввели ограничение на дистанционного оставление «комментария о дороге» из-за того, что они мешают пользоваться картами и не имеют отношение к темам дорог. Но это лишь усилило волну резонанса и её подхватывали другие города, и выставило администрацию Яндекс в сговоре с правительством.

Благодаря тому, что данный митинг проходил онлайн, сторона протестующих не понесла каких-либо потерь и никто не пострадал, а в некоторых субъектах на подобную форму выражения своего мнения отреагировали губернаторы или правительство. Что нельзя сказать о подобных выступлениях, например, в Северной Осетии, где были задержаны около 100 человек. При сравнении этих двух эпизодов протестов, можно сделать сказать, что виртуальный формат намного предпочтительнее как для чиновников, так и для граждан, поскольку для них не предусматривается наложение каких-либо санкций, почти не требуется никаких ресурсов (как временных, так и денежных), а также таким образом может быть проще составить обращение к власти в связи с какой-либо ситуацией. Реакция со стороны власти тоже носит разный характер, если рассматривать инцидент с Осетией, то пресс-секретарь Дмитрий Песков дал неодобрительную оценку действиям демонстрантов как «несознательной» и противоправной. А вот насчёт факта виртуального митинга, было заявлено об активном отслеживании и обращении внимания к проблемам населения, решая их.

Стоит обратить внимание и на опасность подобных выступлений. Если проводить сравнение с очным форматом митингов, то там протестующие выказывают своё недовольство «ногами», не всегда понимая, что они вообще тут делают, а вот в Сети ситуация обстоит иначе. Поскольку для участия в виртуальном митинге требуется только доступ к интернету и немного времени – это позволяет набирать большее количество сторонников благодаря быстрому распространению информации, отчётливо выделяя несогласных с решениями власти. Сейчас большую роль играют интернет-каналы, которые занимаются не организацией протестов, а являются источником информирования о сложившейся ситуации. А виртуальные митинги – это уже своеобразный ответ на информацию. Эти выступления могут возникнуть не только в такой сети как Яндекс, но и на других платформах, с более лояльной администрацией, которые не будут пресекать распространение недовольных комментариев, и данная форма протеста способна существовать в долгосрочной перспективе.

Таким образом, главная проблема виртуальных митингов кроется в том, что он может не выйти за рамки интернет пространства и лишь обращён

к вниманию к какой-либо проблеме. Возможно, они могут иметь большую эффективность будучи подготовительной частью уличной активностью. Так или иначе, но виртуальные акции являются перспективным форматом воздействия на власть, но который нуждается в доработке. Мне кажется, что данный феномен будет изменяться и дополняться различными формами бойкотирования подконтрольных государственных Интернет-ресурсов, или же с помощью какими-либо информационными забастовками, но это мы увидим со временем.

*Поживотько Александра Юрьевна,
магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики» (г. Москва)*

ЗАЩИТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ В РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ 2020 Г.

Защита политических прав была и остаётся одной из самых важных отраслей общественной деятельности. Она присуща как развитым, так и развивающимся странам, и, более того, правозащитная деятельность в области правоприменительной практики является также актуальной научной проблемой как со стороны юридических, так и со стороны политических наук. В то же время, в контексте активных общественных изменений, произошедших в 2020 г., проблема защиты прав становится ещё более актуальной, в виду нарастания сложных политических, эпидемиологических и иных серьёзно влияющих на общество процессов.

В качестве первого тренда 2020 года, оказывающего влияния на правоприменение политических прав и на правозащитную деятельность является всплеск заболеваемости COVID-19, наблюдаемый в разных странах мира. Эта проблема может быть рассмотрена в фокусе антиглобалисткой и правоприменительной повестки, а также, с точки зрения конструирования и создания новых норм права, вызванных необходимостью быстрой реакции представительных органов власти на меняющиеся условия. Первая и одна из основных проблем этого фактора – это вопрос ограничение прав граждан на собрания, которое порой приобретает необычные формы. Это может быть полный запрет на собрания в очной форме, тогда политические акции переходят, в основном, в онлайн формат. Однако существуют и более радикальные случаи, когда запрет на общественные собрания приводил к большим, несанкционированным акциям. Отметим, что в разных странах эта мера была несколько различна, так могли вводиться нормы: разрешение собраний до определённого числа участников (3, 5, 6 и т.д.), разрешение собраний, но с соблюдением эпидемиологических мер (средства защиты, социальная дистанция и т.д.), а также некоторые другие варианты. Большое внимание уделяется вопросу средств защиты, их ношению и регламентации

их использования. Эти меры могут быть восприняты как дискриминирующие в отношении людей, с ограниченными возможностями, для которых эти меры могут нанести ущерб их здоровью, а также некоторые религиозные меньшинства могут посчитать ношение средств защиты оскорбительным. Наконец, особого внимания заслуживает вопрос введения законодательных новелл в избирательное право (как на уровне законов, так и на уровне подзаконных актов). К примеру, можно назвать специфические условия голосования – многодневное голосование в России, почтовое голосование в Польше, остановка и попытка нового запуска ограничительных мер в Сербии. Обобщая, можно сказать, что эпидемия коронавируса 2020 года оказала существенное влияние на все сферы жизни [1].

Другим, более локальным трендом является политическая ситуация, возникшая в связи с Общероссийским голосованием по поправкам к Конституции Российской Федерации, проходившее в июле 2020 года. В целом, само голосование, с точки зрения электоральных процедур, их чистоты и итогов, проходило по единой модели в большинстве субъектов РФ, однако имелись некоторые региональные электоральные аномалии [2, 21]. Отметим, что сами поправки в Конституцию России напрямую не касались правозащитной тематики или проблем правоприменения, но имеют важнейшее последствие и для этой сферы. Во-первых, поправки открывают новое поля для защиты прав животных в России. Во-вторых, поправки влияют на назначение и избрание на должности ряда ключевых политических должностей, а также создают принципиально новые органы. В-третьих, сами поправки не были однозначно восприняты всеми политическими акторами, что также вызвало большую общественную дискуссию, которая сама по себе ценна как феномен общественной жизни и объект изучения правоприменения уже внутри неё.

Таким образом, на основании некоторых рассмотренных нами трендов 2020 года, мы можем сделать вывод об актуализации вопросов защиты политических прав и рассмотрения вопросов правоприменения даже в тех областях, где ранее эта сфера не была столь востребована.

Литература:

1. Плещенко В.И. Между традициями и виртуальной реальностью: эпидемия коронавируса как катализатор изменений в культурной сфере // Кибернетический журнал. 2020. №2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-traditsiyami-i-virtualnoy-realnostyu-epidemiya-koronavirusa-kak-katalizator-izmeneniy-v-kulturnoy-sfere> (дата обращения: 24.09.2020).
2. Нестерчук О.А., Дьячковский С.Н., Арутюнов А.Г., Сизов В.О. Общероссийское голосование по поправкам к конституции России 2020: агитация, ход голосования, итоги, региональные особенности // The Newman in Foreign policy. vol. 4. №. 55 (99). 2020.

*Кузнецков Михаил Евгеньевич,
магистр 1-го года обучения,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (г. Москва)*

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современный политический процесс сложно представить без набора соответствующих ему, демократических институтов. К фаворитам в данной категории относится институт выборов и сопутствующие ему виды избирательных кампаний, вплоть до референдумов. Исходя из этого потребность в исследовании всех избирательных явлений представляет огромный интерес для отечественных исследователей политической науки. К примеру, последняя работа, написанная в 2020 году по уже прошедшей конституционной кампании, еще раз убеждает научный мир в ценности политического знания в выборной сфере [1]. Данная работа свидетельствует о высоком уровне актуальности в изучении подобных кампаний, и на мой взгляд, обращаясь к истории становления выборов как института и связанных с ним - политических технологий, которые в свою очередь оказывали прямое влияние на исход «дней икс», можно внести ясность для экспертов, почему и как именно выборы становятся искажением политической действительности.

Именно история становления политических технологий, позволит нам наиболее качественно делать не только электоральные оценки в современности, но и может спрогнозировать дальнейшее развитие избирательных институтов и их применение. История политических технологий в России берет свое начало с периода перестройки, именно тогда, по мнению большинства политтехнологов зародились политтехнологии. Речь идет о выборах народных депутатов 1989-90ых годов. Именно тогда были использованы первые примитивные технологии, связанные с визуальным контентом слоганами в агит-материалах. С данной кампании начался период их становления в России, он сопровождался принятием всего с запада, и не перекладыванием на свой лад, а пустым копированием в плоть до названий политических союзов, блоков и партий (пр. Демократы, республиканцы и тд.). С 1989 года по 1993 происходит становление рынка политтехнологий, проходит ряд незначительных голосований, на которых совершается множество локальных ошибок, но как раз благодаря этому, в дальнейшем, вместо заимствования у запада, технологи начали опираться уже на личный опыт, и со знакомством с зарубежными пособиями не принимать все за истину в последней инстанции [2, 24].

С 1993 по 2000 запускается легитимация политических технологий и их авторов, и наступает некоторый «Золотой Век» политических технологий [3, 21]. Именно в данный период происходит закрепление статуса за

политтехнологом - как за человеком, который сможет выиграть любые выборы и из любого сделать президента, на это восприятие повлияли следующие факторы:

- Поражение А. Собчака на мэских выборах в Санкт-Петербурге,
- Победа Б. Ельцина во втором туре, где ключевая ставка заключалась в финансах олигархов - которые шли на оплату деятельности технологов;
- И первые губернаторские выборы, на которых ряд субъектов РФ вышел с абсолютно неожиданными результатами.

В последующем, каждая финансовая группа, муниципальный депутат и другие акторы избирательных кампаний, чувствовали себя в безопасности исключительно после найма технологов, отличительными чертами подобных кампаний стал компромат. Если описывать этот период тезисно то:
1) В данный период происходит дальнейшее становление статуса политтехнолога как «всемогущего» актора в политической реальности,
2) установление новых правил игры, принятия конституции под президента, в которой были описаны избирательные права и тд., устанавливались правила и уставами муниципалитетов, районов, городов и субъектов. 3) становление профессионального сообщества и превышение спроса над предложением на рынке политтехнологий, который способствовал получению уникального опыта работы технологов на разных уровнях избирательной кампании.

Уже с 2000 года происходит некоторое торможение развития в сфере политтехнологий, это связано как с административной реформой, так и с появлением электоральных юристов, которые благодаря неграмотности своих оппонентов могли вершить кампанию одним действием, из-за этого появилось очень много абсурдных кампаний, когда технологи преднамеренно сливали своих кандидатов, так как их КРП на тот момент было сложно чем-то измерить. Следовательно все данные процессы так же сопровождалось и административным ресурсом, так как произошла смена элит, на президентский пост взошел Владимир Путин. Исходя из этого предложение начинает перевешивать спрос, в свою пользу и технологи постепенно уходят на вторые третьи роли, подбираясь к последним выборам губернаторов, которые воскресли со своей отмены более чем через 10 лет. Данные выборы назывались специалистами не иначе как «последние свободные выборы в России» [3, 26].

Таким образом, на мой взгляд можно выделить два основных этапа формирования политических технологий и особенностей их применения, это 1989 по 1993 - как начальный этап, с 93 по 2000 как золотой, и с 2000 по настоящий день, как этап воспроизводящий и подстраивающийся под все тенденции изменения политической системы.

Литература:

1. Нестерчук О.А., Дьячковский С.Н., Арутюнов А.Г., Сизов В.О. Общероссийское голосование по поправкам к конституции России 2020: агитация, ход голосования, итоги, региональные особенности // The Newman in Foreign policy. vol. 4. №. 55 (99). 2020. Pp. 15-21.

2. Политические технологии : [избирательные технологии, партийное строительство, политические проекты] / Е. Малкин, Е. Сучков ; Ин-т избирательных технологий. - 5-е (10-е) изд., стер. - Москва : Русская панорама, 2017. - 655 с.

3. Матвейчев О.А. Политическое консультирование в России. Вчера, сегодня, завтра. – М.: Книжный мир, 2020. – 512 с.

Нарезнев Алексей Евгеньевич,

член СМП РАПН,

аспирант НИПКУПРО (г. Болотное, Новосибирская область)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ – СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ПОРЯДКА

«Мы готовы всегда вас выслушать и принять решение»,

председатель Законодательного собрания Новосибирской области

Андрей Шимкив

Политическая жизнь Новосибирской области имеет свою особенность, сформированная задолго до прихода губернатора А. Травникова. Состав старой элиты, – это выходцы из 90-х, сегодня не актуальные. С приходом нового губернатора Новосибирской области многое изменилось. Появились новые требования к органам власти, чиновники стали нести персональную ответственность за результат работы на местах. Граждане получили возможность, быть услышанными властью, в том числе, через электронное обращение.

Тем не менее, намеченные выборы в Новосибирской области -2020, заставили «старую» элиту нервничать, понимая, что удержать капиталистическую систему не удастся, учитывая ряд Посланий Президента России, направленные на изменение работы органов государственной власти в интересах граждан. Политолог Сергей Козлов отметил: «В целом итоги выборов ожидаемые. Просто сама по себе ситуация, в которой проходили выборы, – пандемия, экономический застой – сыграла против тех партий, которые являются партиями власти, люди выбрали других кандидатов. Это нормальная социально-психологическая ситуация».

Сформированная по итогам выборов 2020 новая политическая модель в регионе, предполагает консолидацию власти в единое целое во главе с губернатором области. По мнению Ольги Благо, в Заксобрании Новосибирской области образовались следующие партии: Партия «Единая Россия» набрала 38,04%, КПРФ – 16,93%, ЛДПР – 13,18%, партия «Новые

люди» – 7,2%, «Справедливая Россия» – 5,99%, «Партия пенсионеров» – 5,7%, партия «Родина» – 3,29%, российская экологическая партия «Зелёные» – 2,75%, партия «За правду» – 2,01%, «Партия роста» – 1,4%. Так, по единственному округу к распределению **38** депутатских мандатов были допущены шесть избирательных объединений: Всероссийская политическая партия «Единая Россия» – 38,13% (18 мандатов); Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» – 16,63% (7 мандатов); Политическая партия «ЛДПР – Либерально-демократическая партия России» – 13,58% (6 мандатов); Политическая партия «Новые люди» – 6,92% (3 мандата); Политическая партия «Справедливая Россия» – 6,12% (2 мандата); «Партия пенсионеров» – 5,69% (2 мандата).

В свою очередь, глава региона, А.Травников, пояснил: «По оценкам опытных участников Новосибирского политического процесса, эта кампания была наиболее честной, открытой и уважительной по сравнению со всеми предыдущими аналогичными кампаниями. Таким образом, делая вывод о трансформации политической элиты региона, где особое внимание уделяется работе местным чиновникам, их исполнению распоряжений главы региона, в соответствии с поручениями главы государства, в сторону улучшения качества жизни населения.

Литература:

1. Алексей Мазур – журналист, политический обозреватель сайта «Тайга.Инфо», кандидат на выборах в Горсовет от коалиции «Новосибирск 2020».

2. В.В.Зеленцов. Особенности партийно-политического процесса в Новосибирской области. Сайт. Библиотека Сибирского краеведения, 2013 г.

3. Власть, общество, выборы. Политическое развитие Новосибирской области в 2000 – 2003 гг. / В.И. Козодой, И.Г. Козлов, А.Г. Осипов, А.И. Степанов, Д.Т. Пучкин. – Новосибирск: ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат», 2005. – С. 34-41.

4. Гріднева Г.Б. Гражданское общество в российском регионе (практика Новосибирской области) // Развитие Новосибирской области: взгляд общественности (2010-2013 гг.): сборник статей / Под ред. А.И. Степанова. Новосибирск: Сиб-принт, 2013. – С. 63-79;

5. Сергей Козлов – декан факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ.

***Пучков Владимир Михайлович,
магистрант, Факультет политологии,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (г. Москва)***

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛОББИЗМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Лоббизм является необходимым институтом государственно-правового развития страны, так как при отправлении своих властных полномочий через государственный аппарат органы государственной власти активно взаимодействуют с гражданским обществом, представляющим из себя относительно независимые и свободные от прямого вмешательства со стороны государства организации, ассоциации, различные другие объединения граждан, созданные на добровольной основе. Данные объединения, различаемые по численности, степени организованности, по конкретным сферам деятельности (экономической, культурной, социальной и т.д.) имеют свои специфические, характерные для данных групп интересы, которые они стараются реализовать посредством влияния на государство.

Таким образом, эти группы используют по преимуществу механизмы лоббистской деятельности, которые позволяют в зависимости от их возможностей быть представленными во власти практически всему спектру имеющихся в гражданском обществе заинтересованных групп. Кроме того, лоббизм позволяет дополнять систему представительства, вводя в политико-правовой процесс те группы интересов, которые не имеют другой возможности быть представленными в органах власти. Институт лоббизма же позволяет огромному количеству самых разных общественных групп участвовать в процессе разработки и осуществлении государственной политики, и тем самым реализовывать демократическое (в некоторых случаях конституционное) право граждан на защиту собственных интересов.

А. Артемов утверждает, что лоббизм, как фактор воздействия на все сферы общественного бытия по каналам законодательных и исполнительных органов в рамках правового поля, представляет собой механизм реализации отношений между государственной экономической политикой и общественной формой управления хозяйством» [1, 4]. С. Зотов обращает внимание на то, что лоббизм – это институт представительства политических, экономических и иных интересов, является частью политико-управленческого процесса, то есть – это система действий групп, которые легитимно или нелегитимно оказывают давление на государственные органы. Как инструмент взаимодействия крупных промышленных групп и государства лоббизм способствует формированию курсов политики [2, 8].

Религиозный или конфессиональный лоббизм в последнее время стал предметом серьезных обсуждений в связи с такими событиями как назначением нового министра образования, детского омбудсмена и других. Конфессиональный лоббизм – вид общественно-политического лоббирования, представляющий собой процесс по продвижению интересов религиозных организаций в органах государственной власти, с целью добиться принятия выгодного для них политического решения. В России существует 47 конфессий и более чем 25000 религиозных организаций, из которых 14500 приходится на РПЦ. Также по результатам исследований РАН 79% россиян православные [3], что позволяет РПЦ в коммуникации с

властью опираться на этот ресурс для достижения своих целей. К целям, которые намерен достичь клир, можно отнести:

- Влияние на ЛПП в государственных структурах;
- Влияние на образовательные программы;
- Возможность вести деятельность в армии, школе;
- Получение от государства недвижимости и финансовых средств, налоговых послаблений;
- Увеличение числа прихожан;
- Рост влияния РПЦ в мире.

РПЦ стала действовать как любой профессиональный корпоративный лоббист. Она оказывает воздействие на профильных чиновников министерств и ведомств, инициирует массовые обращения, привлекает авторитетных сторонников, проводит информационные кампании.

К лоббизму можно отнести включение Основ православной культуры в школьную программу, что по мнению РПЦ должно повысить уровень нравственности в обществе. Хотя предмет вызвал отрицательные экспертные оценки, РПЦ все равно его продвигает, и он существует в пилотных версиях.

В июне 2013 был одобрен закон «О защите прав верующих», который предусматривает уголовную ответственность за оскорбление или неуважение к верующим. Будучи принятым на волне возмущения после случая в ХХС, закон активно продвигался РПЦ, и его принятие позволило Церкви иметь серьезный рычаг давления на ее критиков.

Наконец, можно вспомнить кейс, когда химические предприятия на Украине через РПЦ добились скидки на газ в 2010 году, сделав определенные пожертвования [4]. Можно сказать, что РПЦ выступила эффективным лоббистом между иностранными компаниями из разных сфер, что показывает уровень вовлеченности Церкви в светские и экономические дела, а также наличие серьезных ресурсов и возможностей для того, чтобы достичь свои цели.

Конфессиональное лоббирование в Европе с принятием Единого европейского акта в 1986 года, а также в результате расширения Маастрихтского договора в 1992 г. стало активнее проявляться и оказывать влияние на политику. Под председательством Комиссии Делора (1985–1995), взаимодействие с Церквями и религиозными общинами было углублено, а система неформальных и нерегулярных встреч между должностными лицами была принята на практику. В то время как Церкви пытались позиционировать себя как представительные организации и как крайне необходимая связь между европейскими властными структурами и гражданами, им не удалось обеспечить официальность отношений Еврокомиссией [5].

Для того, чтобы сохранить и усилить свой голос в Европе, Церкви пришлось увеличить и изменить свою деятельность в Брюсселе. Еврокомиссия ищет партнеров, которые могут помочь смягчить проблемы легитимности и представительности ЕС, а роль и важность церквей в

европейском обществе имеет значение в этом вопросе [6]. Таким образом, и ЕС и Церковь были заинтересованы в развитии отношений в том смысле, что Еврокомиссия получает поддержку влиятельного актора, в то время как церковные организации могли бы получить уникальные возможности для дальнейшего продвижения своих интересов. В этом свете формализация уже существующего и расширяющегося диалога кажется логическим следствием хорошо развитого взаимодействия.

Если посмотреть на последние изменения в законодательстве, эта тенденция, будет сопровождаться увеличением институционализованных консультаций в рамках конкретных правовых инструментов. Это знаменует переход от мягкой структуры, открытой и всеобъемлющей, к более строго структурированной и практические и нормативные последствия чего еще предстоит оценить.

Литература:

1. Артемов А. Канадская основа открытого общества. Лоббизм, протекционизм и либерализм - составляющие новой экономической политики России // Независимая газета.

2. Зотов С. Лоббизм как институт политического представительства интересов в современной России: Автореф. дисс. ... к.п.н. -М., 1997.

3. Вера и надежды// Российская Газета URL: <https://rg.ru/2013/01/15/sociologia.html> (дата обращения: 19.10.2020).

4. Газ в помощь //Газета.Ру URL: <https://www.gazeta.ru/business/2010/03/19/3340357.shtml> (дата обращения: 19.10.2020).

5. De Vlieger, P., & Tanasescu, I. (2012). Changing Forms of Interactions between the European Commission and Interest Groups: The Case of Religious Lobbying. *Journal of European Integration*, 34(5), 447–463.

6. Silvestri, S. 2009. Islam and religion in the EU political system. *West European Politics* 32, no. 6: 1212–39.

Реута Анна Федоровна,
студент 3 курса направления подготовки «Политология»
Института философии и социально-политических наук
Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

«УМНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ» КАК ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА, НЕДОСТАТКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА 2021 ГОД

«Умное голосование» (далее УГ) – это проект А. Навального, анонсированный в 2018 году и задействованный на выборах разного уровня в 2019-2020 гг. Суть стратегии УГ заключается в поддержке кандидата, за

которого могли бы проголосовать избиратели, не желающие поддерживать Единую Россию. Иначе говоря, главная задача УГ – дать как можно меньшему количеству кандидатов от Единой России получить мандаты в представительных органах власти.

Необходимо понять, насколько УГ является избирательной технологией, для этого обратимся к определению термина избирательные технологии. Понятие избирательные технологии в общем смысле можно понимать, как совокупность определенных техник, методов и информационно-агитационных процедур избирательной кампании кандидата или партии, ориентированных на достижение стратегических целей на выборах. [1, 66]

И, действительно, УГ – это определенная техника и процедура, ориентированная на достижение стратегической цели. Отличает УГ от обычного определения избирательной технологии тот факт, что технология обычно используется самим кандидатом или партией (объект и субъект совпадают, кандидат использует технологию, направляя ее на себя и свои нужды), в случае с УГ же – использует технологию третья сила, которая фактически на выборах не представлена (объект и субъект различаются). На мой взгляд, УГ можно назвать избирательной технологией, но лишь с оговоркой о том, что УГ – технология, которая используется субъектом в отрыве от объекта воздействия.

Перейдем к выявлению характеристик УГ как избирательной технологии и начнем с преимуществ.

Главное преимущество УГ – способность привлекать оппозиционный электорат, ранее выборы не посещавший. Не секрет, что в России граждане, и в особенности молодежь, в большинстве своем не интересуются избирательным процессом (кроме выборов Президента) и в принципе политической жизнью страны. Происходит это по нескольким причинам:

Во-первых, люди не осознают того, что именно от их голоса зависит будущее страны, во-вторых, часть граждан испытывает недоверие к власти и проведению избирательного процесса, в-третьих, не всегда присутствует прямой контакт между кандидатом и его избирателями. Но основная причина, которая приводит к низкой явке – это убеждение в предопределенности результатов. [2]

Система УГ решает эту проблему: избирательный процесс начинает выглядеть более конкурентным и непредсказуемым, следовательно, привлекает людей, которые ранее от голосования отказывались.

Также, УГ способен объединить протестный электорат под своим знаменем. У оппозиции существует проблема разрозненности. Например, когда кандидат от Единой России получает меньше половины голосов избирателей, но все равно получает мандат, фактически оппозиционно настроенных избирателей было больше, но из-за голосования за нескольких оппозиционных кандидатов мандат все равно достается кандидату от ЕР. УГ решает эту проблему.

Но все же у системы есть много недостатков.

Во-первых, УГ – сугубо цифровая технология, работающая через сеть Интернет. Проблема применения цифровой технологии к электоральной системе состоит в том, что существует расхождение между среднестатистическим человеком, посещающим выборы и аудиторией сети Интернет. Так, согласно опросу ВЦИОМ [3], на президентских выборах 2018 года преимущественно голосовали люди возрастной группы 45-60 лет. Следовательно, система направлена скорее на молодежную аудиторию младше 35 лет, и системе понадобится множество усовершенствований и усилий, чтобы преодолеть политический абсентеизм этой возрастной группы.

Во-вторых, УГ – это прежде всего механизм, способный активизировать протестный электорат, но ни в коем случае не создатель этого электората. Следовательно, успех УГ напрямую зависит от уровня протестной активности в регионе. Этот факт мы можем отследить по прошедшим выборам 2019 и 2020 годов, где УГ достигло значительного успеха только на выборах в Мосгордуму, муниципальных выборах в Санкт-Петербурге, городской думе Тамбова, городской думе Томска, совете депутатов Новосибирска, заксобрании Новосибирской области. Две столицы традиционно имеют высокий протестный потенциал, что же насчет трех других регионов, то, согласно Рейтингу протестной активности регионов за 2019 год [4], Новосибирская и Тамбовская область входят в «оранжевую зону» (с относительно высоким уровнем протестной активности), а Томская область – в «желтую зону» (с умеренным уровнем активности).

Причем зависимость от протестной активности региона эта заключается не только в специфике голосования электората, но и в представленности политиков: стратегия УГ потеряет свой потенциал, если будет слепо отдавать предпочтение абсолютно всем кандидатам, кроме кандидатов от партии власти, включая технических (к чему это приводит, может вспомнить по Костромской области и победе уборщицы).

Каковы же перспективы УГ на выборах в Государственную Думу РФ в 2021 году?

Учитывая сильную зависимость от протестного потенциала регионов, каких-то невероятных результатов вроде получения большинства мандатов ждать не приходится. Однако, выборы в ЕДГ 2020 могут дать УГ определенные выводы для работы над ошибками и увеличению своего влияния.

Но к выборам 2021 года Единая Россия вполне может оттеснить УГ в цифровом пространстве, к примеру, усовершенствовав и популяризовав проект ПолитСтартап.

Так или иначе, я считаю возможным получение кандидатами части мандатов в ГосДуму через Умное голосование, однако это будут скорее кандидаты от округов, обладающих серьезной протестной активностью при условии политической активности граждан и преодолением политического абсентеизма, что за один год сделать по всей России невозможно.

Литература:

1. Комягина Мария Вячеславовна Избирательные технологии: основные подходы и концептуальные основы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnye-tehnologii-osnovnyue-podhody-i-kontseptualnye-osnovy> (дата обращения: 27.10.2020).
2. Курочкина Ю.А. Политический абсентеизм российской молодежи // Вестник молодежной науки. 2019. №3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-absenteizm-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 27.10.2020).
3. РИА НОВОСТИ: ВЦИОМ назвал средний возраст большинства проголосовавших на выборах. URL: <https://ria.ru/20180318/1516645631.html> (дата обращения: 27.10.2020).
4. ИА REGNUM. Рейтинг протестной активности регионов России, апрель 2019 года URL: [<https://regnum.ru/news/polit/2626970.html>]
5. Сайт Умного Голосования. URL: <https://votesmart.appspot.com/> (дата обращения: 27.10.2020).

*Старков Кирилл Денисович,
студент, Санкт-Петербургский
государственный университет (г. Санкт-Петербург)*

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИФРОВУЮ СРЕДУ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В XXI веке с развитием средств массовой коммуникации, ростом доступности интернета и повышением тренда на демократизацию политического процесса, цифровизация стала одним из основных векторов развития политической сферы. Интернет стал площадкой, включающей в себя всё большее количество пользователей. Если в 2012г. в России было зафиксировано около 70 млн пользователей интернета, [1] то в 2020г. их количество выросло до 96,7 млн. [2] Технологический прогресс открыл новые формы влияния и взаимодействия с электоратом. Преимущества вроде двухсторонней коммуникации в социальных сетях, возможностей трансляции политической повестки в любое время суток, меньшей стоимости проведения политической кампании (по сравнению с традиционными формами проведения), а также активное использование веб-страниц потенциальными избирателями, актуализировали интернет для политтехнологов и политиков разных уровней, как площадку по формированию новых и реконструкции классических политтехнологий.

В научной среде проблеме трансформаций политических технологий уделяли внимание И.А. Быков, который в рамках своих научных публикаций особое внимание уделял анализу политических интернет-технологий эпохи Web 2.0., например, исследуя избирательную кампанию Барака Обамы. [3] Также стоит отметить А.В. Соколова, который исследовал влияние политических интернет-технологий на офлайн-политику, проанализировал каналы коммуникации политического участия в интернете, а также анализировал технологии организации политических кампаний в сети интернет. [4] Отдельно необходимо отметить А.Е. Конькова, который исследовал цифровизацию политических отношений, ретроспективно оценил предпосылки использования цифровых инструментов политическими лидерами, а также обобщил практики использования цифровых технологий в политическом дискурсе. [5]

Объектом исследования стали политические технологии.

Предметом исследования стали трансформации политических технологий в цифровую среду на примере Российской Федерации

Цель исследования: систематизировать основные современные трансформации классических политических технологий в цифровую среду

Исследуемые технологии рассматривались в рамках концепции развития сети интернет Web 2.0. Данные интернет-технологии предполагают наличие двусторонней коммуникации, интерактивности, а также мультимедийности за счет использования видео-ресурсов, стриминговых платформ, социальных сетей т.д. [6;228]

Упомянутые характеристики интернет-технологий поколения Web 2.0. позволяют заметить трансформации, например, в **технологии позиционирования** кандидата. Классическое позиционирование политика посредством статей и заметок через печатные СМИ вытесняется цифровыми публикациями в интернет-сми, социальных сетях и видео-хостингах, которые за счет мультимедийности способны давать многогранное представление кандидата. Избиратели теперь могут видеть не только текст и фотографии, но зачастую видео и звук. К этому стоит добавить наличие двусторонней коммуникации, которая достигается благодаря интерактивным возможностям интернет-ресурсов. Избиратели оставляют комментарии, делают репосты и дают оценку полученной информации, благодаря чему кандидат может иметь представление о настроениях потенциальных избирателей и корректировать свой имидж.

Здесь же стоит отметить изменения в технологии создания **агитационной продукции**. Помимо очевидного распространения агитационных материалов в цифровой среде с возможностью добавления мультимедийной составляющей (например, видеороликов), классическая агитация также стала более интегрированной с цифровой. Это было достигнуто, благодаря использованию оптических меток (QR-кодов) на агитационной продукции. Так, например, во время избирательной кампании по выборам Президента РФ 2018, на остановках Южно-Сахалинска стали

появляться плакаты с изображением героев знаменитых кинофильмов: Магистра Йоды из «Звездных войн», Данилы Багрова из фильмов «Брат», «Брат 2», товарища Сухова из фильма «Белое солнце пустыни». [7] Помимо изображения персонажей на плакатах был QR-код, который вёл на сайт Президента РФ В.В. Путина. Эффективность данной технологии оценить проблематично. В официальном штабе заявили, что к данному PR-ходу не имеют никакого отношения и оперировали тем, что на плакатах даже нет изображения кандидата. Однако на плакатах был QR-код, который вёл на сайт В.В. Путина, и штаб вполне мог добиваться огласки данной акции в СМИ, чтобы молодежь, которая преимущественно и считывает QR-коды, заинтересовалась АПМ с культовыми персонажами. Впоследствии, перейдя по метке (вероятнее всего, с целью узнать что-то связанное с изображением), пользователь с некоторой долей вероятности мог остаться на сайте и ознакомиться с предвыборной программой и деятельностью Президента в целом. Однако объективно оценить данный акт трудно, так как его исполнители остались анонимными.

Отдельно стоит затронуть трансформацию *технологии пикетирования*. Несмотря на то, что пикеты, как технология донесения политической повестки, по-прежнему активно используется, цифровизация позволила значительно её оптимизировать, благодаря стриминговым платформам (Twitch) и видео-хостингам (Youtube). Классическая пикетная площадка, как правило, предполагает одного или двух агитаторов, которые доносят повестку кандидата до граждан. При этом необходимо понимать, что при повышенном интересе со стороны избирателей, эффективность агитации может снижаться. К тому же не стоит забывать, что любые, даже минимальные правовые проблемы в документации на разрешение пикетирования, могут служить основанием для правоохранительных органов остановить пикет. В этом отношении цифровые площадки, на которых кандидат условно лично в прямом эфире общается с избирателями, отвечает в чате на их вопросы, являются эффективной альтернативой. Однако стоит иметь в виду, что так или иначе, цифровые площадки создают некий барьер между потенциальным избирателем и кандидатом, чего не может быть, например, если кандидат сам выходит на пикет агитировать за себя.

Трансформация *технологии «от двери к двери»* или поквартирный обход жителей. Как правило – это базовая технология для любой избирательной кампании. Агитаторы штаба организованно обходят квартиры многоквартирных домов, которые входят в избирательный округ кандидата. Несмотря на кажущуюся простоту технологии, она включает в себя ряд трудностей. Так, например, далеко не все жители в наше время готовы открыть дверь кому бы то ни было, существует риск столкнуться с неадекватным гражданином, который может нанести вред агитатору, присутствует фактор физической изможденности, ведь агитатору от квартиры к квартире, фактически, необходимо повторять одно и то же таким образом, чтобы заинтересовать потенциального избирателя. Трансформация

данной технологии предполагает частичный переход на мессенджеры и во многом решает перечисленные трудности. В настоящее время можно выделить десятки, если не сотни тематических чатов, которые организуют граждане. Это и чаты родителей групп детских садов, чаты коллег одного отдела, чаты студентов одного курса и т.д. Однако политтехнологам, как правило, интересны чаты жильцов одного дома или двора. Получить доступ к таким чатам не всегда просто, так как не все мессенджеры позволяют вести открытый поиск необходимых чатов, однако всегда можно задействовать «сарафанное радио», либо поискать информацию о необходимых чатах в целевых сообществах в социальных сетях. Как правило, администраторы чатов добавляют пользователей, если они просто представляются, как жители определенной квартиры или временно снимающие квартиру в доме. Когда доступ в чат будет получен, агитатор может использовать множество стратегий по информированию жильцов о кандидате.

Технология *распространения слухов* не теряет своей актуальности и по-прежнему активно используется в большинстве избирательных кампаний. Технология имеет множество стратегий реализации, большинство из которых полностью зависят от креативности политтехнолога. В наше время технология распространения слухов во многом трансформировалась в технологию «инфококонов», которая используется в социальных сетях. [8] Данная технология предполагает отбор в социальных сетях лидеров общественного мнения (либо популярных, либо имеющих подобный потенциал) и добавление к ним в друзья через страницы ботов. Безусловно, предварительно происходит тщательная подготовка подобных страниц: для них делают фотографии реальных людей, добавляют друзей, отмечают ботов на фотографиях с других страниц и выкладывают от их имени фотографии с гео-метками, имитируя реальных людей. Это делается во многом не столько, чтобы отозвать подозрения у лидеров общественного мнения, сколько для обхода алгоритмов социальных сетей, которые настраиваются на поиск и бан страниц ботов. Предполагается, что сеть ботов образует вокруг лидера общественного мнения подобие «коккона». В любой момент по плану политтехнологов через сеть ботов на него запускается определенная информация (с одним посылом, но с различными акцентами и формулировками) и подразумевается, что лидер общественного мнения, заметив единую повестку в ленте новостей, должен подхватить её и дать огласке. Безусловно, это происходит не всегда, а потому опытные политтехнологи могут использовать множество инфококонов с сотнями ботов, чтобы повысить шансы на закрепление повестки.

Еще одна трансформация в сфере политических технологий была вызвана не столько технологическим прогрессом, сколько пандемией COVID-19. Так, в связи с карантинными мерами, некоторые штабы кандидатов сумели трансформировать в цифровой формат технологию *«Встреч с избирателями»*. Стандартно технология подразумевает организацию выступления и общения кандидата с жителями двора или

нескольких дворов с целью донесения своей повестки, однако в связи с карантином, организация подобных мероприятий не только могла образовать правовые трудности, но и ударила бы по имиджу кандидата, не соблюдающего эпидемиологических норм и подвергающего опасности граждан. В связи с этим, технология была трансформирована в формат видеоконференций. Так, например, депутат Государственного Собрания Башкортостана А.А. Каримов провел встречу с избирателями города Салават Промышленного округа №20, с которыми обсудил тему социального благоустройства, проблему обманутых дольщиков, ремонт дорог. [9]

Таким образом, систематизация и анализ рассмотренных политических технологий дают представление о векторе происходящих трансформаций и помимо базовых инструкций по применению описанных технологий, дают исследователям, начинающим и практикующим политтехнологам ориентацию на будущие исследования и разработки в данной сфере.

Литература:

1. Рост охвата граждан России интернетом // РИА НОВОСТИ. 30 сентября 2012 года. – [электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20120930/761976690.html>

2. Аудитория Рунета в 2020 году пробьет планку в 100 млн. пользователей // Российская газета. 15 апреля 2020 года. – [электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2020/04/15/auditorii-runeta-v-2020-godu-probet-planku-v-100-mln-polzovatelej.html>

3. Быков И. А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы // Вестник Пермского университета. Серия: История и политология. 2010. № 1. С. 48-58.

4. Соколов А. В. Интернет-технологии политического участия и их влияние на офлайн политику // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 303-310

5. Коньков А.Е. (2019) Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 6. С. 6–28

6. Быков И. А., Филатова О. Г. Технологии веб 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 226–237.

7. Магистр Йода, Данила Багров и товарищ Сухов агитируют за Путина на остановках Южно-Сахалинска // Sakhalin.info. 26 февраля 2018 года. – [электронный ресурс] – URL: <https://sakhalin.info/news/147552>

8. Политтехнологии: как влиять на людей, используя социальные сети // Youtube. 19 мая 2017 года. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KQR-8YI9fSE>

9. Встреча с избирателями в онлайн режиме // Администрация городского округа город Салават Республики Башкортостан. 28 мая 2020 года. – [электронный ресурс] – URL: <https://salavat.bashkortostan.ru/presscenter/news/281601/>

*Тумуров Жаргал Тумурович,
доцент кафедры государственного, муниципального
управления и политики Забайкальского
государственного университета
(г. Чита)*

МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Ряд ученых в области парламентаризма считают, что молодежные парламенты создаются с целью мониторинга и разработки соответствующих управленческих решений в сфере государственной молодежной политики, возможности координации различных органов государственной власти по ее реализации. Принимаемые управленческие решения в кабинетах государственных органов без участия самой молодежи и дальнейшее ее исполнение не приводили к качественным результатам. После ряда социологических исследований было принято решение пойти вертикально-горизонтальным методом по созданию молодежных структур при органах власти, чтобы услышать мнение самой молодежи по реализации молодежной политики как на государственном, так и на муниципальном уровне.

Важной составляющей молодежных парламентов являются особенности их формирования в субъектах федерации. В этом контексте хочется согласиться с мнением исследователя федерализма и федеративных отношений Матафоновой Ю.А., что согласно федеральному законодательству субъекты федерации обладают определенным статусом и имеют ряд автономных полномочий в рамках принципа взаимоотношения между федеральным центром и субъектом, дающая возможность каждому субъекту Российской Федерации формировать государственные и общественные институты по своему усмотрению. При этом исследователь обращает внимание что субъект федерации имеет ряд особых факторов, параметры которого зависят от исторических, географических, национально-культурных и геополитических особенностей [1, 49].

Вышесказанное действительно играет немаловажную роль и одним из примеров может быть созданное в 2006 году Общественная молодежная палата при Читинской областной Думе, явившаяся одной из первых таких структур среди субъектов федерации. Сам процесс формирования длился восемь месяцев, и включало несколько этапов. Само формирование данной структуры явилось серьезным сдвигом в возможности реализации государственной молодежной политики на территории, тогда еще

существовавшей Читинской области, так как другой сосед субъект федерации Агинский Бурятский автономный округ уже имел многолетний опыт функционирования молодежного парламента при окружной Думе и одну из самых эффективных опытов в сфере государственной молодежной политики во всей Российской Федерации. Все это в купе имело благоприятную возможность трансформировать две молодежные парламентские структуры в одну в результате объединения двух равноправных субъектов в одну, получившей название Забайкальский край. Несколько месяцев плодотворной работы совместной рабочей группы молодежных парламентов и депутатского корпуса Законодательного Собрания самого молодого субъекта федерации привели к созданию Молодежного парламента при Законодательном Собрании Забайкальского края.

Особенностью данного молодежного парламента является применение территориального принципа формирования, 35 членов молодежного парламента из 50 членов являются представителями муниципальных районов и городских округов, также интересным представляется присутствие делегатов молодежных организаций политических партий представленных в Законодательном Собрании и оставшиеся места занимают на конкурсной основе молодежные общественные организации. В других субъектах, где созданы молодежные парламенты, территориальный принцип не особо применяется ввиду ряда причин, среди которых называются нахождения молодежи в центрах субъекта федерации и мобильность сбора членов этой структуры для решения ряда срочных вопросов.

Территориальный принцип формирования молодежного парламента в Забайкальском крае в отличие от наших соседних субъектов, таких как Республика Бурятия и Иркутская область имеет практическую значимость. Ряд решений, принятых на заседаниях молодежного парламента Забайкальского края, представители муниципальных районов и городских округов стараются реализовать на местах, хотя эти решения носят рекомендательный характер. Одним из факторов этого является сам представитель от муниципального образования. Часть делегатов от муниципальных образований являются активными общественными деятелями либо молодыми депутатами представительных органов местного самоуправления, обладающие определенными навыками и умеющими взаимодействовать как с органами власти, так и с общественностью, прежде всего с молодежью.

В рамках исследования молодежи и молодежной политики ученый специалист в этой области Макарова О.А. провела социологическое исследование по современной характеристике молодого парламентария, выводами которого явились расстановка жизненных приоритетов молодого парламентария, да и молодежи в целом. Исследователь выявила четыре основных приоритета в последовательном порядке. Самым главным первым приоритетом для молодых парламентариев является общечеловеческие

ценности, второе – честность и образованность, третье место занимает преданность, доброта и материальный достаток, замыкает приоритеты такие ценности, как интеллигентность, скромность, покой и отдых [2, 170].

Современный портрет молодого парламентария позволяет нам понимать, какие цели и задачи преследует современная молодежь в этой жизни, что для них реальный образ жизни. Отрадным является то, что общечеловеческие ценности являются ведущими, а нематериальные ценности. Взаимодействие самой молодежи между собой, возможность обмена мнениями по различным аспектам жизнедеятельности, принятие конкретных решений и его реализация это есть одна из целей молодежной политики субъектов Российской Федерации. Уровень участия молодежи в реализации этой политики позволяет говорить о максимальной консолидации данной социально-демографической группы населения, от которой зависит будущее всех поколений, так как молодежь является субъектом процесса преемственности поколений, получающим в свой багаж определенный уровень знаний и опыта предыдущего поколения, у которого приоритеты жизни были иными.

Говоря об уровне знаний и опыта, нами хочется отметить, что при формировании и утверждении структуры молодежного парламента молодые парламентарии поддержали рекомендации и идеи старших товарищей. Одним из советов было не бюрократизировать и не раздувать структуру созданием большого количества комитетов либо комиссий. В результате в структуре молодежного парламента Забайкальского края существует всего две комиссии, комиссия по законотворческой деятельности и комиссия по развитию молодежного парламентаризма. В принципе это очень логический шаг, если первая комиссия является площадкой для дискуссий по поводу внесенных изменений в законодательство и нормативно-правовую базу как федерального так и регионального уровней, так или иначе касающихся молодежи и молодежной политики, то вторая комиссия призвана реализовывать различные проекты на всей территории Забайкальского края. При этом нужно учитывать, что молодежный парламент проводит консультационную и методическую помощь по всем направлениям жизнедеятельности общества.

Существование более десяти лет и эффективное функционирование молодежного парламента Забайкальского края, а также аналогичных структур в других субъектах федерации позволяет говорить, что данная структура стала весомым субъектом, реализующим молодежную политику, по крайней мере, в субъектах Российской Федерации. Независимо от того, что молодежные парламенты формируются при органах власти, в основном при законодательном или представительном, они выполняют функции, которые обязаны выполнять профильные структуры исполнительных органов власти. Действительно при определении функций можно провести сравнительный анализ этих функций на предмет схожести. Выделяют пять основных функций молодежного парламентаризма, это представление интересов

молодежи при органах власти, участие в нормотворческой деятельности, подготовка молодых кадров, проведение социально-значимых мероприятий и просветительская деятельность. Три из этих функций в рамках реализации государственной молодежной политики должны выполнять исполнительные органы.

Деятельность молодежных парламентских структур настолько широка, по той причине, что реализуются не только социальные мероприятия, но и экономические, творческие и иные. Много времени молодые парламентарии начали серьезно уделять ряду законов касающихся молодых предпринимателей. Данная группа общества, в какой-то степени заинтересована в благополучности регионов, пытаются реализовать себя в местах, где родились, но возникающие временные трудности являются причиной прекращения деятельности в области предпринимательства. Молодежное предпринимательство так или иначе касается и молодежной политики.

Насколько Российская Федерация или ее субъект смогут обеспечить реализацию молодежной политики от того зависит эффективность жизнедеятельности общества и как будут ее реализовывать зависит и от субъекта федерации. Об этом говорит и ученый специалист Макарова О.А. утверждающая что молодежная политика должна проводится в субъектах и зависит от специфика этой территории [3, 241]. Зная уникальность нашей страны, имеющей 85 территорий, каждая из которых имеет свои особенности и менталитет жителей разный, то и молодежная политика различна.

В завершение нужно отметить уникальность молодежного парламентаризма в России, специфика формирования, учитывающая многообразие способов формирования, особенности функционирования и деятельности молодежных парламентских структур призванная достигать главной цели развитие молодежи и молодежной политики. Таким образом, молодежный парламентаризм – это реальный политический инструмент государственных органов по привлечению молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства, разработке и реализации эффективной молодежной политики.

Литература:

1. Матафонова Ю.А. Образование Забайкальского края как способ повышения федеративной устойчивости // Власть. 2013. № 6. С. 048-051
2. Макарова О.А. Социальный портрет «молодых парламентариев» Забайкальского края // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 168-171
3. Макарова О.А. Молодежь как субъект государственного управления // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 14. С. 238-241

Бартнев Сергей Витальевич,

РОЛЬ АМЕРИКАНСКИХ СМИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА США 2020

Выборы в США всегда находятся под пристальным вниманием мировой общественности, национальных спецслужб и средств массовой информации. Американская избирательная система, будучи плодом первой в истории страны-носительницы либеральной модели демократии, обречена на повышенный интерес и всестороннее рассмотрение. Тот факт, что СМИ занимают не только ретрансляцией политических заявлений и освещением событий, но сами популяризируют и лоббируют интересы “своих” кандидатов, давно стал частью мировой политической реальности.

Предлагаю более детально и конкретно рассмотреть американские СМИ через призму их участия в предвыборных кампаниях кандидатов в президенты. Внимание будет сфокусировано на главных акторах данного электорального процесса, а именно: на ныне действующем президенте Дональде Трампе (Республиканская партия) и бывшем вице-президенте Джозефе Байдене (Демократическая партия).

Представляется разумным, рассматривать компании, занимающиеся распространением информации, блоково. Исходя из способа трансляции данных (аудио-визуальный, словесный и другие). Начнём анализ с аудио-визуального блока, представленного телевидением. Сюда же отнесём различные выпуски программ, размещённые в интернет-сервисах, по типу “YouTube”. По данным от 2019 года, самыми популярными новостными каналами в США являются (1,2,3 – соответственно): “Fox News”, “MSNBC” и “CNN”. [1]

1. Лидер тройки (Fox News) является любимым каналом нынешнего президента Дональда Трампа и, негласно, считается союзным республиканской партии. Проведя интент-анализ репортажей последней недели, мы сможем обнаружить следующую статистику. В спайке с именем Дональда Трампа наиболее часто употребляются следующие слова: обосновал, выиграл, энтузиаст, великий, энергично, мощно, честный, уверенный. В паре с Байденем чаще всего располагаются совершенно иные интенции: перепутал, хвастался, солгал, сомнения, плохо, неуверенно. В целом Fox News явно отдаёт симпатии Дональду Трампу и работает на повышение его политических очков, всячески упрекая Джо Байдена в сотрудничестве с Китаем, поощрении уличных протестов и левом популизме. Приглашённые эксперты клеймят его социалистом и пророчат крах Америки и её китаизацию. [2]

2. Телеканал MSNBC не имеет симпатии к Трампу. Анализ речи телеведущих дал следующие результаты. За упоминанием действующего

президента следуют слова: вина, токсичный, расплывчатый, безумный, отчаянный, страшный. В сочетании с фамилией Байдена мы видим: искренность, мужественность, реформа, прогрессивный. Канал откровенно чернит Дональда Трампа, доводя до гротеска его консервативный курс и упрекая в том, что президент забыл о простых американцах. Не забывает телеканал и о “российской” карте. В вопросах геополитической конкуренции фокус намерено переводится с Китая и Ирана на Россию, что совпадает с, тиражируемыми MSNBC заявлениями самого Байдена о том, что именно Российская Федерация остаётся врагом США номер один. [3]

3. Пожалуй, главный телеканал, лоббируемый демократами, это CNN. По традиции обратимся к анализу речей тележурналистов. Трампа оценивают следующим образом: безумный, расист, пренебрегающий, стонущий, игнорирующий, несправедливый. Байден, с точки зрения CNN, представляет собой: спасение, сочувствие, лидерство и преимущество. Упрёки в сторону Трампа основываются на том, что он, якобы: не борется с пандемией, способствует расовому расколу, лишает низы социального обеспечения, разрушая обамавский медикейр. Все заявления президента рассматриваются через призму критики не только его самого, но и республиканцев в целом. Прошедшие на днях дебаты вице-президента Майка Пенса с сенатором от штата Флорида Камалой Харрис, CNN окрестила демонстрацией системного сексизма по отношению к женщинам, так как вице-президент позволил себе перебивать оппонентку. [4]

Конечно, телевидение Соединённых Штатов не ограничивается тремя каналами. Однако, представленные и рассмотренные телегиганты с отрывом обходят все иные телеканалы и представляют собой адекватную репрезентацию ситуации, сложившейся в визуальном блоке СМИ. Согласно сервису Google Trends, мы также можем рассмотреть статистику поисковых запросов. Fox News лидирует во всех штатах, за исключением: Вашингтона, Орегона, Калифорнии, Нью-Йорка, Вермонта, Массачусетса, Коннектикута, Нью-Джерси и Мэрилэнда – где лидерство принадлежит CNN. Интересен тот факт, что выше названные Штаты, все без исключения, по последним данным соц. опросов отдают предпочтение Джо Байдену. И наоборот, преданные Трампу штаты имеют самый низкий интерес к CNN. Что даёт нам право относительно смело выводить зависимость между данными переменными. [5]

Анализируя средства массовой информации печатного блока (и их электронный формат) сложно ограничиться несколькими издательствами. Поэтому, рассмотрению будет подвергнут целый ряд, различных по своей целевой аудитории, авторитетных журналов и газет.

“The Wall Street Journal”, например, активно продвигает идею о том, что для бизнеса Байден будет лучше Трампа. Объективность издательства вызывает сомнения, учитывая предлагаемую демократами налоговую политику. В остальном же, издательство не выказывает предпочтений какому-либо кандидату, сохраняя нейтралитет. “The New York Times”

ограничивается сухой констатацией фактов и умеренными реверансами в сторону Трампа. [6]

Совершенно иную позицию заняла “The Washington Post”. Их политика построена на тотальной критике нынешнего президента. Нападки обосновываются: отказом США от международных соглашений по климату и ядерному вооружению, выходу Америки из ВОЗ и ослаблению финансирования НАТО. Агентство пишет: “Предыдущие президенты Америки долгое время продвигали демократию, права человека и верховенство закона за рубежом, но вместо этого Трамп атаковал эти ценности нашего дома”. Более того, вашингтонская газета пропитана антироссийской риторикой: “Основные моменты почти четырехлетнего правления Трампа выглядят как список желаний Владимира Путина. Немногие страны получили больше геополитических выгод от пребывания Трампа у власти, чем Россия”. Использование “российской” карты недвусмысленно намекает на сторону, выбранную издательством в приближающейся к своему завершению, гонке. [7]

К теме выборов обращаются не только новостные и политические издания, но и компании от этого далёкие. Так, журнал моды “Vogue”, в своём октябрьском выпуске, активно призывает читателей “поверить в лучшее” и “проголосовать за Джо”. Научный журнал “Scientific American” также опубликовал статью в поддержку кандидата от демократов. Издательство “Rolling Stone”, ориентированное на музыкальные новости, с первых полос рекомендует идти на выборы и голосовать за Байдена.

Если победы республиканцев на телеканалах и интернет-сервисах, их транслирующих, ещё имеют какое-то место, то в печатных изданиях и их цифровых аналогах преимущество тотально за демократами. Ещё более резкая полемика против Трампа выстроилась в соц. сетях и переросла в настоящие интернет-войны.

В век высоких технологий и цифровизации возрастает роль сети интернет: уже, значительно, потеснившей классические СМИ. Политический успех кандидата (будь то партия или персона) всё больше зависит от механики рекомендации новостей в социальных сетях и публикации в различных интернет-блогах. Активно развиваются новые ниши на рынках труда в сфере политического SMM (интернет-маркетинга, завязанного на политике).

У Дональда Трампа отношения с американскими соц. сетями довольно враждебные. Ещё в мае 2020 года президент объявил войну “Twitter”, обвинив компанию в нарушении свободы слова, а именно: цензуровании аккаунтов и постов правого идеологического спектра и публикации “fake-news”. Ответная реакция не заставила себя долго ждать и вылилась в удаление постов Трампа и занижение количества их показов. Согласно данным “MediaResearchCenter”, с начала конфликта, соц. сеть заблокировала или подвергла корректировке 65 постов президента. [8]

На выборах 2020 года демократы учли ошибки четырёхлетней давности и усилили прессинг в интернете, по сути, обрубив каналы пиара

республиканцев в сети. Если “FaceBook” Цукерберга ещё демонстрирует некий нейтралитет, то, более популярный среди молодёжи, “Twitter” откровенно подсуживает демократам. По оценкам экспертов, 70-90% компаний IT – индустрии, в разных масштабах, поддерживает Байдена.

По данным “Pew Research Center”: 56% респондентов, заявивших о поддержке кандидата от демократов, приняли такое решение лишь потому, что Байден не Трамп. Весомая доля американцев, не довольная Трампом, готова избрать кого угодно, лишь бы не его. [9] Анализируя СМИ, мы увидели, что реальных достоинств у Джо Байдена почти нет. Он не способен подкупить ни своими личностными качествами, ни политическим бэкграундом, ни чёткой программой. Левый популизм и статус кандидата “против всех”. Сверх этого Байден выгоден американским элитам и азиатским спонсорам. Трамп же, благодаря твёрдой и решительной политике, за прошедшие четыре года слишком обогатил и преумножил лагерь своим противников.

Рах Americana, доминировавший на международной арене со времён краха биполярного мира, вошёл в зону нестабильности. В 2020 году перед Америкой встало слишком много вызовов, со многими из которых она не справилась: Иран, COVID-19, протесты BLM и не только. Ко всему этому прибавим колоссальный внутривнутриполитический раскол, подобного которому не было десятки лет. Какими бы ни были результаты выборов 3 ноября, эффект от них будет ошутим во всём мире.

Литература:

1. Самые популярные новостные каналы США - <https://news.rambler.ru/usa/41525777-v-ssha-nazvali-samyu-populyarnyy-novostnoy-kanal-2018-goda/>
2. Fox News - <https://www.foxnews.com/>
3. MSNBC - <https://www.msnbc.com/>
4. CNN - <https://edition.cnn.com/>
5. Google Trends - <https://trends.google.ru/trends/?geo=RU>
6. The Wall Street Journal - <https://www.wsj.com/>
7. The Washington Post - <https://www.washingtonpost.com/>
8. MediaResearchCenter - <https://www.mrc.org/>
9. Поддержка Байдена - <https://www.rbc.ru/politics/26/10/2020/5f92fd5d9a79477ba7fecdf2>

Секция № 4. «КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ»

Венцель Сергей Владимирович,

аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии

Института философии и социально-политических наук,

*Южный федеральный университет, аналитик Национального центра
информационного противодействия терроризму и экстремизму в
образовательной среде и сети Интернет (НЦПТИ) (г. Ростов-на-Дону)*

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК КАНАЛЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

За прошедшие годы многочисленные трагические события стали напоминанием об исключительной силе экстремизма как на религиозном, так и на светском уровне. Общественная поляризация с усилением радикальных групп становится обычным явлением нашего времени, в связи с чем можно говорить об общественной толерантности к нетолерантности. Особенно подобная поляризация сопряжена с ростом праворадикального экстремизма и религиозного фундаментализма. Цифровые коммуникационные технологии сделали возможным соприкосновение как различных общественных институтов, так и пользователей социальных сетей соприкасаются с экстремистским контентом практически ежедневно. Подобные процессы необходимо анализировать, понимать и определять. Однако остается проблема определения экстремистского контента, в том числе с законодательной точки зрения. Практически каждый исследователь распространения экстремистского контента в социальных медиа неизбежно будет сталкиваться с данной проблемой.

Социальные медиа представляют собой уникальный феномен новой информационной эпохи. Британский социолог Д. Мёрти определял социальные медиа как совокупность доступных для каждого пользователя электронных инструментов, которые позволяют коммуницировать с другими людьми, обмениваться информацией и распространять информацию [1].

Группа исследователей Я. Кицман, К. Хермкенс, Я. Маккарти и Б. Сильвестр в процессе исследований сущности социальных медиа определили семь функциональных блоков данного феномена: во-первых, идентичность и стремление к персонификации при возможности сохранять собственную анонимность; во-вторых, беседы и общение для накопления социального капитала; в-третьих, распространение, которое представляется возможным в силу широкого охвата социальных медиа; в-четвертых, присутствие в виртуальном мире при связи с реальным; в-пятых, отношения с другими пользователями; в-шестых, репутация среди других пользователей; в-седьмых, возможность быть в сообществе. [2] Последний функциональный

блок оказывает особое воздействие на процесс радикализации индивида путем потребления им контента радикального и экстремистского характера. Причем подобный процесс усиливается посредством и под воздействием коммуникативных инструментов под названием «эхо-камеры», когда определённые идеи, убеждения усиливаются или подкрепляются путём передачи сообщения или его повторением внутри закрытой системы.

В научных исследованиях по-прежнему присутствует пробел в изучении уязвимости определенных пользователей или даже целых групп к возможности радикализации в сети Интернет посредством потребления экстремистского контента. Социальные медиа являются полезными для экстремистских сообществ в силу того, что это инструмент для содействия радикализации, это способ для взаимодействия с единомышленниками и средство для создания целых сообществ. Социальные медиа важны для исследователя в силу их важного коммуникативного аспекта в процессах радикализации и распространения политического экстремизма. Крайне важно помнить о том, что радикализация не является линейным процессом, здесь необходимо учитывать временной и контекстный аспекты, а также фактический результат. Поэтому здесь важно подчеркнуть еще одну теоретико-методологическую проблему для исследования – определение политической радикализации в социальных сетях как научной категории. Поскольку существует значительная разница между пользователем, который просто ставит «лайк» под изображением с экстремистским контентом, пользователем, который вступает в дискуссию и с одобрением отзывается об экстремистском насилии, и пользователем, который применяет реальное насилие в отношении других людей и целых социальных групп.

Социальные медиа в силу своих специфических характеристик способствуют поляризации общественных настроений. Более того, алгоритмы социальных сетей могут целенаправленно использоваться для распространения поляризующего политического контента, экстремистских идеологем и элементарной дезинформации с целью искажения сознания пользователей. В 2018 году группа ученых из Оксфордского университета провела исследование о возможностях социальных сетей, в частности Facebook, способствовать распространению противоправного контента. Исследователи пришли к выводу, что сами алгоритмы формирования новостной ленты Facebook способствуют поляризации мнений и взглядов. Ранжирование информации в новостной ленте социальной сети Facebook выстраивается на основании алгоритма EdgeRank. Благодаря данному алгоритму пользователи могут получать только релевантную их интересам информацию. Алгоритм состоит из нескольких важных стадий: инвентаризация страницы пользователя (анализ постов и поставленных лайков); анализ сигналов – совокупности данных, на основании которых Facebook пытается принять решение о степени заинтересованности пользователя в определенном контенте; выстраивание прогнозов для расчета вероятности определенных результатов на основании сигналов; синтез

полученной информации и оценка релевантности. Особое место в поляризации мнений играют фейковые новости, которые весьма неравномерно распределяются по идеологическому спектру. Причем такие фейки содержат информацию об актуальных политических событиях, что способствует радикализации пользователей социальных сетей. Научная группа из Оксфорда путем изучения постов и комментариев на общедоступных страницах, оценки влияния основных распространителей политической информации радикального и экстремистского характера пришли к следующему выводу: постоянно увеличивающееся количество фейков и информации радикального характера усиливает предвзятость пользователей и поляризацию групп посредством трайбализма. [3]

Следует подчеркнуть еще одну важную черту экстремистских течений и приближающихся в них радикальных сообществ, которая наиболее ярко проявляется в социальных медиа: их максимальная обезличенность и попытки быть приближенным к каждому пользователю, который будет восприниматься как нормальный и адекватный гражданин. Стандартно радикальные сообщества используют следующие коммуникативные стратегии:

- максимизация дихотомии «свой/чужой», причем адепт и сторонник сообщества автоматически будет представляться в позитивном ключе, а то время как объект обвинений будет максимально лишен любых человеческих образов и культурной оболочки;

- стереотипизация образа противника, который с одной стороны является обезличенным, с другой стороны – предельно конкретным;

- насаждение мифов о вымирающем обществе белых людей, которые периодически усиливаются за счет приведение статистики и эксплуатации страхов перед «замещением населения»;

- создание виртуальной общности для удовлетворения потребностей в общении и поиске единомышленников. Причем радикальные сообщества предпочитают позиционировать свои действия и суждения как реакцию и защиту, а не нападение.

Под воздействием «эхо-камер» в социальных сетях данные коммуникативные практики способствуют усиленной идеологической и политической радикализации. [4] Причем данная радикализация определяется такими факторами, как:

- «предвзятая ассимиляция» или предвзятость подтверждения, что предполагает определенную тенденцию к поиску только той информации пользователем социальных медиа, которая согласуется с его системой убеждений. Предвзятость подтверждения является разновидностью когнитивного искажения, которое усиливает процесс радикализации;

- трайбализация пользователей социальных сетей, что предполагает формирование достаточно автономных обособленных групп, враждебно настроенных в отношении представителей иных групп;

- повышение манипулятивного характера выстраивания коммуникаций между пользователями социальных медиа, не в последнюю очередь благодаря массовому использованию и потреблению фейковой информации;
- трансформация характера общения и выстраивания коммуникации с выпадением из нее конструктивного и рационального стремления к поиску истины. Подобная коммуникация будет характеризоваться толерантностью к нетолерантности среди пользователей социальных медиа. Нерациональность и деструктивность теперь нормальное состояние многих коммуникаций в социальных медиа.

Литература:

1. Murthy D. Twitter: Social Communication in the Twitter Age. Cambridge, 2013.
2. Kietzmann, JH, Hermkens, K, McCarthy, IP & Silvestre, BS 2011, 'Social media? Get serious! Understanding the functional building blocks of social media', Business Horizons, vol. 54 (3), p. 241 -251.
3. Nahema Marchal, Lisa-Maria Neudert, Bence Kollanyi, Philip N. Howard, and John Kelly. "Polarization, Partisanship and Junk News Consumption on Social Media During the 2018 US Midterm Elections. URL: <https://comprop.oii.ox.ac.uk/research/midterms2018/> (дата обращения: 20.05.2020).
4. Поцелуев С.П., Подшибякина Т.А. О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством эхокамер. // Научная мысль Кавказа. - № 2 (94). – 2018 г. – с. 29-34

Золотова Ольга Владимировна,
*студент 4 курса направления подготовки «Политология»,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)*

МЕДИАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ: РОЛЬ ТЕЛЕГРАММ-КАНАЛОВ

Современные медиа, представленные различными информационными каналами, платформами, ресурсами, коммуникативными площадками рассматриваются исследователями не только в качестве способа интерпретации социального мира человека, но и являются социальным пространством, формирующим социальные и политические установки.

Медиатизация социальной жизни вызвала трансформацию человеческого мышления, смену идентичности в процессе коммуникации. Идентичность теперь представляет собой «медиатизированное производство самости» [1, 51]. Проще говоря, новые медиа изменяют процесс конструирования индивидуальной идентичности человека, а значит

социализируют его. Если ранее первичная социализация человека включала в себя семью и референтные группы ближайшего окружения, то на современном этапе процесс социализации опосредован медиатизацией, и посредники коммуникации задают вектор формирования пространства, где происходит конструирование мышления и создание картины мира.

Теоретическим обоснованием этого социального феномена служит теория сетевой коммуникации М. Кастельса. Его концепт «медиаполитики», отражает современную специфику восприятия человеком всего, что его окружает, а именно *«Сообщения, организации и лидеры, которые не представлены в медиа, не существуют в общественном сознании»* [2, 221]. Используя данный подход к исследованию современных информационных площадок, выступающих средствами конструирования социальной реальности, можно сказать, что в поле видимости потребителей цифрового контента находятся только те события и факты, которые освещаются их создателями. Утверждение М. Кастельса о горизонтальной *«массовой самокоммуникации»*, интерпретирующийся через образное понятие «свободы», когда пользователь является автором своего информационного продукта и за ним остаётся право выбора контента, в данный момент относительно. Это подтверждает эффект «эхокамеры», где пользователь при наличии альтернативного контента, все-равно выбирает для коммуникации площадки, близкие ему идеологически.

Социальная жизнь опосредована коммуникацией. Конструирование происходит через информационные платформы, дающие пользователю доступ к большому объёму информации, через которую формируется понимание политических и других процессов.

Мессенджер Телеграмм, как коммуникативная площадка для исследования представляет наибольший интерес в России, особенно каналы, транслирующие и освещающие политические события. Выбор данного мессенджера обусловлен частотой использования данной платформы, что подтверждают статистические данные, где за 2019 год страна занимает первое место по количеству пользователей (72,6%), исходя из статистики Телеграмм также выполняет роль СМИ у 80% пользователей [3].

Телеграмм – каналы можно считать коммуникативным ресурсом по процессу медиатизации и формированию социального мира, поскольку информация, которая транслируется через них имеет материализованные последствия, что, следовательно, конструирует реальность.

Примером данной материализации может быть информирование участников о порядке проведения митингов посредством разработанных электронных памяток в Белоруссии. Эффективность данного подхода обусловлена количеством участников протестов. Это показывает отсутствие необходимости коммуницировать «лицом к лицу», организатору и участнику митинга, для достижения поставленной цели.

Мониторинг телеграмм-канала «HEXTA Live», отражающий протестную повестку дня в Белоруссии, позволил установить, что

публикация плакатов, видеоматериалов и фото протестов стала его неотъемлемой частью. Текст стал не интересен как способ донесения информации, поэтому новые медиа настроены на форсированное усвоение информации пользователями, что социализирует его через визуализацию событий. Особенностью данного канала является риторика, выражающаяся посредством метафор. Например, действия протестующих сравниваются с действиями «партизан» [4], где мотивационный контекст отражает следующая цитата «...вспомни, чему деды учили!» [4]. В свою очередь для выражения негативной характеристики действий государственных структур применяется следующие скрытые сравнения: «вертухай», «диктаторство». Через данный стилистический приём СМИ на контрасте формируют легитимность в отношении действий протестующих, поскольку слова «деды» и «партизаны» у преобладающей части общества на постсоветском пространстве ассоциируются с деятельностью, которая не противоречит морали и нравственности, с этической точки зрения, хотя и может нарушать правовые основы и нормы.

Помимо метафор, канал «HEXTA Live» использует прямое сравнение избирательных процессов в Белоруссии и США. Выбор данного государства оправдан наличием стереотипного мышления у пользователей, где США представляется как государство с демократическим режимом. Данный тезис отражает следующая цитата: «Такова особенность демократии – никогда не знаешь, кто победит, в отличии от режимов, где заранее объявляют результаты...» [5].

Подводя итог проведенного мониторинга телеграмм канала, необходимо заключить, что новые медиа формируют стереотипы поведения пользователей как в виртуальной, так и в реальной жизни посредством использования различных стилистических и риторических оборотов, которые усиливают дефиницию (оппозицию) между «хорошим и плохим», «своими и чужими». Процесс социализации в таком случае пронизывает все уровни когнитивной деятельности и транслирует эти стереотипы и образы поведения на повседневную жизнь.

Мессенджер Телеграмм, так же, как и привычные нам СМИ, поддерживает «культуру мгновенности». Мгновенность заставляет прибегать к регулярному просмотру каналов и мониторингу информации. Если пользователь выпадает из потока информации хотя бы на 1 день, как следствие возможна потеря понимания в ходе событий, которые телеграмм-канал транслирует.

Тексты, риторика телеграмм - каналов, зарекомендовавших изначально себя через наличие независимой экспертной оценки, могут демонстрировать иное содержание. Это можно выявить путём дискурса – анализа. Примером может послужить канал «НЕЗЫГАРЬ», который периодически освещает деятельность правительственных структур с точки зрения их эффективности, а также через либеральную критику западных СМИ, тем самым поддерживая стереотипы аудитории. Так, рассматривая сюжет протестов в Республике

Беларусь, данный канал фактически создает позитивный имидж для властных структур в Беларуси посредством критики санкционных действий в отношении первых лиц государства [6]. Таким образом выстраивается системный каркас власти, ведь России тоже пришлось пережить санкции со стороны Евросоюза в отношении государственных лиц. В сравнении этих двух телеграмм-каналов «НEXТА Live» и «НЕЗЫГАРЬ» прослеживается направленность одних и тех же сюжетов на разные по своим идеологическим взглядам и установкам аудитории, что в свою очередь может свидетельствовать о способности телеграмм – каналов побуждать к действию пользователей и конструировать (отражать) социальную действительность.

Таким образом, современные массовые каналы коммуникации становятся реальной площадкой социальной жизни, формирующей мнение пользователей по определенной актуальной повестке дня, а мессенджер Телеграмм играет в этом весьма значимую роль.

Литература:

1. Ильюшенко Л. С. Медиатизация идентичности: возможности и риски самоконструирования // Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик. Москва: Неолит, 2018. С. 51.

2. Кастельс М. Власть коммуникации. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С 221.

3. Исследование аудитории Telegram 2019//tgstat.ru URL: <https://tgstat.ru/research> (дата обращения: 09.09.2020).

4. Рельсовая война продолжается: разбуди в себе партизана от 04.11.20 [Электронный доступ] https://t.me/nexata_live/12009 (дата обращения: 05.11.2020).

5. Судьба президентского кресла в США решится в трёх штатах от 04.11.20 [Электронный доступ] https://t.me/nexata_live/12006 (дата обращения: 05.11.2020).

6. Как Лукашенко хочет удержаться у власти: «обещать возможность» покупки нефти у России и «обещать вероятность» возврата долга Китаю [Электронный доступ] <https://t.me/russica2/33796> (дата обращения: 05.11.2020).

*Кандауров Богдан Игоревич,
старший преподаватель кафедры
политических наук и регионалистики, Институт истории,
международных отношений и социальнополитических наук,
Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск)*

САКРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТИ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Проблема становления политической власти является сложным и комплексным процессом. Не в последнюю очередь на её формирование оказал сакральный компонент как один из важнейших в потестарном обществе. Под сакральностью следует понимать «священность». В современных исследованиях сакральной мифологии традиционно выделяется четыре базовых направления: мифы о происхождении богов (теогония), мифы о происхождении мира (космогония), мифы о происхождении человека (антропогония) и мифы о начале истории (историогенез).

В рамках мифологических представлений о начале истории существовал целый комплекс архаических мифов, посвящённых сверхъестественной природе происхождения власти. Подобные представления можно условно обозначить как «потестарная мифология». Она связана, как правило, с представлениями о правлении богов среди людей, что указывает на индоевропейскую модель происхождения власти. Такие сведения содержатся в первой части «Саги об Инглингах», текст которой был включён в цикл королевских саг «Круг Земной» (Heimskingla) [1].

В потестарном обществе государственная и сакральная власть практически всегда совмещались в лице вождя. Часто сакральными чертами наделялся не столько правитель, сколько должность (пост). Следует различать сакрализацию власти и обожествление правителя. Однако, в целом универсальность сакрального компонента власти относительна и «многие исследователи на Западе склонны рассматривать сакрализацию власти как обязательную характеристику власти, как обязательную характеристику вождества, т.е. формы организации власти, которая уже непосредственно предшествует государству [2, 6–7]. Общеизвестно, что сакральность не всегда связана непосредственно с вождём (институтом вождества), но и со жрецами, которых правитель может использовать как явную или скрытую опору своей власти.

В потестарном обществе жрецы, предсказатели, волхвы часто выступали в роли «теневого» или скрытой власти. В отличие от военных вождей, они были склонны достигать власти путём убеждения и хитрости, зачастую выдвигаясь в противовес вождю. Известны политические конфликты и противостояния между жрецами и вождями, как например, история об Анахарсисе, конфликты магов и царя в Иране, брахманов и кшатриев в древней Индии [2, 177].

Кроме этого, достаточно значимые социальные позиции жрецов определялись их посредничеством с божественными силами, ролью хранителей знаний, ранних технологий и традиций, исполнителей ритуальных практик. Часто совмещая также судебные функции. По сути, статус жреца, всё более обретавшего сакральные функции, выступал в качестве одного из социальных лифтов первобытности. Часто интересы жречества и правителей, нуждавшихся в легитимации своей власти и решений, совпадали. Сакрализация власти создавала впечатление целостности первобытного миропорядка и гармонии в обществе.

Подобные представления представляют интерес для понимания политической культуры и мировоззрения различных исторических эпох. Например, у скифских племён наблюдалось весьма интересное взаимодействие жречества и вождя. В скифском социуме предсказатели-жрецы занимали высокое положение. Источники (Геродот) сообщают, что, когда царь скифов заболел, он посылал за тремя прорицателями, которые с помощью гадания по ивовым прутикам и коре выявляли, кто из соплеменников якобы поклялся царскими очагами и совершил клятвопреступление. Если обвиняемый не сознавался, то царь вызывал ещё нескольких прорицателей, и если те признавали правоту своих «коллег», то обвиняемого казнили, если же они сомневались, вызывались новые прорицатели и т.д. [1, 52]. Как считает А. Хазанов, это было характерно для этапа разложения первобытнообщинных отношений либо раннеклассовой стадии общества. В таких социумах «принудительная власть царей и всякого рода предводителей окончательно ещё не оформилась, она всегда ограничена традиционными нормами и правилами, общественным мнением, все ещё действенными кровнородственными связями, родоплеменными структурами, отсутствием развитого аппарата принуждения. Поэтому цари и вожди в них нередко прибегают к услугам жречества как выразителя божественной воли не только для укрепления своего авторитета, но и для простого устранения негодных и опасных для них лиц» [3, 172]. Подобные ритуалы отмечаются и у других народов. Так, у германских племён жрецы выносили смертный приговор по распоряжению вождей [3, 173].

Очевидно, аналогичные приёмы имели цель вызвать у членов племени состояние «отключённой рациональности», когда нет понимания ложности или хитрости, однако веря в сакральность жреца, человек был убеждён в священности ритуала или обычая. Зачастую полностью отсутствовало критическое отношение к действиям жреца. Британский учёный Д. Фрезер указывал на шаманство как на «социальный лифт» древности, считая, что «этот род занятий привлекает внимание наиболее способных и честолюбивых членов племени, так как в перспективе эта карьера, как никакая другая, сулила почёт, богатство и власть» [4, 50].

Аналогичные свойства имела и отечественная потестарная мифология. В роли жрецов у славян выступали волхвы, которые согласно преданиям, появлялись в самые ответственные моменты, пророчествуя, занимаясь исцелением и т.п. Очевидно, они занимали высокое положение при князьях и играли важную роль в сакрализации княжеской власти. Академик Б. Рыбаков считал, что ещё в VI–IV вв. до н.э. на Руси появились группы жрецов-волхвов, которые руководили обрядовыми событиями, пророчествовали и участвовали в жертвоприношениях. Он отмечал, что «волхвы должны были быть близки к племенной знати, а может быть, и составлять часть её; можно думать, что «светлым князьям» племён могла принадлежать и верховная жреческая власть в племени» [5, 770]. По всей вероятности, славянское язычество имело систему сакральных представлений. Некоторые сакральные

элементы можно встретить в Русской Правде и ряде европейских правовых источников, где имеются упоминания о божьем суде как мистическом методе арбитража судебных споров.

Несколько отличное от академика Б. Рыбакова видение сакрализации власти на Руси высказала Л. Андреева. Она предположила, что этот процесс шёл с принятия христианства в X в. Она считала, что при язычестве княжеская власть воспринималась как исключительно земная; «один из ключевых моментов мифологии власти Древней Руси – отсутствие веры в божественное происхождение княжеской власти. Отсюда логично вытекает, что подчинение населения князю изначально не имело религиозной мотивации. Княжеская власть, по представлениям восточных славян, – сугубо земной институт. Сакральной являлась не должность князя, а общественные отношения (т.е. институт веча)» [6, 22–23]. Сакральные аспекты присутствовали во властных практиках задолго до крещения Руси. В древнерусском обществе власть хотя и не обожествлялась напрямую, но имела существенный сакральный компонент.

Заметим также, что божественным силам приписывалось создание системы законодательства и фискальной системы. В частности, в работе Макробия мифологически интерпретируется возникновение государственной казны в Древнем Риме: «Предки постановили, чтобы храм Сатурна был казной римлян, потому что говорят, когда Сатурн жил в Италии, никакого воровства в его владениях не совершалось» [7, 190]. Похожие представления о возникновении налоговой системы и казны имеются и в древнескандинавской мифологии: «При Фрейре начался мир Фроди. Тогда были урожайные годы во всех странах. Шведы приписывали их Фрейру... а когда Фрейр умер, они тайно перенесли его в курган и сказали шведам, что он жив, и сохраняли его там три года. Все подати они ссыпали в курган, в одно окно – золото, в другое – серебро, а в третье – медные деньги. И благоденствие, и мир сохранялись» [8, 16].

Вне всякого сомнения, потестарная мифология сложилась в культуре догосударственных обществ, она не могла создаться по воле интерпретатора поскольку её природа сакральна, а её содержание может транслироваться только прорицателями или жрецами в процессе некоего сакрального откровения и впоследствии хранится в качестве предания. Очевидный сакральный компонент во властных практиках, который обеспечивался жреческим сословием, положительно влиял на потестарную власть. Наличие связи светской и мистической власти во многих культурах позволяет утверждать о её универсальности.

Литература:

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Т. I. Античные источники. – М.: Русский фонд содействия науке, 2009. – 353 с.

2. Сакрализация власти в истории цивилизаций / Отв. ред. Д.М. Бондаренко, Л.А. Андреева, А.В. Каратаев. 2005. – М.: ЦЦРИ РАН. – 447 с.
3. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей / А.М. Хазанов. – М.: Наука, 1975. – 342 с.
4. Фрезер Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии (пер. с англ.) / Д. Фрезер. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
5. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1987. – 783 с.
6. Андреева Л.А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимации политической власти в России / Л.А. Андреева. – М.: Ладомир, 2001. – 253 с.
7. Санников С.В. Потестарная мифология как источник представлений о сакральном характере публичной власти в культуре традиционных обществ / С.В. Санников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. №1(39): в 2-х ч. Ч. I. – С. 189–191.
8. Стурлусон Снорри. Круг Земной / Отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский; изд. подгот.: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. – 687 с.

***Курбатов Андрей Владимирович,**
студент 4 курса направления «Политология»,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: ФОРМЫ И СТРАТЕГИИ

Интернет-коммуникация в современной науке получила наименование «новые медиа» – интерактивные формы обмена информацией, включая онлайн-СМИ, предполагающие цифровую форму хранения информации, сетевой способ распространения, компьютеризированную систему обработки и т.п.

Непосредственно отличительной спецификой таких медиа является возможность того, кто в традиционных медиа являлся исключительно реципиентом, становиться автором, открыто выразить своё мнение по отношению к какому-либо материалу или событию. Следовательно, в новых медиа стирается грань между автором и читателем/слушателем/зрителем, более того, часто человек совмещает эти медиа-роли. Ещё одной отличительной особенностью новых медиа, которая уже была неоднократно описана в различных исследованиях, является переизбыток информации вокруг обывателя. Так, информация, которая уже соответствует представлениям и ожиданиям обывателя, легче укладывается в его сознании

и не вызывает эмоционального раздражения, при этом она также не требует дополнительного поиска подтверждений или опровержений. Появляется множество новых эффектов, которые возникают непосредственно в современной медиа-коммуникации: fake-news, постправда, пузыри фильтров, эхокамеры, гомофильная сортировка информации, закон Гилмора, эффект Барбары Стрейзанд

Эффект, который был замечен ещё Алексисом де Токвилем, описывающим необходимость заинтересовать читателя газеты, в новых медиа значительно усиливается. Сегодня в политическом медиа-дискурсе складывается ситуация, когда не важными становятся факты, о которых говорит политик, не важно, насколько достоверный материал он обсуждает, становится непосредственно важным то, как это произносится и преподносится аудитории. В политической науке такой эффект получил название постправда (post-truth), под которой принято понимать «обстоятельства, в которых объективные факты влияют на формирование общественного мнения меньше, чем возвания к эмоциям и личным убеждениям» [1].

Ещё одним важным явлением, берущим своё начало в новых медиа, является «когнитивная цензура» – стратегии, предполагающие ослабление таких основных познавательных способностей как: память, внимание, связанное мышление. Так, С.П. Поцелуев, М. С. Константинов, Т. А. Подшибякина, выделяют следующие стратегии когнитивной цензуры: фальсификация, абсурдизация, мистификация [2].

В таких условиях меняются и способы государственного политического цензурирования. Турецкий социолог Зейнеп Тюфекчи анализируя эффективность традиционной прямой цензуры в современных условиях, на примере Арабской весны, приходит к выводу: «цензура в эпоху Интернета действует по иной логике, чем во времена расцвета печати или даже вещательного телевидения» [3, 72]. Так, отключение Интернета правительством Египта привело к эффекту, который был диаметрально противоположен ожидаемому – вместо изолирования людей от нежелательной информации и их неучастия в протестах, граждане, увидев, что их изолируют от внешнего мира стали присоединяться к акциям протеста против действующего правительства.

Однако, не стоит заблуждаться и ошибочно полагать, что прямая цензура не имеет места в современном мире. Исследования цензуры в авторитарных режимах являются достаточно популярной темой у учёных, так Мехди Шадмер и Дан Бернхардт в своей работе, посвящённой государственной цензуре, анализируют стратегический выбор руководителя такого государства, в ситуации, когда цензура становится инструментом, который может помочь избежать государственного переворота. Так, ожидаемое поведение руководителя страны зависит от: 1 – Способности следовать стратегии цензуры, принятой в стране. 2 – Коммуникационных технологий, которыми располагает государство. 3 – Возможности тех, кто

выполняет роль средств массовой информации, узнать истинную информацию о ситуации в стране.

М. Шадмер и Д. Бернхардт приходят к очень важному выводу, исследуя точку зрения правительства, цензура новостного события может принести пользу руководителю государства всякий раз, когда вероятность открытого выражения недовольства после сообщения, подвергающегося цензуре, превышает вероятность того, что никаких новостей нет. «Однако граждане понимают побуждения руководства государства скрывать плохие новости, поэтому они негативно относятся к режиму, когда они не видят новостей, подразумевая, что, возможно плохие новости были подвергнуты цензуре» [4, 302]. Таким образом, выявляется прямая зависимость между прямой цензурой и недовольствами граждан, возникающими в результате её применения.

Таким образом, прямая государственная политическая цензура, предполагающая прямой запрет информации, очевидно не является достаточно эффективной в современных реалиях, причиной этому является не изменение характера политических режимов или идеологической составляющей власти, а именно особенности медиасреды, в которой функционируют цензурные практики. Следовательно изменение характера форм и стратегий цензурирования информации зависит от медиaproстранства, в которых они функционируют.

Литература:

1. English Oxford Living Dictionaries URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth> (дата обращения: 10.05.2019).

2. Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Strategies of Cognitive Political Censorship as an Effect of 'New Media' // Dilemas Contemporaneos: Educacion, Politica y Valores. 2020. №2.

3. Z. Tufekci. Twitter and Tear Gas. New Haven & London: Yale University Press, 2017. С. 92.

4. Shadmehr M., Bernhardt D. State Censorship // American Economic Journal: Microeconomics. 2015. №7(2). С. 280-307.

*Летуновский Александр Александрович,
Федосов Матвей Васильевич,*

*студенты 2 курса направления подготовки «Политология»,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)*

МЕМЫ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ИДЕОЛОГИЙ

В качестве предисловия к данным материалам, пожалуй, стоит обозначить основные вехи, которые, в свою очередь, явно обозначились при анализе данных русскоязычного интернет-пространства. При этом, сразу стоит отметить: мем, не смотря на свою природную комичность, давно вышел за пределы границ тривиального анекдота, теперь, в особенности в молодежной среде, это средство полноценной коммуникации, показатель осведомленности в текущем тренде, в конце концов, способ информационной борьбы, вызывающий колоссальную резонансность в обществе. Обо всем этом еще будет сказано. Но для начала все же стоит разобраться с генезисом: что это за понятие, откуда оно возникло и в чем причина такой популярности?

Генезис понятия «мем». Мем как социокультурное явление

Что ж, всякий раз упоминая слово «мем», мы, сознавая это или нет, отдаем дань почтения Ричарду Докинзу, эволюционному биологу, который впервые употребил данный термин в 1976 году в книге «Эгоистичный ген». При всем этом, как и стоит ожидать, этот термин значил далеко не то, что он означает в современном представлении подавляющего большинства. Мем (в первых редакциях «мим») явился на свет в качестве аналога понятию «ген» [1, 311]. Подобно тому, как биологическая, наследственная информация содержится в генах, вся культура делится на единицы мемов, склонных к мутациям и селекции. После подобных, достаточно новаторских заявлений, даже возникает так называемая меметика, которая сейчас, все же имеет достаточно спорный научный статус.

По настоящему же полноценное признание данная конструкция приобрела с расцветом интернета и теперь означала не часть культуры в общем, а лишь определенную информацию, которая передается от пользователя к пользователю и воплощается в виде определенной конструкции (ссылка, текст, изображение или реплика). Дальнейший ход развития многим хорошо известен, мем, ныне получающий более конкретное наименование «интернет-мем», проходя путем эволюции, обретает статус сложного интернет-знака, средства коммуникации, направленного чаще на юмор, иногда на провокацию или же рекламу. Ключевым остается феномен крайней легкости его распространения между пользователями той или иной интернет-среды. При этом чем лучше мем провоцирует внимание, тем легче ему перейти в категорию медиавируса, способного привлечь внимание миллионов пользователей.

Политический мем

Теперь же, наконец, подойдем ближе к заявленной сути и обсудим случай интернет мема. Данную разновидность смело можно отнести к категории одних из самых скандальных, провокационных и вызывающих

примеров. Политический мем это мощное информационное оружие, действующее в качестве катализатора полемики (и прежде всего полемики идеологических). Как уже было сказано мем провоцирует внимание, это его основано задача, достижение которой выше любого этического принципа, отсюда частое обращение к запретным и нецензурным тематикам, шокирующий контент и откровенно аморальный контекст, который в своей абсурдности и ироничности рождает комичность, либо любой другой эффект, способствующий распространению как положительной так и отрицательной информации

Здесь же нельзя проигнорировать возможность заведомого искажения факта. Мем часто рождает фейк. Распространяясь за счет все той же провокационности и комичности, рано или поздно мем попадет в поле зрения доверчивого или неосведомленного человека, который примет искажаемое за действительное и так далее, по принципу цепной реакции фейк распространится на определенную группу людей.

Все упомянутые темы вполне достойны быть изученными, что и делается сегодня, но все же, ограничиваясь частью от целого, посвятим оставшуюся часть повествованию о двух, ярко представленных в интернете категорий политических мемов, которые, кстати говоря, чаще всего предстают перед нами в их взаимосвязи. А именно тех, в контексте которых звучат темы свободы и справедливости.

Интернет мем как маркер выражения политической свободы

Политическая свобода. В погоне за ней исторически применялись различные средства, на фоне которых мем откровенно меркнет, однако его силу и влияние на фоне всего ранее сказанного, не стоит преуменьшать. Практически в каждом меме, посвященном политике, так или иначе высказывается тема свободы, потому как сам факт создания подобного контента, это жест стремления к ней. Но все же, что характерно для мемов, посвященных тематике свободы, это чаще всего, протест – скрытый, завуалированный или же, напротив, явный. Это ирония неравенства, намек на коррупцию, осмеяние политической пассивности, длительного нахождения у власти одного и того же человека, рефлексия политического произвола и прочее.

Любая форма несогласия или протеста против того или иного идеологического посыла, политической мысли или действия, направленного на ограничение свободы, все это говорит о том, что данный мем стремится привлечь внимание на, в большинстве случаев именно отсутствие свободы при её острой необходимости. Протест и провокация общественно внимания на требующую решения проблему, вот что характеризует мем, отражающий тематику свободы. Это делает его похожим на лозунг, нередко наказуемый, потому как далеко неприятный осмеянной власти или конкретной властной группе.

Здесь же нередко проявляется то, что также находится столь близко к свободе. Далее будет звучать тематика политической справедливости.

Мем и политическая справедливость

Как известно, справедливость, в особенности политического характера, имеет место не так часто, как хотелось бы. Потому стоит упомянуть о культурном феномене мемов, освещающих социальные и политические явления с точки зрения этической категории справедливости. Явления в них, как и в любом другом меме, освещаются со стороны своеобразного творчества, воспроизводящегося в интернет-пространстве. В частности, существует множество мемов, освещающих какие-либо политические события или действия с точки зрения справедливости политики на основе народного творчества и истории; в качестве примера здесь можно привести, скажем, известный мем о Петре 1, заколачивающем «окно в Европу» из-за санкций со стороны последней.

Авторство мемов (по крайней мере мемов так или иначе выражающих факт искажения справедливости) часто не имеет определённого авторства, является анонимным продуктом коллективного мышления. Политический потенциал мемов в области политической справедливости обусловлен такими их жанровыми характеристиками как: возможность использования ненормативной лексики, чрезмерная экспрессивность, категорически оперативная актуальность. Кроме того, необходимо выделить весьма важную деталь: использование в мемах о политической справедливости сразу нескольких методов воздействия на эмоции (вербальные и невербальные методы) значительным образом усиливает потенциал возможного резонанса в обществе. Помимо комичности может использоваться и трагичность, выражение недовольства, разочарования, что может явиться неприятным для действующей государственной власти катализатором негативных настроений. Однако не следует думать, что интернет-мемы могут рассматриваться только как способ выражения политического мнения - помимо этого многие мемы данного характера служат исключительно в развлекательных целях. При этом традиционное использование всего технического разнообразия средств ради эстетического эффекта уступает место использованию различных тропов и литературных приемов уже ради создания какой-либо юмористической обстановки, но никак не озлобленности на нынешний политический режим.

Безусловно, в настоящее время данный жанр политической культуры всячески притесняется корыстными правителями различных государств, тем не менее до настоящего момента времени он не только остается на плаву, но и активно укрепляет свои позиции, говоря о хотя бы небольшом сознании реалий политической действительности.

Теперь же, остается сказать лишь об уже частично обозначенной и, надеемся, хоть сколько-нибудь обоснованной исследовательской ценности

данного феномена. Источников анализа сейчас становится все больше и больше, мем продолжает свое развитие, летописно фиксируя в своей конструкции те или иные проблемы. Необходимо лишь отсеять откровенную неправду, фиксировать увиденное и тем самым формировать социологические данные, обнаруживая в кажущейся простоте живое мнение, откровенно дающее картину общественного понимания политических реалий. Именно эти «живые» свойства, делают мем столь значимой культурной единицей.

Литература:

1. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз – «Corpus (АСТ)», 1989
2. Кузнецов И. С. Политический мем / И. С. Кузнецов - «ЛитРес: Самиздат», 2018

*Маник Анастасия Сергеевна,
студент 4 курса направления «Политология»,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)*

СОЦИАЛЬНАЯ АМНЕЗИЯ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Социальная амнезия является живым и динамичным компонентом всякого общества и любой культуры, инструментом социального самосохранения, а также одним из механизмов психологической самозащиты общества. Исследования на тему социальной амнезии актуальны для анализа процессов социокультурного воспроизводства, выяснения спектра манипуляций с коллективной памятью, механизмов конструирования и трансформации национальных мифов.

Данное явление выступает инструментом для искусственного обрыва социокультурной преемственности, построения новой этнической или государственной идентичности, а потому является важным компонентом культуры любого общества. Этап социальной амнезии в Польше предшествовал масштабным изменениям в стратегии исторической политики, что во многом повлияло на внешнюю политику Польши и её отношения с ближайшими странами. В связи с этим возникает вопрос - насколько эффективно польская власть определила «события для забвения» на этапе социальной амнезии в целях строительства новой государственно-национальной идентичности?

Ещё в начале 2000-х спор между сторонниками критического подхода к польской истории и консервативными политическими кругами вызвал многочисленные дискуссии в обществе. Начало им положила книга «Соседи» польского социолога и историка Яна Томаша Гросса о неоднозначных

примерах коллаборационизма поляков и их участия в уничтожении евреев [1]. Извинение президента А. Квасьневского в 2001 году за описанный в книге инцидент в Едвабне подтвердило официальную позицию государства по совершённым в годы Второй Мировой преступлениям. Однако представители правоконсервативной партии «Право и справедливость» выступили с критикой транслируемой оценки прошлого, называя её «педагогикой стыда» и упрекая в замалчивании примеров героизма польского народа и излишнем акцентировании негативных страниц истории Польши [2, 450]. По их словам, политика, призванная развеивать мифы и стереотипы о прошлом, только искажает реальный исторический опыт и разрушает польскую идентичность, а противовесом ей должна стать комплексная политика памяти о героях и вдохновляющих сюжетах истории [3].

В целях поддержания избранного идеологического курса был введён ряд коммеморативных практик – День памяти жертв Катыни, День национальной памяти «проклятых солдат», День памяти польских лесных братьев, празднования годовщин Варшавского восстания, Познанского июня 1956 года, а также многочисленные тематические музеи и памятники. Однако меры по увековечиванию героического образа борца за независимость Польши шли параллельно процессам «забывания» коммунистического прошлого – согласно закону 2016 года [4] запрещается пропаганда коммунизма или другого тоталитарного строя посредством названия общественных организаций, улиц, дорог, мостов и других объектов общего пользования. Помимо этого, Институт национальной памяти ведёт деятельность по информированию населения о периоде Польской народной республики (ПНР), недееспособности польской системы как самостоятельной государственной структуры, а также о лицах, служивших в органах госбезопасности и построивших карьеру другого рода в посткоммунистической Польше [5, 144-145]. Оценка просоветского периода в истории государства как однозначно разрушительного и насильственного, однако, спровоцировал всплеск недовольства среди ностальгирующей по данному периоду части населения, что, вероятно, отразилось на оценке политической ситуации ещё в 2018 году [6]. Дипломатические отношения с Россией в контексте переосмысления исторического прошлого также затруднены, т.к. официального извинения, ожидаемого Польшей, российская сторона не принесла [7].

Подобная ситуация возникает в вопросе сотрудничества с Украиной, которая усложняется памятью о трагических событиях на Волыни 1943 года, когда более двадцати тысяч польских граждан погибло от рук представителей украинских националистических организаций. На фоне более резких изменений в векторе исторической политики в соседней стране, в 2018 году в польском сейме был принят закон по «введению правовых норм, обеспечивающих эффективную защиту доброго имени Республики Польша, включая новый вид преступления, заключающийся в возложении на поляков

или польского государства ответственности за нацистские преступления, совершенные Третьим рейхом» [8]. Он также включает в себя пункт об административной ответственности за «отрицание преступлений украинских националистов», что спровоцировало неминуемый конфликт с Киевом.

Польский случай социальной амнезии в исторической политике в 2010-х г.г. можно признать не вполне удачным ввиду неоднозначной интерпретации избранного нарратива и обострения внешнеполитических конфликтов. Учитывая данные социологических опросов об оценке поляками политической ситуации в стране и их отношении к другим народам, можно сказать, что избранная стратегия исторической политики значительно повлияла на формирование внутреннего и внешнего образа страны среди граждан. Работа Института национальной памяти была направлена на смещение ответственности за такие события как Холокост на другие страны, а также на переосмысление понятия «патриотизм» в духе правого национализма. Влияние данной парадигмы стало ослабевать с 2018 года, т.к. наблюдается отрицательная динамика в оценке поляками правящей партии и правительства, а центром опросов общественного мнения CBOS фиксируется улучшение отношения к украинцам, белорусам и россиянам (хотя доля респондентов, испытывающих антипатию, всё ещё превалирует) [9]. Социологи фиксируют идеологический и демографический раскол в польском обществе, что может свидетельствовать о неудачно выбранной технологии управления коллективной памятью и использования социальной амнезии, в отличие, например, от испанского случая.

Литература:

1. Gross Jan Tomasz. Sąsiedzi: Historia zagłady żydowskiego miasteczka, Sejny, Fundacja Pogranicze, 2000.
2. Булахтин М.А. Политика исторической памяти в современной Польше // Вестник Удмуртского университета. 2019. №4. С. 449-458.
3. Tokarz T. Koncepcja «polityki historycznej» w myśli konserwatystów polskich // Teologia Polityczna. URL: <https://teologiapolityczna.pl/tomasz-tokarz-koncepcja-polityki-historycznej-w-mysli-konserwatystow-polskich> (дата обращения: 18.10.2020.).
4. Ustawa z dnia 1 kwietnia 2016 r. O zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy jednostek organizacyjnych, jednostek pomocniczych gminy, budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej oraz pomniki // Dziennik Ustaw. 2016. poz. 744. Internetowy System Aktów Prawnych. URL:<http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20160000744/U/D20160744Lj.pdf> (дата обращения: 18.10.2020.)
5. Polityka historyczna w Polsce i w Niemczech // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2006. No. 8–9. S. 135–145. 144-145

6. Политическая ситуация // CBOS URL: https://www.cbos.pl/PL/trendy/trendy.php?trend_parametr=sytuacja_polityczna (дата обращения: 18.10.2020.).
7. Поляки о Владимире Путине: он должен извиниться за высказывания о Польше (Wirtualna Polska, Польша) // ИноСМИ URL: <https://inosmi.ru/politic/20200124/246696213.html> (дата обращения: 18.10.2020.).
8. Ustawa z dnia 26 stycznia 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucie Pamięci Narodowej - Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, ustawy o grobach i cmentarzach wojennych, ustawy o muzeach oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary // ISAP URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20180000369> (дата обращения: 18.10.2020.).
9. Отношение к соседним народам // CBOS URL: https://www.cbos.pl/PL/trendy/trendy.php?trend_parametr=sasiednie_narody (дата обращения: 18.10.2020.).

*Милонова Ксения Ильинична,
магистр I курса направления Международные отношения,
Гуманитарный факультет, РГСУ (г. Москва)*

ПОДНЯТИЕ ЗАБЫТЫХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ТЕМАТИК В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ФОРМА ПРОТЕСТА МОЛОДЕЖИ ПРОТИВ КОГНИТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

История является базой формирования самосознания любого социума. Крупные, значимые исторические события ложатся в основу становления гражданской идентичности каждого человека и всего общества в целом. Это связано с тем, что образы прошлого участвуют в процессе социализации, «как рефлексивно контролируемый социальный процесс: они не просто дают знания о политике, ее отдельных элементах, характерных для нее отношениях, нормах, ценностях, но и включают их во временной контекст» [1, 80]. Важно отметить, что наше миропонимание, в том числе и историческое сознание, изменяется под влиянием повседневной жизни, вызовов современности, образов, формируемых искусством, СМИ, литературой, кинематографом и так далее. Сегодня, медиа-среда, в которой формируется и социализируется молодежь, в большей степени представлена интернет-ресурсами. Широкое пространство для дискуссии и доступность огромного объема информации привели к появлению и укреплению множества, иногда диаметрально противоположных, позиций по любым вопросам, которые находят свое отражение в интернете. Каждый получил право выбирать самостоятельно во что верить, какой правды

придерживаться. Это приводит к ослаблению целого ряда социальных институтов, размыванию идентичности людей. В этом контексте А. Мегилл отводит особую ценность памяти, отмечая, что «в мире, в котором альтернативные реальности постоянно входят друг с другом в конфликт, и в котором множество возможных идентичностей выставлено напоказ, для «памяти» вполне достаточно причин выдвинуться на первый план. Можно даже постулировать одно правило: когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти» [2]. Другими словами, для подкрепления идентичности необходимо выстроить ощущение непрерывности истории, так как основной функцией любой памяти выступает связь между прошлым и настоящим, помощь индивиду в сохранении своего самосознания во времени и, при этом, нахождении себя в активно трансформирующемся мире.

Очевидным является тот факт, что уязвимость и дезориентация людей на широких информационных просторах интернета формирует у политических акторов желание повлиять на массовое и индивидуальное сознание, через канал к которому, по данным ВЦИОМ В России на конец 2018 года подключено более 81% граждан, при этом 65% - на ежедневной основе. Так, «современные подходы к трактовке политики концентрируются на том, что властные отношения основаны преимущественно на формировании человеческого сознания путем конструирования смысла через создание образа» [3, 249], и инструментом для конструирования часто выступает интернет. Развивая эту мысль, политический социолог Зейнеп Тюфекчи, отмечает, что цензура, как форма политического контроля в наше время также использует новые медиа-ресурсы, как основной ресурс «мягкого» воздействия. Блокировка нежелательной контента, манипулирование с помощью фейковых новостей или целенаправленное создание потока размытой правды и лжи, в котором восприятие сведений осложняется или становится невозможным для людей представляются действенными методами современной когнитивной политической цензуры. В этом контексте социальное забвение рассматривается нами как целенаправленная деятельность, направленная на социальное конструирования реальности масс людей, вследствие которой формируются мнемонические дефициты, то есть разнообразные проявления недостаточности и дисфункциональности памяти. Типами мнемонических дефицитов выступают забывание, забвение и амнезия, в результате действия которых в рамках новых медиа ресурсов выявляется эффект, являющийся острым показателем становления политической цензуры тоталитарного государственного режима: переписывание истории на глазах ее свидетелей.

Разрушение доверия к традициям, традиционным социальным ценностям, которое в известной степени, стало результатом манипулятивного воздействия на сознание молодого поколения со стороны обозначенных агентов социальных манипуляций, недоверие к институтам социализации (семье, образованию, государству, религии) стало причиной изменения

моделей политического участия молодого поколения, как ответа на попытки контроля сознания молодых людей. Молодежь показывает возрастающую активность в нетрадиционных формах политического участия в акциях прямого действия, таких как демонстрации и онлайн-подписание петиций [4, 108]. Одним из таких способов выражения своего мнения, на наш взгляд, представляется намеренное поднятие и активное обсуждение табуированных или забытых тематик. Рассматриваемая тактика поведения обусловлена не только протестом против лишения права выбора и права знать истину, но и осознанием ценности памяти. Подобная логика мышления прослеживается и в трудах Бугайчук Т.В. и Коряковцевой О.А., которые обозначают что «есть основания полагать, что, чем меньше сообщество укоренено в существующих и хорошо функционирующих социальных практиках, тем более проблематична его идентичность, тем более конститутивным является для него его «вспоминаемое» прошлое» [1, стр. 79]. По мнению большинства молодежи (72,5%), которая находит свое отражение в результатах нашего исследования цензура ущемляет свободу личности и свободу слова, является нарушением конституционных прав и негативно отражается на демократическом государственном устройстве. О том, что молодые люди стремятся говорить о том, что по их мнению является табуированной или забытой политической темой говорит и растущая популярность нового типа интернет контента - авторских исторических фильмов на цензурированные аспекты истории России. К таким фильмам можно отнести работы YouTube-каналов «Парфенон», «А поговорить?», «Alexander Nevzorov», «Навальный live» и «вДудь», который во многом является автором нового направления. По данным «Google Россия» фильм Юрия Дудя «Беслан. Помни» стал самым популярным роликом в YouTube в 2019 году, в 2020 одним из самых обсуждаемых роликов стал фильм «ВИЧ-2020». А известный журналист и политический деятель Анатолий Шарий занял второе место в рейтинге «Топ-20 русскоязычных YouTube-блогеров» по вовлеченности аудитории. На вопрос о том, какие темы вы считаете подверглись цензуре и намеренно не поднимаются в СМИ, молодые люди отмечали острые экологические вопросы, истории техногенных катастроф, строительство мусорных полигонов, военные действия в Украине и присоединение Крыма, разрушение памятников исторического наследия, темы связанные с ведением и результатом военных действий, митинги и протесты в России и постсоветском пространстве. Отдельной категорией тем представились вопросы изменения исторических событий. Здесь наиболее часто упоминалось события Октябрьской революции, ВОВ, причин и последствия распада СССР, а также историй терактов и крупных трагедий (к примеру пожар в ТРЦ «Зимняя вишня»). Среди опрошенных 64,4% отметили, что готовы поддерживать проекты и блогеров, которые освещают рассмотрение темы. Подавляющее большинство - 89,1% сообщили, что представляется важным делать большие документальные фильмы-расследования не только по давно минувшим событиям, но и по тем, которые произошли только что,

чтобы не допустить засекречивания данных и оставить яркий информационный след. Среди опрошенных молодых людей 53,6 считают открытое высказывание и обсуждение забытых тематик актом протеста против политической цензуры, а 90,4% из них считают, что именно интернет медиа-ресурсы и социальные сети позволят преодолеть мнемонические дефициты, которые вызваны целенаправленной деятельностью политических акторов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современном мире поднятие забытых исторических тематик и освещение политически-значимых событий посредством интернет-ресурсов в молодежной среде является не только актом политического участия, но попыткой борьбы с новой когнитивной политической цензурой. Это явление, по нашему мнению, требует детального всестороннего анализа и широкого исследования, так как формирование крупного информационного ресурса, который в глазах молодежи является в высокой степени правдивым во многом формирует и трансформирует идентичность, самосознание нового поколения.

Литература:

1. Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Становление гражданской идентичности в условиях социально-политической реальности // Социально-политические исследования. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-grazhdanskoj-identichnosti-v-usloviyah-sotsialno-politicheskoy-realnosti> (дата обращения: 25.10.2020).
2. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. – URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/megill/megill12.htm> (дата обращения 15.10.2020).
3. Кастельс М. Власть коммуникации [Текст]: учеб. пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. - М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. - 591 с.
4. Пырма Р.В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019;9(6):100-110.

Мосоровчук Антон Алексеевич,
студент 1-го курса магистратуры,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

ЗАПРОС НА АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ИНФОРМАЦИЮ В СМИ: ДАННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА СТУДЕНТОВ ЮГА РОССИИ¹

Период 2015-2020 годов является очень примечательным для нашей страны. За этот промежуток времени Россия пережила ряд взлетов и падений, которые оставили существенный след в сознании россиян и, в частности, молодежи. За этот период сильно изменилось отношение студенческой молодежи к политике и политикам, СМИ и т.д. Кризис доверия, который на данный момент испытывают традиционные каналы информации, оцениваемые у большинства молодежи как прогосударственные, наталкивает на определенные размышления и нуждается в рефлексии. Почему так произошло? Почему значительная часть молодежи отрешивается от просмотра телевизора, хотя буквально недавно телевизор был главным каналом информации для многих слоев населения?

Пытаясь ответить на этот вопрос, хотелось бы обратиться данным, полученным в ходе грантовых исследований 2015 и 2018-2020-ых годов: «Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодежи Ростовской области», проект № 14-03-00302а; «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов», проект № 18-011-00906а. Данные исследования включали в себя: групповые интервью (фокус-группы), а также анкетированные опросы. На основе информации, полученной в ходе групповых интервью, были составлены анкеты-опросники. Опрос на тему «Украинский кризис глазами студенческой молодежи» проходил с апреля по июнь 2015 года в ВУЗах города Ростова-на-Дону. Всего в опросах участвовало 718 студентов (350 юношей и 368 девушек) из разных направлений. Студенты делились преимущественно на 2 группы: студенты младших курсов (1 курс) и студенты-старшекурсники (3-5 курсы). Второй исследовательский проект проходил под названием «Россия в 21 веке и ее будущие перспективы в мировом сообществе». Как и прошлым году происходило деление на группы по возрастному признаку – студенты младших (1-2 курс) и студенты старших курсов (3-5). Преимуществом второго опроса, проходившего с сентября по ноябрь 2019 года, было существенное расширение географии (Ростов-на-Дону, Астрахань, Ставрополь, Нальчик, Новочеркасск, Краснодар), а также большой охват респондентов (2551 студент).

В ходе анализа данных, основной упор будет делаться на рассмотрение интересующих нас тематик, которые затрагивались как в ходе интервью, так и в ходе проведения анкетированных опросов: 1) Использование студентами источников информации и степень доверия к ним; 2) Интерес молодежи к

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов», проект № 18- 011-00906а.

политике. Также не будем обходить стороной анализ тем, вызвавших среди студентов наибольший интерес. Когнитивный подход позволит нам обойти эффект «спирали молчания» и выявить стереотипы и идеологические концепты, присутствующие в студенческом сознании, которые могут указать на источник, из которого эти концепты могли попасть в сознание респондента.

Исследование 2015 года:

Во всех опрашиваемых группах респондентов именно федеральные телеканалы были отмечены как «важные источники информации», однако, большая часть студентов обозначила «низкий» уровень достоверности получаемой из этих источников информации. А вот отношение студентов к интернет-источникам оказалось противоречивым. Если гуманитарии скептически относятся к таким неинституционализированным формам передачи информации считая их основными генераторами слухов, отмечая проблему субъективности мнений, но не исключая их использование в качестве сравнительного материала, то студенты естественнонаучного и технического направлений оценивают эти источники как «приемлемые». Несмотря на перечисленные выше отличия, представители всех направлений солидарны друг с другом в оценке иностранных СМИ и российских оппозиционных изданий. Достоверность информации, получаемой из этих источников, подвергается сомнению. Однако, если иностранные СМИ игнорируются, то оппозиционным источникам уделяется время только со стороны гуманитариев.

В ходе интервью наблюдались две противоположные реакции респондентов: 1) Попытка прекратить обсуждение неинтересных или неудобных для студентов тем; 2) Активная дискуссия на интересующие темы, нередко выходящая за рамки регламента. К первой группе реакций относятся вопросы, затрагивающие роль российской оппозиции в политике, межэтнические конфликты и т.д., а ко второй группе реакций можно отнести темы внешнеполитического характера: присоединение Крыма; война на Востоке Украины; место России на международной арене; друзья и враги России и т.д. Как видно, в 2015 году, среди молодежи наблюдался сильный интерес ко внешней политике, который явно доминировал над внутривнутриполитической повесткой.

Проанализировав данные групповых интервью и анкетных опросов за 2015 год, можно сделать вывод о доминировании прогосударственных источников информации над альтернативными каналами информации. Несмотря на то, что значительная часть респондентов отметила «низкий» уровень доверия к федеральным каналам, в студенческом сознании преобладали стереотипы и мифы, которые транслируются преимущественно традиционными СМИ. Это свидетельствует о том, что заявления студентов о поиске альтернативных источников информации, проверки новостей на достоверность являются скорее демонстративными.

Исследование 2018-2020 годов:

Уже в ходе интервью были замечены существенные изменения в настроениях респондентов.

Заметным отличием от 2015 года стало отношение телевизионным и прогосударственным СМИ. Такие источники информации получили «резко негативную» оценку. Отмечалась их ангажированность и предвзятость. Значительная часть респондентов утверждает, что практически не использует телевидение для получения информации, получая сведения о политике преимущественно из интернет-источников, а также в ходе общения со своими друзьями и родственниками. Неизменным остались: заявления студентов о том, что они стараются использовать разные источники информации; подозрительное отношение студентов к зарубежным СМИ. Примечательны тенденции, касающиеся доверия к каналам коммуникации. В ходе анкетного опроса студентам предлагалась выбрать не больше трех источников информации, к которым они испытывают доверие. Если в 2015 году 68% респондентов отметило важность «центральных каналов телевидения» и только 23% интернет-источников [1, 1676], то в 2019 году ситуация кардинально изменилась. Так интернет-каналы считаются важными для 61,2% опрошенных, в то время как 37,2% студентов отмечают значимость телевидения. Это свидетельствует о возросшем влиянии интернет-источников и о падении доверия к телевизионным-каналам. На второе место по важности получения политической информации студенты отнесли общение с друзьями, родственниками и знакомыми (47%). Заметна роль референтных групп. Интересно отношение молодежи к попыткам государства контролировать интернет отражает лозунг «Свободу интернету» с которым в той или иной степени солидарны 79,3% респондентов [3, 190-198]. Так, пытаясь выяснить отношение молодежи к серии принятых законов, регулирующих деятельность пользователей в сети Интернет, 36,8% респондентов солидарны с высказыванием о недопустимости контроля Интернета, а 26,5% считают принятые законы антиконституционными. Только 10,2% респондентов затруднилось ответить на этот вопрос, что говорит о сформировавшихся представлениях, касаемо этой проблемы.

Показательной будет миграция концептов в период 2015-2019 годов. В молодежной среде 2015 года присутствует имперский миф, представляющий Россию как великую державу [2, 1609]. Также в 2015 году можно наблюдать резкие реакции студентов по отношению к присоединению Крыма в состав РФ, а также к смене власти в Украине в 2014 году [1, 1674]. Такие однозначные реакции к этим событиям могут свидетельствовать о преобладании одного канала связи, в данном случае телевидения и прочих прогосударственных источников, над информационными ресурсами предлагающими альтернативный взгляд на действительность. В тоже время это может свидетельствовать о нежелании граждан получать альтернативную информацию. Совершенно иные оценки как внешней, так и внутренней политики можно наблюдать в 2019 году. Так 50% (!) респондентов солидарны с мнением «Наши власти слишком увлеклись политикой, а надо

бы сосредоточиться на политике внутренней», а 14,8% студентов выбрали вариант «Внешняя политика России непоследовательная, агрессивная и вызывает у меня чувство стыда» [3, 190-198]. Возросший интерес к внутренней политике по сравнению с прошлым исследованием обуславливается острыми социальными проблемами, которые больше всего волнуют молодежь.

В целом, в ходе опроса было выявлено уменьшение интереса студенческой молодежи к политике. Апатия студентов – это показатель разочарования. Часть студентов не верит в политику, как в средство, способное решить насущные проблемы. Если в 2015 году 77,7% процентов респондентов интересовались политикой в той или иной степени, то в 2019 году таких людей стало 60,3%. Данные по Югу России не сильно расходятся от ростовских. Так о постоянном интересе к политике заявило только 14,9% опрошенных, в то время как 48,9% интересуются политикой время от времени, 34,7% респондентов в той или иной степени не интересуются политикой. Как отмечают ростовские исследователи – вероятнее всего интерес к политике со стороны молодежи в 2015 году обусловлен энтузиазмом «Крымской весны», в то время как наблюдаемое в 2019 году безразличие можно объяснить разочарованиями во внешней и во внутренней политике [3, 190-198].

Еще в ходе интервью был замечен интерес к темам, по отношению к которым уделялось существенно меньше внимания в 2015 году. Такими «альтернативными темами» стали: коррупция; слабый рубль; зависимость от «нефтяной иглы»; дистанцирование власти от граждан и другие. И хотя тема коррупции волновала студентов и в 2015 году, в студенческом дискурсе появились новые концепты, которые не могли попасть в студенческое сознание через традиционные каналы коммуникации. Это говорит о влиянии негосударственных каналов коммуникации на сознание масс. Примечательно также и то, что студенты почти ничего не знают о протестных движениях в России, за исключением недавних протестов 2017-2018 годов. Тем не менее заметно влияние деятелей российской оппозиции на молодежное сознание. Это также подтверждает гипотезу об увеличении использования молодежью интернет-ресурсов так как российская несистемная оппозиция использует преимущественно интернет-каналы для связи с гражданами.

Что произошло:

Близость позиций граждан и власти в 2015 году способствовала увеличению влияния прогосударственной риторики в общественном дискурсе и как следствие – увеличению роли российского телевидения транслирующего взгляд Кремля. В то время как усталость от телевизионной пропаганды, отдаление власти от общества, несоответствие российских амбиций реалиям способствовали: поиску со стороны молодежи альтернативной информации, преимущественно в интернете; потере веры в политику, со стороны значительной части молодежи, как способа решения социальных, экономических и других проблем.

Несмотря на уменьшающийся процент молодых людей, интересующихся политикой, нельзя говорить о их «политической незрелости». Наоборот, данные, полученные нами, говорят о вовлеченности студентов в политический процесс, искренних переживаниях молодежи насущными проблемами общества, а главное об осведомленности, рефлексивности и осмысленности знаний о политике. Уклон от политики связан с отходом от состояния «Крымской эйфории», а также выступает как своеобразный протест. Как показал анализ, значительное число студентов, ответивших в той или иной степени отрицательно на вопрос «интересуетесь ли вы политикой» оказались в курсе политических событий и проблем. Сильное воодушевление от присоединения Крыма в состав России пошло на спад, заметна озабоченность проблемами внутри страны, в то время как страхи времен украинского кризиса уходят в прошлое. В первую очередь респондентов беспокоит коррупция и преступность. Молодежь ждет перемен.

Телевидение в России в силу отсутствия многообразия политических взглядов и альтернативных точек зрения, наличия цензуры и невозможности самостоятельного выбора контента имеет больше предпосылок для создания закрытой системы взглядов, нежели интернет. Люди соглашались оставаться в рамках этой закрытой системы взглядов до тех пор, пока их взгляды согласовывались с позицией, транслируемой в системе. На данный момент российская молодежь не получает в должной степени ответы на интересующие их вопросы от традиционных каналов информации. Вектор политических интересов изменился, люди стали интересоваться в большей степени вопросами внутренней политики. Если традиционные источники информации не способны дать ответы на вопросы, интересующие население, то людям не остается ничего кроме как искать альтернативные каналы, а, возможно, и альтернативную информацию. Это не означает, что альтернативная информация игнорировалась ранее. Возможно, концепты, которым ранее не придавалось большого внимания, на самом деле латентно накапливались в сознании индивида. Однако в кризисной ситуации эти латентные концепты «пробудились». Именно совпадение позиций людей и действий власти в 2015 году способствовало интересу к концептам транслируемым традиционными СМИ, в то время как ряд внешних факторов, в том числе неудачных управленческих решений, привело к постепенному выходу человеческого сознания из закрытой системы взглядов и «пробуждению спящих идеологем». Первыми из этой закрытой системы взглядов выходят люди имеющие доступ к альтернативным каналам информации, а также те, кто обладают наиболее подвижными и адаптивными идеологическими установками. Безусловно, в первую очередь, речь идет о молодежи. Не стоит завышать роль интернета и занижать роль традиционных каналов коммуникации. Появление альтернативных точек зрения не освобождает студенческое сознание от влияния мифов и стереотипов, «fake-news» и т.д., хотя и вносит разнообразие и дает возможность студентам

критически мыслить. Кроме того, в студенческом сознании присутствуют стереотипы, характерные для телевидения, что противоречит заявлениям студентов о игнорировании этого канала коммуникации. Возможно, студенты получают «прогосударственную» информацию из других каналов (интернет, референтные группы и т.д.), а, возможно, речь идет о «спирали молчания». Не исключено, что эти «прогосударственные» концепты дадут о себе знать, когда настроения молодежи пересекутся с риторикой государства.

Литература:

1. Константинов М. С. Имперский палингенез: праворадикальные идеологемы в студенческой среде (статья первая) // ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО. 2015. С. 1670-1681.

2. Поцелуев С. П. Константинов М. С. Имперский палингенез: праворадикальные идеологемы в студенческой среде (статья вторая) // ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО. 2016. С. 1608-1619.

3. Поцелуев С. П., Константинов М. С., Лукичев П. Н. От энтузиазма «Крымской весны» – к фрустрациям «русской зимы»? О когнитивных сдвигах в сознании студенческой молодежи Юга России (по материалам серии социологических исследований 2015–2020 гг.) // Власть. 2020. Том 28. № 2. С. 190-198.

*Пилюгина Катарина Петровна,
магистрант направления подготовки «Философия»,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)*

ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО: ОПЫТ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Особый интерес к рассмотрению процесса проработки прошлого представляет опыт ГДР, в которой сочетались две диктатуры – национал-социализма и СЕПГ. В 1989 г. Германская Демократическая Республика пережила «двойную смену идентичности»: она избавилась от навязанной диктатуры и воссоединилась с ФРГ [1; 61-63] посредством заключения договора. Это событие стало предпосылкой к осмыслению в немецком дискурсе событий недавнего прошлого: отношения к истории, преступникам и жертвам, нормативно и институционально закрепленная политика, включающая в себя различные коммеморативные форматы, направленная на решение данного вопроса.

Концепт проработки прошлого как процесса проведения критической работы над прошлым был впервые использован немецким философом Т. Адорно (1959 г.). Проработка прошлого включает в себя

«психотерапевтические, политические и культурные стратегии» [2; 4]. Основу двух последних составляют символические конструкции, которые входят в категорию мемориальной культуры.

В первые годы не предпринимались попытки обращения к прошлому ГДР, эта проблема приобрела актуальность лишь в 1992 г. Представителями всех фракций Бундестага совместно с ведущими учеными была создана комиссия «Проработка истории и последствий диктатуры СЕПГ», результатом деятельности которой стала борьба за интерпретацию прошлого ГДР. В 1995 году была сформирована новая комиссия «Преодоление последствий диктатуры СЕПГ в процессе немецкого объединения», занимавшаяся изучением всех сфер общественной жизни ГДР. По итогам работы был создан реестр мест общенационального значения на территории Восточной Германии, нуждающийся в федеральном финансировании¹; сформулированы рекомендации по интеграционному процессу двух государств и созданию постоянно действующего органа, специализирующегося на истории ГДР и ее проработке. Такой орган был создан в 1998 г. – «Федеральный фонд исследования диктатуры СЕПГ». Фонд оказывает поддержку исследованиям исторического наследия эпохи ГДР, а также мемориальным комплексам, музеям, архивам и свидетелям, рассматривает общественные проекты и инициативы. Таким образом, уже в течение первого десятилетия после присоединения немецких государств были предприняты усилия для формирования восточногерманской политики памяти.

Официальная политика в сфере осмысления прошлого получила дальнейшее развитие, предпринимались попытки по расширению ее направлений. Так в 2005 г. была создана «комиссия Заброва», состоявшая из немецких историков и участников сопротивления во главе с Мартином Забровым. Представленный в 2006 г. доклад содержал критику преуменьшения значения диктатуры СЕПГ, а также попытки отождествления диктаторского режима с репрессиями [3]. В рамках концепции политика памяти делилась на три направления: «Власть – общество – сопротивление», «надзор и преследование», «разделение и границы» [4; 662-666], а также вместе с этим и повседневную жизнь. На комиссию обрушилась волна обвинений в том, что изучение повседневной жизни может привести к отождествлению диктатуры и демократии, после чего комиссия была упразднена [5; 30].

---

¹ В 1999 г. была выпущена «Концепция будущей федеральной поддержки мемориалов». В ней было дано обязательство 50%-ного финансирования мемориалов федерального значения со стороны государства ввиду финансовой неспособности Восточной Германии обеспечить создание и работу мемориалов. При этом финансово поддерживались только те мемориальные комплексы, которые обращены к позитивной памяти, а негативные места памяти (места террора) были вынуждены искать поддержку у гражданского общества. См.: Schlussbericht der Enquete-Kommission «Überwindung der Folgen der SED-Diktatur im Prozess der deutschen Einheit». Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/13/110/1311_000.pdf (дата обращения: 30.11.2020).

Спустя два года была предложена новая концепция мемориальной политики: «Взять на себя ответственность. Усилить проработку. Углубить память» [6; 139]. В документе содержались принципиальные отличия между диктатурами национал-социализма и СЕПГ; было выделено четыре направления: «разделение и границы, надзор и преследование, повседневность ГДР, противостояние диктатуре СЕПГ» [7]. Детальной проработке подвергся последний блок: достигнуты договоренности о сотрудничестве с организациями, занимающимися диссидентским движением в ГДР; создавались места памяти, связанные с гражданским сопротивлением, а также положено начало изучению повседневной жизни ГДР и обозначены направления борьбы с тривиализацией диктатуры СЕПГ [7].

Исследование повседневности ГДР породило феномен «остальгии» («ностальгия» + «ост» - восток) – тоску по будничной жизни ГДР. При этом не имелась в виду идеализация диктаторского режима, скорее стремление показать, что в ГДР было «не все так плохо» [8; 39-53]. Повседневность обычных граждан ГДР получила институциональное оформление в виде экспозиций. Так, материалы о повседневной культурной жизни Восточной Германии появились в Немецком историческом музее, биографии граждан дополнили экспозицию лейпцигского Форума современной истории, Музей ГДР добавил к своей постоянной выставке экспозицию о СЕПГ, мемориал «Дворец слез» также рассказывал историю о расставании семей из граждан ФРГ и ГДР на вокзале.

Особенно уделялось внимание жертвам режима СЕПГ: магдебургский мемориал Морицплац, где сохранились архивы о деятельности «Штази», Музей «Штази», Николаевская колонна в память о революции 1989 г. [1; 62] и др.

Историческая политика в отношении режима ГДР направлена не на сохранение памяти о нем, а на его преодоление. А. Ассман считает, что память о государстве с двумя диктатурами должна стать содержанием общеевропейской памяти [1; 61-65].

Таким образом, уникальность кейса ГДР в практике формирования исторической политики является то, что в ней поэтапно сменились две диктатуры, однако большее внимание властей было сосредоточено на осмыслении и смягчении воспоминаний о диктатуре СЕПГ и феномена остальгии – тоски по повседневному быту восточных немцев, что стало основным содержанием мемориальной культуры ГДР.

Литература:

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 223 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

3. Empfehlungen der Expertenkommission zur Schaffung eines Geschichtsverbundes «Aufarbeitung der SED-Diktatur» // Bundesstiftung zur Aufarbeitung. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bundesstiftungaufarbeitung.de/uploads/pdf/sabrow-bericht.pdf> (дата обращения: 30.11.2020).

4. Wentker H. Unausgewohnheiten und Schlagseiten. Eine kritische Stellungnahme zu den Empfehlungen der «Sabrow-Kommission» // Deutschland-Archiv. 2006. № 39. S. 662–666.

5. Christoph K. «Aufarbeitung der SED-Diktatur» – heute so wie gestern? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2013. № 42–43. S. 30.

6. Хорольская М.В. Преодоление прошлого и переосмысление истории ГДР в современной Германии // Россия и современный мир. № 1 (102). 2019. С. 133-147.

7. Fortschreibung der Gedenkstättenkonzeption des Bundes, Verantwortung wahrnehmen, Aufarbeitung verstärken, Gedenken vertiefen. Berlin: H. Heenemann GmbH & Co., Buch- und Offsetdruckerei, 2008. S. 25. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/098/1609875.pdf> (дата обращения: 30.11.2020).

8. Хорольская М.В. Проблемы трактовки и восприятия истории ГДР в единой Германии [Текст] / М.В. Хорольская // Свободная мысль. – 2017. – № 5. С. 39-53.

Научное издание

**X Юбилейный Южно-российский
политологический конвент
«Политическая власть в условиях
социальной турбулентности:
региональные и глобальные аспекты»**

Материалы Всероссийской онлайн-конференции
с международным участием

Подписано в печать 15.12.2020 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 100 экз.
Усл. печ. лист. 12,79. Уч. изд. л. 13,2. Заказ № 7830.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.